

ОСНОВА

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА

1861

1862

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ТИВЛЕНА И КОМП.
ВЪ ТИПОГРАФИИ П. А. КУЛИША И ТИВЛЕНА И К^О.

Per. 277^d (1861, 5)

ОСНОВА

1861

М А И

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Ковзъръ, XIV—XIX. Предсмертнѣ думи, Т. Г. Шевченка.
- II. Дневникъ Т. Г. Шевченка.
- III. Салатка, Д. Л. Мордовцева.
- IV. Липовыя пуши, Д. И. Хоречко.
- V. Сиротѣна—Олександра Конисьского.
- VI. Письма о Богданѣ Хмельницкомъ, М. А. Максимовича.
- VII. Автобиографія Бѣлокопытенка, М. Т. Номиса.
- VIII. Плачь Россійскій, съ предисловіемъ Н. А. Кулиша. /
- IX. Багѣта Кутѣ, М. Т. Номиса.
- X. Обзоръ украинской словесности. IV. Гоголь, Н. А. Кулиша.
- XI. Гимназическая переписка, Лимейкина.
- XII. Хуртовина, С. Д. Носа.
- XIII. Письма о пчеловодствѣ, Н. Н. Костенецкаго.
- XIV. Географическое обозрѣніе края, населеннаго южнорусскимъ народомъ, Н. М.
- XV. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины», Л. М. Немчужиникова.
- XVI. Приглашеніе, Н. Н. Анненкова.
- XVII. Вѣсти. (письма изъ разныхъ мѣстъ южнорусскаго края).
- XVIII. Отъ Редакціи.
- XIX. Объясненіе южнорусскихъ словъ.
- XX. Музыкальное и библиографическое извѣстіе.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочу братья и Русскій Земли.»
Владиміръ Мономахъ.

1861

М А Й

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИВЛЕНА И КОМП.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА (*).

Первый отрывокъ.

Юня 12, 1857 г.

Первое замѣчательное происшествіе, которое я вношу въ мои записки, суть слѣдующее: обрѣзывая сію первую тетрадь для поминутыхъ записокъ, я сломалъ перочинный ножъ. Происшествіе, повидимому, ничтожное и незаслуживающее того вниманія, которое я ему оказываю внося его какъ что-то необыкновенное въ сію цеструю книгу. Слу-

(*) Въ-увѣренности, что всякое слово нашего незабвеннаго поэта дорого и любопытно каждому читателю «Основы» помѣщаемъ отрывокъ изъ дневника Шевченка,—дневника, который не предназначался къ печати и задуманъ имъ съ цѣлю — сократить время въ ожиданіи разрѣшенія—возвратиться къ друзьямъ, послѣ 10-лѣтней разлуки. Дневникъ этотъ занимаетъ 102 большихъ полулиста и представляетъ драгоценныя біографическія данныя съ 12 іюня 1857 по 13 іюля 1838 года, и не многія, но высшей степени любопытныя, воспоминанія поэта о своей молодости. При жизни Тараса Григорьевича, дневникъ его почти никому не былъ извѣстенъ; онъ былъ подарокъ, за тайну, ближайшему другу покойнаго, М. М. Л.—скому, которому всѣ почитатели поэта обязаны, выстѣ съ нами, благодарностью за позволеніе — взглянуть поближе на эту простую, сильную, истинно-художественную натуру, на эту глубоко-печальную, но поучительную, геройски-выдержанную, жизнь. Только изъ «дневника» можно узнать, сколько дѣтской искренности и мужественнаго само-сознанія, сколько человѣчности, можно-сказать—благости, было въ чистомъ сердцѣ *нашого Тараса*. Изъ «дневника» и нѣкоторыхъ поэтическихъ его откровеній становится ясно—что дало ему силы—вынести горестную свою долю: безграничная любовь, къ народу, непрестанное сочувствіе *ко всему страждущему* въ этомъ чудномъ мірѣ, красота котораго была неизмѣнно присуща ему, какъ художнику: вотъ-что увлекало его до забвенія о собѣ-самомъ, о своей собственной участи...

... віть не просить,
Не плаче, не стогне:
Разъ добромъ наліте сѣрце
Віть не прохолоне.

Онъ былъ добръ тою возвышенною добротою гениальнаго ума и сердца, безъ которой для человека не возможно истинное величіе. — Гениальность природы Шевченка видна и въ томъ, что онъ такъ-много понималъ, и такъ-вѣрно угадывалъ *правду*, почти безъ всякаго научнаго, школьнаго, образованія: до послѣдней своей минуты, онъ не зналъ русскаго правописанія; его «дневникъ» наполненъ ошибками въ историческихъ именахъ, техническихъ названій, въ словахъ изъ иностранныхъ языковъ; но много ли у него ошибокъ въ пониманіи природы, искусства, человека, родины и—себя-самого?

чпсь этотъ казусъ въ столицѣ или даже въ порядочномъ губернскомъ городѣ, то, натурально, онъ не попалъ бы въ мою памятную книгу. Но это случилось въ Киргизской Степи, т. е. въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, гдѣ подобная вещьца для грамотнаго человѣка, *какъ на-примръ—я*, дорого стоить; а главное—что не всегда ее можно достать и даже за порядочныя деньги. Если вамъ удастся растолковать свою нужду армянину—маркитанту, который имѣетъ сообщеніе съ Астраханью, то вы все-таки не ближе какъ черезъ мѣсяць — лѣтомъ, а зимою—черезъ пять мѣсяцевъ, получите прескверный перочинный ножикъ и, разумеется, не дешевле *монеты*, т. е. рубля серебромъ. А случается и такъ,—и весьма часто,—что вмѣсто ожидаемой вамъ съ нетерпѣніемъ вещи, онъ васъ попотчуетъ или московской бязью, или кускомъ верблюжьяго сукна, или, наконецъ, кислымъ—какъ онъ говоритъ—*дамскимъ* чпхиремъ. А на вопросъ вашъ, почему онъ вамъ не привезъ именно то, что вамъ нужно, онъ вамъ пренаивно отвѣтитъ,—что «мы люди коммерческіе, люди неграмотные,—всего не упомянешь.» Что вы ему на такой резонный доводъ? Ругнете его,—онъ усмѣхнется,—а вы все-таки безъ ножа останетесь. Теперь понятно, почему въ Новопетровскомъ укрѣпленіи утрата перочиннаго ножа—событіе, заслуживающее бытописанія. Но Богъ съ нимъ—и съ укрѣпленіемъ, и съ ножомъ, и съ маркитантомъ; скоро, дастъ Богъ, вырвуся я изъ этой тюрьмы и тогда подобное происшествіе не будетъ имѣть мѣста въ моемъ журналѣ.

Сегодня уже второй день, какъ сшилъ я себѣ и акуратно обрѣзалъ тетрадь для того, чтобы записывать, что со мною и около меня случится. Теперь еще только девятый часъ; утро прошло, какъ обыкновенно, безъ всякаго замѣчательнаго происшествія; увидимъ, чѣмъ кончится вечеръ? а пока—совершенно нѣчего записать; а писать—охота страшная, и перья есть очиненныя. По милости ротнаго писаря, я еще не чувствую своей утраты. А писать все-таки не о чемъ! А сатана такъ и шепчетъ на ухо— ищи что ни попало, ври сколько душѣ угодно: кто тебя станетъ повѣрять? И въ шанпчныхъ журналахъ врутъ, а въ такомъ—въ домашнемъ—и Богъ велѣлъ.

Если бы я свой журналъ готовилъ для печати, то—чего доброго—пожалуй, и искусилъ бы лукавый врагъ истины, по я, какъ сказалъ поэтъ нашъ,

Пишу не для мгновенной славы,
Для развлечения, для забавы,

Для милых искренних друзей,
Для памяти минувших дней.

Мнѣ слѣдовало бы начать свой журналъ со времени посвященія моего въ новый санъ, сирѣчь съ 1847 года. Теперь бы то была претолстая и прескучная тетрадь. Вспоминая эти прошедшіе грустные десять лѣтъ, и сердечно радуюсь, что мнѣ не пришла тогда благая мысль обзавестись записной тетрадью. Что бы я записалъ въ ней? Правда, въ продолженіи этихъ десяти лѣтъ я видѣлъ даромъ то, что не всякому удается видѣть; но какъ я смотрѣлъ на все это? какъ арестантъ смотритъ изъ тюремнаго рѣшетчатого окна на веселый свадебный поѣздъ. Одно воспоминаніе о прошедшемъ и видѣнномъ въ продолженіи этого времени приводитъ меня въ трепетъ; и что же было бы, если бы я записалъ эту мрачную декорачію и грубыхъ лицедѣевъ, съ которыми мнѣ привелось разыгрывать эту мрачную, монотонную, десятилѣтнюю драму! Мимо пройдемъ, мимо минувшаго моего, мой коварная память! Не возмутимъ сердца любящаго друга недостойнымъ воспоминаніемъ, забудемъ и простимъ темныхъ людей, какъ простилъ милосердый Человѣколюбець... — — — Обратимся къ свѣтлому и тихому, какъ нашъ украинскій осенній вечеръ, и запишемъ все видѣнное и слышанное, и все, что сердце продукуеть.

Отъ 2-го мая получилъ я письмо изъ Петербурга отъ Михаила Лазаревскаго съ приложеніемъ 73 р. Онъ извѣщаетъ меня — или, лучше, поздравляетъ съ свободою. До-сихъ-поръ однакожь нѣтъ ничего изъ корпуснаго штаба, и я, въ ожиданіи распорихеній помянутаго штаба, сопровождаю свѣдѣнія о волжскомъ пароходствѣ. Сюда прѣзжаютъ иногда астраханскіе флотскіе офицеры (крейсера отъ рыбной экспедиціи); но... по ихъ рассказамъ... я, при всемъ моемъ желаніи, не могу до сихъ поръ составить никакого понятія о волжскомъ пароходствѣ. Въ статистическихъ свѣдѣніяхъ я не имѣю надобности, но мнѣ хочется знать, какъ часто отходитъ пароходъ изъ Астрахани въ Нижній-Новгородъ, и какая цѣна мѣстамъ для пассажировъ. Но увы! при всемъ моемъ стараніи, я узналъ только, что мѣста разные, и цѣна разная, а пароходы изъ Астрахани въ Нижній ходятъ очень часто. Не правда ли — точныя свѣдѣнія?

Не смотря однакожь на эти точныя свѣдѣнія, я уже успѣлъ (разумеется, въ воображеніи) устроить свое путешествіе по Волгѣ уютно, спокойно и — главное — дешево. Пароходъ буксируетъ (одно, единственное, вѣрное свѣдѣніе!) нѣсколько барокъ, или, какъ ихъ

называютъ, подчалками, до Нижняго-Новгорода съ разнымъ грузомъ. На одной изъ такихъ барокъ я думаю устроить свою временную квартиру и пролежать въ ней до нижегородскаго дилижанса. Потомъ въ Москву, а изъ Москвы, помолвившись Богу за фультонову душу, черезъ 22 часа и въ Питеръ, — не правда ли, яркая фантазія? Но на сегодня—довольно.

Нынѣшній вечеръ ознаменованъ прибытіемъ парохода изъ Астрахани. Но какъ событіе сіе совершилось довольно поздно, въ девятомъ часу, то до слѣдующаго утра я не получу отъ него никакихъ извѣстій. Важнаго я ничего и не ожидаю отъ астраханской почты. Вся переписка моя идетъ черезъ Гурьевъ—городокъ, а черезъ Астрахань я весьма рѣдко получаю письма. Слѣдовательно, мнѣ отъ парохода ждать нечего. Не вздумаетъ ли *Батько Кошовый*, К — ко, написать мнѣ? То-то бы одолжилъ меня старый черноморецъ! Замѣчательное явленіе между людьми этотъ истинно благородный человекъ. Съ 1847 г., всѣ друзья мои должны были прекратить со мною всякое сношеніе. К. не зналъ о такомъ распоряженіи, равно не зналъ и о моемъ мѣстопробываніи и, будучи въ Москвѣ, во время коронаціи, депутатомъ отъ своего войска, познакомился со старикомъ М. С. Щ—мъ и отъ него узналъ о мѣстѣ моего заключенія. И, благороднѣйшій другъ! написалъ мнѣ самое искреннее, самое задушевное письмо. Черезъ десять лѣтъ—и не забыть *друга*, и еще въ несчастіи друга! это—рѣдкое явленіе между себялюбивыми людьми. Съ этимъ же письмомъ, послучая, какъ онъ пишетъ, послучая полученія имъ Станислава первой степени, прислалъ онъ мнѣ, на поздравку, 23 р. ср. Для семейнаго и небогатаго человека большая жертва. И я не знаю, чѣмъ и когда я ему воздамъ за эту искреннюю илицемѣрную жертву.

Послучая этого дружескаго неожиданнаго привѣтствія, я расположился—было мое путешествіе такимъ образомъ: черезъ Кизляръ и Ставрополь проѣхать въ Екатеринодаръ прямо къ К—у. Пасмотрѣвшись досыта на его благородное выразительное лицо, я думалъ проѣхать черезъ Крымъ, Харьковъ, Полтаву, Кіевъ—въ Минскъ, Песвижъ и, наконецъ, въ село *Чирковичи*, и обьявъ своего друга и товарища... Бр. 3—го, черезъ Вильно проѣхать въ Петербургъ. Планъ этотъ измѣнилъ письмо М. Л—го отъ 2 мая. Изъ письма этого я увидѣлъ, что мнѣ нигдѣ не останавливаясь нужно поспѣшить въ академію художествъ и облобызать руки и ноги графини П—и И—ы Тол—оіи и ея великодушнаго супруга, графа Т—ра П—ча. Они — единственные виновники моего избавленія, и имъ первый поклонъ; —

независимо отъ благодарности, этого требуетъ простая вѣжливость. Вотъ главная причина, почему я, вмѣсто ухарской тройки, выбралъ тридцатидневное монотонное плаваніе по матушкѣ—Волгѣ. Но состоитъ ли оно,—я этого еще навѣрное не знаю. Легко можетъ стать, что я еще, въ своей хламидѣ, поуплыву въ Уральскъ; всего еще можно ожидать! И потому не слѣдуетъ давать слишкомъ много воли своему неутомимому воображенію. Но—утро вечера мудренѣе. Посмотримъ, что завтра будетъ? Или, лучше сказать, что привезетъ Гурьевская почта.

14 іюня.

Я что—то черезчуръ усердно и акуратно взялся за свой журналъ; не знаю, долго ли продлится этотъ писательскій жаръ? Какъбы не сглазить. Если правду сказать, я не вижу большой надобности въ этой пунктуальной акуратности, а такъ—отъ нечего дѣлать. На бездѣльи и это руководяще. Записному литератору, какому—нибудь поставщику фельетона—тому необходима эта бездушная акуратность, какъ упражненіе, какъ его насущный хлѣбъ; какъ инструментъ виртуозу, какъ кисть живописцу, такъ литератору необходимо ежедневное упражненіе пера. Такъ дѣлаютъ и гениальные писатели, такъ дѣлаютъ и пачкуны. Гениальные писатели потому, что это ихъ призваніе; а пачкуны потому, что они паче себя и не воображаютъ, какъ гениальными писателями; а то бы они и пера въ руки не брали. ———

Кажется, кто—то написалъ книгу подъ заглавіемъ *солдатскіе досуги*. Заглавіе ложное. У русскаго солдата досуга слишкомъ не много.... ———

Солдату простиительно окунуть иногда свою одинокую душу въ полштофъ свухи. ———

Какая же, спрашивается, была цѣль у прославленнаго сочинителя писать подобныя досуги? И что нравственнаго въ подобныхъ досугахъ, если они писаны съ натуры (я книги не читалъ); а если это просто *сочиненіе*, т. е. фантазія, то опять—какая цѣль подобной фантазій? а не лучше ли бы сдѣлалъ почтеннѣйшій авторъ сихъ ненужныхъ фантастическихъ досуговъ, если бы написалъ истинныя досуги линейныхъ, армейскихъ и даже гвардейскихъ молодыхъ офицеровъ? Этими онъ оказалъ бы величайшую услугу чадолюбивымъ—родителямъ.

15 іюня.

Чтоже я сегодня занесу въ мой журналъ? Совершенно нечего занести, а ни ни ничего хоть сколько—нибудь выходящаго изъ круга

обыденной монотонной жизни. Сегодня поутру началъ я рисовать портретъ Б., чернымъ и бѣлымъ карандашомъ, въ киргизской кибиткѣ на огородѣ. Прекрасное освѣщеніе, — и я съ охотою принялся за работу. Пріятельница помѣшала, — я закрылъ портфель и вышелъ изъ кибитки. Скромная пріятельница неутерпѣла взглянуть однимъ глазкомъ на мою работу и нашла рѣшительное сходство еслибы ротъ и носъ поменьше. И, неудовольствовавшись собственнымъ замѣчаніемъ, спросила мнѣнія у горничной и у своего фаворита — молчалиша. Это меня рѣшительно взбѣсило и я, не простившись, ушелъ въ укрѣпленіе. Въ укрѣпленіи видѣлъ — офицію; солдатамъ выдавали жалованье, мнѣ тоже выдали; я передалъ его свосму, еще трезвому, дядкѣ и велѣлъ ему сшить изъ подкладочнаго холста *тѣрбу* для дороги. Потомъ зашелъ къ М — скому, выслушалъ въ другой разъ исторію (съ нѣкоторыми прибавленіями) о будущемъ тестѣ и зятѣ, выпилъ рюмку водки и возвратился на огородъ. Обѣдалъ, — послѣ обѣда, по доброду общаю предковъ, заснулъ часика два, и тѣмъ кончилось 15 число іюня. О вечерѣ совершенно нѣчего написать.

16 іюня.

Сегодня воскресенье. Я ночевалъ на огородѣ. Поутру былъ въ укрѣпленіи. Дождь (весьма рѣдкое явленіе) помѣшалъ мнѣ возвратиться на огородъ, и я остался обѣдать у М — скаго. М — скій — человекъ, котораго я люблю и уважаю; человекъ — не сплетня, не верхоглядъ, человекъ акуратный, положительный и въ высокой степени благородный. Говоритъ плохо по-русски, но русскій языкъ знаетъ лучше многихъ. — Въ 1830 году служилъ онъ въ артиллеріи бывшей польской арміи, и изъ военно-плѣнныхъ зачисленъ былъ рядовымъ въ русскую службу. Я много отъ него слышалъ интересныхъ подробностей о 1830 годѣ. Достоинно замѣчанія то, что онъ рассказываетъ о собственныхъ дѣйствіяхъ и неудачахъ безъ малѣйшихъ украшеній: рѣдкая черта въ военномъ человекѣ, тѣмъ-болѣе — въ Сарматѣ. Однимъ словомъ, М — скій — человекъ, съ которымъ можно жить, не смотря на видимую сухость и прозаичность его характера.

Сегодня же милѣйшая миледи М. сообщила мнѣ, впрочемъ — не по секрету, со всѣми подробностями, исторію объ одномъ семейномъ поборѣ. Изъ этой исторіи можно бы выкроить водевилъ, разумѣется, водевилъ для здѣшней публики. Назвать его можно *свадебный подарокъ* или *недошитая кофта*. Премиленькій и назидательный могъ бы выкроиться водевильчикъ! — — — И это гнусное происшествіе, не

выходящее изъ круга обыкновенныхъ происшествій въ Н. П. укрѣпленіи, и я, въ этомъ омутѣ, среди этого нравственнаго безобразія; седьмой годъ уже кончаю... Страшно! Теперь, когда уже узнали о моемъ освобожденіи то ближайшіе мои начальники—фельдфебель и ротный командиръ, не увольняя меня отъ ученя и караула, позволили мнѣ, въ свободные часы отъ службы, проводить на огородѣ, зачтѣ я имъ сердечно благодаренъ. На огородѣ, или въ саду, лѣтняя резиденція нашей комендантши, и все свободное время теперь я провожу въ ея семействѣ; у нея двое маленькихъ дѣтей: Наташенька и Наденька, и это—единственный мой отдыхъ и разсѣяніе въ этомъ захолустѣ.

Сегодня, въ четвертомъ часу утра, пришелъ я на огородъ. Утро было тихое, прекрасное. Иволги и ласточки нарушали, изрѣдка только, сонную, сладкую тишину утра. Съ нѣкотораго времени, съ тѣхъ поръ какъ мнѣ позволено уединяться, я чрезвычайно полюбилъ уединеніе. Милое уединеніе! Ничего не можетъ быть въ жизни слаще, очаровательнѣе уединенія. Особенно передъ лицомъ улыбающей, цвѣтущей красавицы матерн-природы. Подъ ея сладкимъ волшебнымъ обаяніемъ, человекъ невольно погружается самъ въ себя «и видитъ Бога на землѣ», какъ говоритъ поэтъ. Я и прежде не любилъ шумной дѣятельности, или, лучше сказать, шумнаго бездѣлья. Но послѣ десятилѣтней *здѣшней* жизни, уединеніе мнѣ кажется настоящимъ раемъ, а я все-таки не могу ни за чтѣ приняться. Ни малѣйшей охоты къ труду. Сяжу или лежу молча по цѣлымъ часамъ, подъ моею любимую вербою и хоть бы на-смѣхъ чтѣ-нибудь шевельнулся въ воображеніи. Таки совершенно ничего. Настоящій застой! И это томительное состояніе началось у меня съ 7 апрѣля, т. е. со дня полученія письма отъ М. Лазаревскаго. Свобода и дорога меня совершенно поглотили. Спасибо еще К—у, что догадался прислать книгъ, а то я не зналъ бы, чтѣ съ собою дѣлать. Въ-особенности благодаренъ я ему за *Записки о Южной Руси*. Я эту книгу скоро наизусть буду читать. Она мнѣ такъ живо, такъ волшебнѣ-живо напомнила мою прекрасную Украину, что я какъ-будто съ живыми бесѣдую съ ея славными лириками и кобзарями. Прекраснѣйшій, благороднѣйшій трудъ, бриліантъ въ современной *исторической* литературѣ. Пошли тебѣ, Господи, друже мой искренній, силу, любовь и терпѣніе продолжать эту неоцѣненную книгу. Прочитавши въ первый разъ эту алмазную книгу, я дерзнулъ—было дѣлать замѣчанія, но когда прочп-

талъ въ другой и въ третій разъ, то увидѣлъ, что замѣтки мои—замѣтки пьянаго человѣка и—ничего больше. Окромя Суботова, т. е. на счетъ мѣста бывшего дома Богдана Хмельницкаго. Но такое ничтожное пятнышко не должно быть замѣчаемо на драгоценной тканн. Я общалъ, начитавшись до-сыта этой книги, послать ее К—ку, и теперь жагю, что общалъ. Во-первыхъ, потому, что я и никогда не начтаюсь до-сыта, а вовторыхъ, потому, что поля книги испачканы негѣлыми замѣчаниями. Дастъ Богъ, я ему изъ Петербурга вышлю чистенькій экземпляръ.

Вчерашній водевилъ кончился, какъ и слѣдовало ожидать, сегодня миромъ и гомерической попойкой съ пѣсельниками. Интересно знать—чѣмъ кончится свадьба. Вѣроятно—дракой.

18 іюня.

Сегодня я, какъ вчера, точно также рано пришелъ на огородъ; долго лежалъ подъ вербою; слушалъ иволгу и, наконецъ, заснулъ. Видѣлъ во снѣ Мижигорскаго Спаса Дзвонковую—Криницу, и потомъ Выдубицкій монастырь, а потомъ—Петербургъ и свою милую Академію. Съ недавняго времени мнѣ начали грезиться во снѣ знакомые, давно-невиданные предметы. Скоро ли увижу все это я на-яву? Сновидѣніе имѣло на меня прекрасное вліяніе впродолженіе всего дня, а тѣмъ болѣе, что сегодня гурьевскую, т. е. оренбургскую, почту ожидали. Къ вечеру, дѣйствительно, почта пришла, но ни мнѣ, ни обо мнѣ ничего не привезла. Опять я спустилъ носъ на квшицу! Опять тоска и безконечное ожиданіе! Неужели отъ 16 апрѣля до сихъ поръ не могли сдѣлать въ штабѣ, на счетъ меня, распоряженія? Холодные равнодушные люди! Вечеромъ возвратился я въ укрѣпленіе и получилъ приказаніе отъ фельдфебеля готовиться къ смотру. Это результатъ давно ожидаемой почты и съ такимъ трепетомъ ожидаемой свободы. Тяжело, невыразимо тяжело! Я одурѣю, наконецъ, отъ этого безконечнаго ожиданія....

Какъ быстро и горячо исполняется приказаніе—арестовать, такъ, напротивъ, вяло и холодно исполняется приказаніе—освободить. А исполнители одни и тѣже. Отчего же эта разница? Въ 1847 году, въ этомъ же мѣсяцѣ, меня на седьмые сутки доставили изъ Петербурга въ Оренбургъ, а теперь, дай Богъ, на седьмой мѣсяцъ получить приказаніе—отобрать отъ меня казенныя вещи и прекратить содержаніе.... Форма... Но я не возьму себѣ въ толкъ этой формы!

ОСНОВА

1861

І Ю Н Ъ

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Ковзѣрь, XX—XXIII. Предсмертны думи, Т. Г. Шевченка.
- II. Дневникъ Т. Г. Шевченка.
- III. Не було змѣлку—не буде до'станку, А. Мочуй-вѣтеръ.
- IV. Значеніе Шевченка для Украины. Проводы тѣла его на Украину, изъ Петербурга
- V. Автобиографія Бѣлокопытенка, М. Т. Номиса.
- VI. Замѣтка о пѣвцѣ Митусѣ, М. А. Максимовича.
- VII. Святій Вечѣрь, М. Т. Номиса.
- VIII. Письма о пчеловодствѣ, Я. М. Костенецкаго.
- IX. О преданіяхъ въ древней русской летописи, М. М. Сухомлинова.
- X. Объ ярмаркахъ (до сѣльскіхъ парафіянь).
- XI. Училища, образовавшіяся на югѣ въ послѣднее время.
- XII. Прощаніе Н. Нв. Шпрогова.
- XIII. Недоразумѣніе по поводу слова «жидь».
- XIV. Концертъ 27 апрѣля, А. В. Шобратима.
- XV. Вовчиця, Н. В. Свѣчченна.
- XVI. Вісти. (письма изъ разныхъ южнорусскихъ мѣстностей).
- XVII. Объ изданіи «Черниговскаго листка».
- XVIII. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины», Л. М. Жемчужникова.
- XIX. Отвѣты редакціи.
- XX. Объясненіе неудовопонятныхъ украинскихъ словъ.
- XXI. Библиографическое извѣстіе.

№ 177 2 1861, 6

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛІТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братья и Русьскѣи Земли.»
Владиміръ Мономахъ.

1861

ПОПЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИВЛЕНА И КОМП.

ДНЕВНИКЪ Т. РГ. ШЕВЧЕНКА.

Второй отрывокъ.

1857 г., 19 июня.

Вчера ушелъ пароходъ въ Гурьевъ и привезетъ оттуда вторую роту и самого баталіоннаго командира, а по случаю прибытія его сюда, — остающаяся здѣсь рота, къ которой принадлежу и я, готовится къ смотру. Для этого важнаго грядущаго событія, мнѣ сегодня пригоняли аммуницію. Какое тягостное грядущее важное событіе! Какая безконечная эта пригонка аммуниціи! Неужели и это еще не въ послѣдній разъ? — — — — Въ дѣтствѣ, сколько я помню, меня не занимали солдаты, какъ это обыкновенно бываетъ съ дѣтьми.

— — —

20 июня.

Сегодня рота придетъ въ Гурьевъ, а по случаю полноводія въ Уралѣ, она пройдетъ прямо на Стрелицкую-Косу, и сегодня же сядетъ на пароходъ. Завтра рано пароходъ подыметъ якорь, и послѣзавтра высадитъ роту въ Новонетровской гавани. Держись наша отиція! гроза, гроза ужасная близится. Баталіонный командиръ, подобно тучегонителю Кропіону, грядетъ на тебя въ облацѣ мрачнѣ, въ томъ числѣ и насъ солдатиковъ. Многіе уже блажатъ и умоляютъ эскулана засвидѣтельствовать ихъ небывалыя немощи душевныя и тѣлесныя, а иаче—душевныя. — — — —

«Къ добру ли это я такъ сегодня разфантазировался? Въ прежніе годы, въ эти истинно-критическіе дни, со мною этого не было. Не было однакожъ и того, не въ похвалу будь сказано, чтобы я прятался подъ кровомъ стоновъ и воздыханій. Въ этомъ случаѣ я никогда не искалъ медицинскаго пособія. Съ трепетнымъ зампраніемъ сердца

я всегда фабрилъ усы, облачался въ броню и являлся предъ лицо отца-командира сдать экзамень въ пунктахъ, ружейныхъ приемахъ и, въ заключеніе, выслушать длиннѣйшее наставленіе о томъ, какъ долженъ вести себя бравый солдатъ, — — любить Бога и своихъ ближайшихъ начальниковъ, начиная съ дядьки и капрального еврейтора. — — —

Странно еще вотъ—что. Все это несповѣдимое горе прошло какъ-будто не касаясь меня. Малѣйшаго слѣда не оставило по себѣ. Опытъ, говорятъ, есть лучшей нашъ учитель. Но горькій опытъ прошелъ мимо меня невидимкою. Миѣ кажется, что я точно тотъ же, что былъ и десять лѣтъ тому назадъ. Ни одна черта въ моемъ внутреннемъ образѣ не измѣнилась. Хорошо ли это? Хорошо. По-крайней-мѣрѣ, миѣ такъ кажется. И я отъ глубины души благодарю моего Всемогущаго Создателя, что онъ не допустилъ ужасному опыту коснуться своими желѣзными когтями моихъ убѣжденій и младенчески-свѣтлыхъ вѣрованій. Нѣкоторыя вещи просвѣтлѣли, округлились, приняли болѣе естественный размѣръ и образъ; но это — слѣдствіе не возмутимо-лѣтшаго старика Сатурна, а никакъ не слѣдствіе горькаго опыта.

Получивши отъ К—ка письмо съ приложеніемъ 25 р.,—значить— съ приложеніемъ весьма вещественнымъ,—я отблагодарилъ его письмомъ же, со вложеніемъ собственного поличья, и вторымъ письмомъ, со вложеніемъ еще менѣе вещественнымъ — со вложеніемъ небывалаго разказа мнимаго *варнака*, подъ названіемъ *Москалёва Крилиця*. Я написалъ его вскорѣ по полученіи письма отъ *батька отамана Кошового*. Стихи оказались почти одной доброты съ прежними моими стихами,—немного упруже и отрывистѣе. Но это ничего: дастъ Богъ, вырвусь на свободу, и они у меня потекутъ шавитѣ, свободнѣе, проще и веселѣе. Дождусь ли я этой хромой волшебницы—свободы? — — —

25 іюня.

Только—что успѣлъ я написать — *слѣдовательно, тоже птица не мелкаго полета*,—какъ раздалось во всѣхъ концахъ огорода слово—*пароходъ*. Я, разумѣется, бросилъ свое писаніе и побѣжалъ въ крѣпость. Съ пароходомъ я ожидалъ Оренбургской почты, а съ почтой—свободы. Вышло однакожь противное тому, чего я ожидалъ. Пароходъ почты не привезъ, а слѣдовательно и волшебнаго, очаровательнаго слова... А вмѣсто онаго слова привезъ *дѣло* въ

видѣ баталіоннаго командира, первымъ дѣломъ котораго было объ-
гати казармы — — — И послѣ этого вступленія, назначенъ былъ
формальный смотръ той ротѣ, къ которой и я принадлежу. Бѣд-
ная рота всю ночь готовилась къ этому истинно — страшному су-
ду, и въ пять часовъ утра, 23 іюня, умытая, причесаная, нафа-
бренная, выстроилась на полянкѣ, точно игрушка, вырѣзанная изъ
картона. Отъ 5 и до 7 часовъ, въ ожиданіи судін праведнаго,
рота равнялась. Въ 7 часовъ, явился, во всемъ своемъ грозномъ
величіи, самъ судія и испытывалъ ее ровно до 10 часовъ. — — —
Для всѣхъ гроза прошла, а для меня она еще только собира-
лась. Въ числѣ прочихъ конфирмованныхъ, долженъ былъ и я
предстать, послѣ обѣда въ 5 часовъ, на вторичное, и еще горшее,
испытаніе. Къ этому вторичному испытанію я готовился довольно
равнодушно, какъ человѣкъ вполнину — свободный. Но когда пред-
сталъ предъ неумолимаго экзаменатора, куда что дѣвалось! Ни же
малѣйшей тѣни, ничего похожего на человѣка вполнину — свободнаго
во мнѣ не осталось... Та же самая, мучительная, холодная, дрожь
пробѣжала по моему существу. То же самое что и въ прежніе годы
чувство, — — — охватило меня; однимъ словомъ, я превратился
въ ничто. Экзаменъ повторился слово — въ — слово, какъ и десять лѣтъ
тому назадъ: четверти буквы не прибавлено, не убавлено. — — —
По примѣру прежнихъ годовъ, экзаменаторъ спросилъ насъ по ран-
жиру, кто и за что несетъ — — — обязанность солдата.

— Ты за что? — спросилъ онъ у перваго.

— За утрату казенныхъ денегъ, ваше высокоблагородіе.

— Да, знаю: ты не осторожно загнулъ уголъ. Надѣюсь, впередъ
не будешь гнуть углы, — сказалъ онъ насмѣшливо, и оборотился къ
слѣдующему: — А ты за что?

— По волѣ родительницы, ваше высокоблагородіе.

— Хорошо. Надѣюсь, впередъ не будешь и... — и обратился къ
слѣдующему. — Ты за что? •

— За буйные поступки, ваше высокоблагородіе.

— Хорошо. Надѣюсь, впередъ...и — Ты за что? — спросилъ онъ
у слѣдующаго.

— По волѣ родителя, ваше высокоблагородіе.

— Надѣюсь... А ты за что? — спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я отвѣтилъ.

— Надѣюсь, впередъ не будешь... — А ты за что? — спросилъ онъ у послѣдняго.

Послѣдній отвѣчалъ, что тоже по волѣ родительницы, и не выслушавши послѣдняго, онъ обратилъ къ намъ сильную рѣчь, замкнувшуюся вовсе не новой истиной, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ. — — — —

Всѣ эти конфирмованные, такъ называемые здѣсь *господа-дворяне*, съ которыми я теперь представлялся предъ лицо отца-командира, всѣ они — люди замѣчательные по своимъ нравственнымъ качествамъ, но одинъ субъектъ всѣхъ ихъ перещеголялъ. Всѣ ихъ пороки онъ вмѣстилъ въ своей двадцатилѣтней особѣ. Странное и непонятное для меня явленіе этотъ отвратительный юноша. Гдѣ и когда успѣлъ онъ такъ глубоко заразиться всѣми гнусными нравственными болѣзнями? Итъ мерзости, низости, на которую бы онъ не былъ способенъ. Романы Сю, съ своими отвратительными героями, — пошлыя куклы передъ этимъ двадцатилѣтнимъ извергомъ. И нельзя предполагать, по чину отца, чтобы не было средствъ дать ему не какое нибудь, а порядочное, воспитаніе. И что же? Никакого. Хорошъ долженъ быть и родитель! Да вообще должны быть хороши отцы и матери, отдающіе дѣтей своихъ въ солдаты на исправленіе! И для чего, наконецъ, попечительное правительство наше беретъ на себя эту неудобополнимую обязанность? Самое лучшее — предоста-вить ихъ попеченію нѣжныхъ родителей: пускай спотѣшаются на старости лѣтъ своимъ собственнымъ произведеніемъ. Разумѣется, до перваго криминальнаго проступка.

До прибытія моего въ Орскую крѣпость, я и не воображалъ о существованіи этихъ гнусныхъ исчадіи нашего православнаго общества. И первый этого разбора *мазурикъ* меня поразилъ своимъ зловернымъ существованіемъ. Особенно, когда мнѣ сказали, что онъ тоже *несчастный*, такой же какъ и я разжалованный и, слѣдовательно, мой товарищъ, по званію и по квартирѣ, т. е. по казармамъ. Слово *несчастный* имѣло для меня всегда трогательное значеніе, пока я не услышалъ его въ Орской крѣпости. Тамъ оно для меня опоздало и я до сихъ поръ не могу возвратити ему прежняго значенія.

По распоряженію О., я имѣлъ случай просидѣть подъ арестомъ въ одномъ казематѣ съ колодниками и даже съ клейменными каторжниками, и нашелъ, что къ этимъ заклеяннымъ злодѣямъ слово *не-*

счастнѣй больше къ лицу, нежели къ этимъ растлѣннымъ сыновьямъ беззачныхъ эгонистовъ—родителей.

26 іюня.

Два дня уже прошло, какъ выѣхалъ отъ насъ отецъ—командиръ нашъ, но я все еще не могу освободиться отъ тяжелаго вліянія, наведеннаго его короткимъ присутствіемъ. Этотъ смотръ такъ плотно притиснулъ мои блестящія розовыя предположенія, такъ меня обезкуражилъ, что еслибы не Лазаревскаго письмо у меня въ рукахъ, то я бы совѣмъ обезсмыслилъ подъ гнетомъ этого тяжелаго впечатлѣнія. Но слава Богу, что у меня есть этотъ неоцѣненный документъ; значить, у меня есть канва, по которой я могу выводить самые прихотливыя, самые затѣйливыя арабески.

Надеждою живутъ ничтожныя умы, сказала покойникъ Гёте. И покойный мудрецъ сказалъ истину виоловину. Надежда свойственна и мелкимъ, и крупнымъ, и даже самымъ матеріальнымъ и положительнымъ умамъ. Это наша самая нѣжная, нестоянная, до гробовой доски неизмѣнная, нянька—любовница. Она, прекрасная, и всемогущаго царя, и міроваго мудреца, и бѣднаго пахаря и меня, мизернаго, постоянно легчаетъ довѣрчивое воображеніе, и ублаживаетъ недовѣрчивый умъ своими волшебными сказками, въ которыя вслѣдствіе насъ такъ охотно вѣрять. Я не говорю—безотчетно: тотъ, дѣйствительно, ничтожный умъ, который вѣрять, что на вербѣ груши вырастутъ. Но почему не вѣрять мнѣ, что я, хотя къ зимѣ, но непремѣнно, буду въ Петербургѣ? увижу милыя моему сердцу лица, увижу мою прекрасную академію, эрмитажъ, еще мною невиданный, услышу волшебницу—оперу. О, какъ сладко, какъ невыразимо сладко вѣрять въ это прекрасное будущее! Я былъ бы равнодушный, холодный атеистъ, еслибы не вѣрилъ въ этого прекраснаго бога, въ эту очаровательную надежду.

Матеріальное мое существованіе я предполагаю устроить такъ (разумѣется, съ помощію моихъ друзей). О живописи мнѣ теперь и думать нечего. Это было бы похоже на вѣру, что на вербѣ вырастутъ груши. Я и прежде не былъ даже и посредственнымъ живописцемъ, а теперь и недавно. Десять лѣтъ неупражненія въ—состояніи сдѣлать и изъ великаго виртуоза самаго обыкновеннаго, кабашианаго, балаганщика. Слѣдовательно, о живописи мнѣ и думать нечего. А я думаю посвятить себя безраздѣльно гравюрѣ *аква-тинта*. Для

этого, я полагаю ограничить свое матеріальное существованіе до крайней возможности и упорно заняться этимъ искусствомъ, а въ промежуткѣ времени дѣлать рисунки сеніею съ знаменитыхъ произведеній живописи, рисунки для будущихъ эстамповъ. Для этого, я думаю, достаточно будетъ двухъ лѣтъ прилежнаго занятія. Потомъ, уѣду на дешевый хлѣбъ въ мою милую Малороссію и примусь за исполненіе эстамповъ, и первымъ эстампомъ моимъ будетъ *казарма*, съ картины Теньера, — съ картины, про которую говорилъ незабвенный учитель мой, великій Карлъ Брюловъ, что можно пріѣхать изъ Америки, чтобъ взглянуть на это дивное произведеніе. Словачъ великаго Брюлова, въ этомъ дѣлѣ, можно вѣрить.

Изъ всѣхъ изящныхъ искусствъ мнѣ теперь болѣе всего правится гравюра, — и не безъ основанія. Быть хорошимъ гравёромъ, значитъ быть распространителемъ прекраснаго и поучительнаго въ обществѣ, — значитъ быть распространителемъ свѣта истины, — значитъ быть полезнымъ людямъ и угоднымъ Богу. Прекраснѣйшее, благороднѣйшее призваніе гравёра! Сколько изящныхъ произведеній, доступныхъ только богачамъ, копилось бы въ мрачныхъ галлерейхъ безъ твоего чудотворнаго рѣзца! Божественное призваніе гравёра!

Кромѣ копій съ мастерскихъ произведеній, я думаю, современемъ, выпустить въ свѣтъ, въ гравюрѣ *аква-тинта*, и собственное чадо — *притчу о блудномъ сынѣ*, принаровленную къ современнымъ правамъ купеческаго сословія. Я раздѣлилъ эту поучительную притчу на двѣнадцать рисунковъ; они уже почти всѣ сдѣланы на бумагѣ. Но надъ ними еще долго и прилежно нужно работать, чтобы привести ихъ въ состояніе, въ которомъ они могутъ быть переданы мѣди. Общая мысль довольно удачно принаровлена къ грубому нашему купечеству, но исполненіе ея оказалось для меня не по силѣ. Нужна ловкая, мѣткая, вѣрная, а главное — не карикатурная — скорѣе драматическій сарказмъ, нежели — насмѣшка. А для этого нужно прилежно поработать и съ людьми свѣдущими посоветоваться. Жаль, что покойный Оедотовъ не наткнулся на эту богатую идею: онъ бы изъ нея выработалъ изящнѣйшую сатиру въ лицахъ для нашего темнаго полутатарскаго купечества.

Мнѣ кажется, что для нашего времени и для нашего средняго полуграмотнаго сословія необходима сатира, только сатира умная, благородная. Такая, напримѣръ, какъ *Женихъ*, Оедотова, или *Свои люди, сочтемся!*, Островскаго, и *Ревизоръ*, Гоголя. Наше юное

среднее общество, подобно лѣнивому школьнику, на складахъ остановилось, и безъ пошуканья учителя не хочетъ и не можетъ перешагнуть черезъ эту безтолковую *тму, мну*. На пороки и недостатки нашего высшаго общества не стоитъ обращать вниманія. Во-первыхъ, по малочисленности этого общества, а во-вторыхъ, по застарѣлости нравственныхъ недуговъ; кроткій способъ сатиры тутъ не дѣйствуетъ. Да и имѣеть ли какое нибудь значеніе наше маленькое высшее общество въ смыслѣ національности? Кажется, никакого. А средній классъ — это огромная и, къ несчастію, полуграмотная масса, это половина народа, это сердце національности; ему-то и необходима теперь не суздальская любочная притча о блудномъ сынѣ, а благородная, изящная и мѣткая сатира. Я считалъ бы себя счастливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ, еслибы удался мнѣ такъ искренно, чистосердечно, задуманный мной безсознательный негодяй, мой *блудный сынъ*.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Мнѣ здѣсь года два тому назадъ говорилъ Н. Д—скій, человѣкъ стоющій вѣры, что буд-то бы комедія Островскаго—*Свои люди, сочтемся*, не дается на сценѣ по просьбѣ московскаго купечества. Если это правда, то сатира, какъ нельзя болѣе, достигла своей цѣли. Но я не могу понять, что за расчетъ въ этой уступкѣ невѣжеству? Странная мѣра!

27 іюня.

Отъ купечества перехожу къ офицерству. Переходъ не рѣзкій, — оно также принадлежитъ къ среднему сословію, съ тою только разницею, что купецъ въжливѣе: онъ называетъ офицера — *вы, ваше благородіе*, а офицеръ его называетъ — *эй, ты, борода!* Ихъ, однакожъ, нисколько не разъединяетъ это наружное разъединеніе, потому-что они, по воспитанію, родные братья. Разница только та, что офицеръ — вольтерьянецъ, а купецъ — старовѣръ; а въ-сущности — одно и то же.

Сегодня къ вечеру появились комары на огородѣ, и я, чтобы избавиться этихъ несносныхъ насѣкомыхъ, ушелъ на ночь въ укрѣпленіе. Но увы! Неумолимая Пемезида преслѣдуетъ меня на каждомъ шагу. Избѣгая комаровъ, я наткнулся на шмелей... Съ подобающимъ почтеніемъ проходя мимо офицерскаго флигеля, я услышалъ новую для меня пѣсню, начинающуюся такъ:

Коврики на коврики
И шатрики на шатрики.

Далѣ я ничего не могъ разслышать, потому—что пѣвецъ слишкомъ густо забасилъ. — — Хозяинъ — — выбѣжавъ на площадь, не знаю для какой надобности, и увидя меня, вздумалъ оказать мнѣ небольшую услугу и покровительство, познакомявъ меня съ вновь прибывшими *лихими ребятами*, по его выраженію. Для этого, схватилъ онъ меня за рукавъ и потащилъ въ коридоръ. Вновь прибывшіе лихіе ребята сидѣли и лежали на разостланой кошмѣ — — живая сцена изъ *Двуужницы*, кн. Шаховскаго. Я, чтобы не дополнить собою такой группы, вырвался изъ объятій покровителя и выбѣжалъ на площадь — — — —

Записывая въ журналъ эту весьма обыкновенную въ моемъ положеніи траги-шутку, я въ глубинѣ души прощаю моихъ гонителей. — —

Сегодня ожидаютъ парохода съ почтою изъ Гурьева, и никто его не ожидаетъ съ такимъ трепетнымъ нетерпѣніемъ, какъ я. Что, если не привезетъ онъ мнѣ такъ долго ожидаемой свободы? что я тогда буду дѣлать? Придется — — знакомиться со вновь прибывшими — — Мрачная, — — перспектива! А если, наче чаянія, привезетъ эту лѣтнюю колдунью—свободу, — о, какая радостная, какая свѣтлая перспектива! Иду въ укрѣпленіе и, на всякій случай, упакую въ *чувавъ* (торба) мою мизерію, авось либо и совершится.

28 іюня.

Совершилось, — только совершилось не то, чего я ожидалъ, — — Пошелъ я вчера въ укрѣпленіе, въ ожиданіи парохода, наковать свою мизерію и, какъ это обыкновенно бываетъ, когда человѣкъ ожидаетъ чего—нибудь хорошаго, то на этомъ хорошемъ и хорошіе строятъ планы. Такъ и я, въ ожиданіи вѣстника благодатной свободы, развернулъ коверъ—самолетъ, и еще одна—одна только минута— и я очутился бы на седьмомъ магометовомъ небѣ. Но, не доходя укрѣпленія, навстрѣчу мнѣ посланный за мною вѣстовой отъ коменданта. — Не пришелъ ли пароходъ?—спрашиваю я у вѣстового. — Никакъ нѣтъ, —отвѣчалъ онъ. — Какая встрѣтилась во мнѣ надобность коменданту?—спросилъ я самъ—себя, и прибавилъ шагъ. Прихожу. И комендантъ, вмѣсто всякаго привѣтствія, молча подаетъ мнѣ какую—то бумагу. Я вздрогнулъ, принимая эту таинственную бумагу какъ несомнѣнную вѣстницу свободы. Читаю—и глазамъ не вѣрю. Это рапортъ на имя коменданта отъ К—ни о томъ, что я *не въ трезвомъ видѣ надѣлалъ ему дерзости* — — — —

29 іюня.

Широкій бітій шляхъ изъ раю, а въ рай—узенькі стѣжечка, та і та колючилъ терноль порослі,» говорила мнѣ, еще ребенку, одна замиравшая старуха. И она говорила истину. Истину, смыслъ которой я теперь только вполне разгадалъ.

Пароходъ изъ Гурьева пришелъ сегодня, и не привезъ мнѣ совершенно ничего, ни даже письма. Писемъ, впрочемъ, я не ожидаю, потому—что вѣрные друзья мои давно уже не воображаютъ меня въ этой конурѣ. О, мои искренніе, мои вѣрные друзья! Еслибъ вы знали, что со мною дѣлается, на разставаньи, — вы бы не повѣрили, потому что я самъ едва вѣрю въ эти гнусности. Мнѣ самому это кажется продолженіемъ десятилѣтняго, отвратительнаго сна... И что значить эта остановка? Никакъ не могу себѣ и растолковать. Мадамъ Эй—тъ, отъ 13 мая, изъ Оренбурга, поздравляетъ меня съ свободой, а свобода моя гдѣ-нибудь съ дѣльцомъ-писаремъ въ кабацкѣ гуляеть. И это вѣрно,—вѣрно потому, что— — писемныя дѣла вѣдаетъ какой-нибудь писарь Петровъ, разжалованный въ солдаты за мошенничество. Такъ принято ископни, и нарушить священный завѣтъ отцовъ изъ-за какого-то рядоваго Шевченка было бы противно и заповѣди отцовъ, и правиламъ службы.

На сердцѣ страшная тоска, а я себя шуточками спотѣшаю! А все это дѣлаетъ со мною вѣтренища надежда. — —

Сегодня празднуется память величайшихъ двухъ провозвѣстниковъ любви и мира. Великій въ христіанскомъ мірѣ праздникъ! А у насъ—колосальнѣйшее нынѣство по-случаю христова праздника.

О, святые, великіе верховные апостолы! еслибъ вы знали, какъ мы запачкали, какъ изуродовали провозглашенную вами простую, прекрасную, свѣтлую истину! Вы предрекли жеучителей—и ваше пророчество сбылось: — — во имя ваше учреждали инквизицію и ужасное автодафе; — — во имя же ваше мы поклоняемся безобразію и совершаемъ въ честь вашу безобразнѣйшую вакханалію.... Истина стара и, слѣдовательно, должна быть понятна, вразумительна, а вашей истинѣ, которой вы были крестными отцами, минуетъ уже 1857 годочекъ. Удивительно, какъ тупо человечество!..

30 іюня.

Чтобы придать болѣе прелести моему уединенію, я рѣшился завести мѣднымъ чайникомъ. И эту мысль привелъ я въ исполне-

ніе только вчера вечеромъ, и то случайно. Къ тихому, прекрасному утру на огородѣ, прибавить стакагъ чаю—мнѣ казалося это роскошью позволительной. Съ самаго начала весны, меня преслѣдуетъ эта милая, ценившаяся затѣя? Но я никакъ не могъ привести ее въ исполненіе по неплѣнію здѣсь въ продажѣ такой затѣйливой вещицы. Только вчера вечеромъ пошелъ я къ З—скимъ, и проходя мимо кабака, увидѣлъ оборваннаго, но трезваго, деньщика одного изъ вновь прибывшихъ офицеровъ, съ мѣднымъ чайникомъ въ рукѣ такой величины, какой мнѣ нужно. — Не продаешь ли чайникъ?—спросилъ я. — Продаю,—отвѣчалъ онъ. — Не *хапаный* ли онъ?—Никакъ нѣтъ—съ. Самн барниш велѣли продать. Они думаютъ самоваръ завести.—Хорошо, я спрошу. А что стоить?—Рубль серебромъ.—Полтину серебра,—сказалъ я сколько могъ хладнокровіе, и пошелъ своей дорогой. Едва успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ деньщикъ догналъ меня и безъ торгу вручилъ мнѣ давно желанную посуду; а деньщикъ, получивши полтину серебра, отправился прямо въ кабакъ и черезъ минуту вышелъ изъ него съ штофомъ въ рукѣ, и направился прямо къ своей квартирѣ.—Туда и дорога!—подумалъ я. Проводя вечеръ въ обществѣ Филемона и Бавкиды (такъ я въ шутку называю З—скихъ), по дорогѣ зашелъ я къ маркитанту, взялъ у него полфунта чаю, фунтъ сахара, и сегодня я, въ 4 часа утра, сбаритетвую себѣ на огородѣ и вписываю въ свой журналъ происшествіе вчерашняго вечера, благословляя судьбу, пославшую мнѣ мѣдный чайникъ.

Собираясь *путеплавать* по Волгѣ отъ Астрахани до Нижняго, я обзавелся чистой тетрадью для путевого журнала и положомъ отъ комаровъ, которые неутомимо преслѣдуютъ путешественника отъ устьевъ Волги до самаго Саратова. Запасаясь этими необходимыми вещами, мнѣ и въ умъ не приходилъ мѣдный чайникъ. И вчера только—спасибо старику З—скому—онъ объяснилъ мнѣ важность этой нехитрой посуды во время плаванія на рѣчной водѣ, гдѣ необходимъ крѣпкій чай во избѣжаніе поноса, и просто для препровожденія времени, какъ онъ выразился въ заключеніи. И многимъ кое—чѣмъ совѣтовалъ онъ мнѣ запастись въ Астрахани на дорогу, но это все лишнее. Я отправляюсь, да не на пароходѣ, а на одной изъ барокъ, буксируемыхъ пароходомъ, просто отставнымъ солдатомъ.

Странно, что меня считаютъ здѣсь всеѣ, въ томъ числѣ и З—скіе, темнымъ богачемъ. Это, вѣроятно, потому, что если я дѣлаю долги, разумѣется—ничтожные, то въ сказанный срокъ аккуратно ихъ выплачиваю, не прибѣгая къ помощи Израиля, и не закладываю послед-

ней рубашки, какъ это дѣлаютъ иные изъ офицеровъ. Когда я сказалъ З—скимъ, что весь мой капиталъ состоитъ изъ 100 р. ср., на который я, кромѣ дорожныхъ издержекъ, намѣренъ еще сдѣлать въ Москвѣ необходимое платье, то они въ одинъ голосъ назвали меня Плюшкинымъ. Я не нашелъ нужнымъ разочаровывать ихъ своей нищетою, и разстался съ ними какъ настоящій богачъ.

Странные старые люди эти З—скіе! Бездѣтныя, старые, одинокіе, имѣютъ—обеспечивающее—даже прихотливую старость—состояніе, вздумали поселиться въ этой безводной, бесплодной пустынѣ! И добро бы на отдыхъ: нѣтъ, онъ взялъ обязанность. Я думаю, что это необходимая потребность усвоенной въ юности физической дѣятельности, или просто, жажда къ приобрѣтенію. Последнее, можетъ быть, только вполонину, потому что не замѣтно было скряжничества, перѣдно сопровождающаго въ могилу одинокую, безпомощную старость. Она, т. е. З—ская, мнѣ очень нравится; это—добродушно улыбающаяся, гостеприимная, кубическая старушка, бывшая нѣмка, а теперь православная. Онъ тоже добродушный старикъ, но пренаивный и самый безвредный лгунишка. Нашримѣръ, онъ очень простодушно, и каждый разъ съ новыми варіаціями, рассказываетъ, какіе онъ прошелъ мытарства, пока достигъ настоящаго званія. Происхожденіе свое ведетъ отъ какого-то короля польскаго, Сигизмунда, вѣроятно, третьяго. О ближайшихъ предкахъ онъ не упоминаетъ, равно какъ и о виновникѣ собственнаго существованія; дѣтство тоже покрыто мракомъ неизвѣстности. Первую часть юности провелъ онъ въ званіи домашняго учителя, у извѣстнаго табачника Анисима Головкина, въ Петербургѣ. И въ этотъ—то періодъ его жизни случилось съ нимъ таинственное происшествіе, которое разомъ поставило его на ноги. Происшествіе такого сорта. Однажды, ночью, на улицѣ, ему кажется, что на Литейной,—но за достовѣрность не ручается,—схватываютъ его два гайдука, сажаютъ въ карету, завязываютъ глаза, везутъ, везутъ, и наконецъ привозятъ прямо въ роскошнѣйшій будуаръ, надо думать какой нибудь богатѣйшей особы. Является, наконецъ, и таинственная обладательница будуара, вся въ дезабилье (собственное выраженіе), только лицо покрыто маской. Тутъ—таинственная любовь;—завязываютъ ему опять глаза, сажаютъ въ карету, провозятъ на то самое мѣсто, гдѣ взяли и одианъ изъ гайдуковъ вручаетъ ему пачку ассигнаціи не болѣе, не менѣе какъ 20 тысячъ.

Долго онъ думалъ, какую основать будущность на этомъ незыблемомъ фундаментѣ и, гладнокровно отринувъ почести и золото, всту-

плать (внемля внутреннему призванію) въ скромный кружокъ поклонниковъ Мельпомены, гдѣ имѣлъ блестящій успѣхъ въ роляхъ Эдипа, Фингала, Дмитрія Донскаго и въ *Ибедь*, Кашшета, къ несчастію не помнить, въ какой именно роли; но по просякамъ знаменитаго учителя Каратыгина, Яковлева, долженъ былъ оставить избранное поприще и вступитъ въ морскую службу, разумѣется—лейтенантомъ. Здѣсь онъ совершилъ плаваніе (два раза) вокругъ свѣта, и одинъ только разъ къ южному полюсу вмѣстѣ съ Лазаревымъ. И во время этихъ плаваній, онъ узналъ досконально, откуда добывается деревянное масло, неправильно называемое прованскимъ. Вотъ гдѣ его родина: между Ливорно и Сингапуромъ (удивительное знаніе географіи!) есть островъ Провансъ,—на этомъ островѣ Провансъ растетъ огромное масличное дерево, изъ котораго и выпускаютъ масло, какъ у насъ, напримѣръ, весною изъ березы. Островомъ и деревомъ владѣетъ англичанинъ, французъ и италіанецъ, а мы и немцы уже отъ нихъ получаемъ этотъ дорогой продуктъ.—Изъ корабля переселился онъ въ земскій одесскій судъ, неизвѣстно въ какомъ рангѣ. Тутъ онъ велъ жизнь отчаяннаго кутялы, попалъ въ сомнѣніе *политиковъ* и былъ сосланъ безрочнымъ арестантомъ въ крѣпость Измаилъ, гдѣ въ скоромъ времени сдѣлался правой рукой коменданта и, по стеченію удивительныхъ обстоятельствъ, былъ переведенъ въ городъ Астрахань, въ званіи квартальнаго надзирателя. Но щекотливыя иногда обязанности этого званія заставили его выйти въ отставку и принять званіе повѣреннаго въ Новопетровскомъ укрѣпленіи.

К—ни, мой *покровитель*—не меньшій врагъ, но не такой безвредный и совѣстливый, заврался однажды до-того, что называлъ себя племянникомъ графа З—скаго и кандидатомъ дерптскаго университета. Чтобы разомъ озадачить и уничтожить дерзкаго лгунишку, З—скій разомъ махнулъ въ ротмистра лейбъ-гусаръ и въ ближайшіе родственники графу Г—чу. Знаи нашихъ!

Несмотря на этотъ невинный недостатокъ, онъ все-таки добрый и наивный старикъ, а она также добрая, кроткая, невинная говорунья и немножко сентиментальная старушка; и я ихъ не иначе называю, какъ Филемонъ и Бавкида. Они получаютъ, вмѣстѣ съ Н—скимъ, Петербургскія Вѣдомости, я частенько приношу имъ съ огорода укропъ и петрушку и тому подобный злакъ, пью чай, прочитываю фельетонъ и выслушиваю волшебныя похождения наивнаго Филемона, за что и пользуюсь полной довѣренностью Бавкиды.

Per. 277^d (1861, 7)

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛІТЕРАТУРНО-УЧЕБНІЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочу братья и Русскій Земли.»
Владиміръ Мономахъ.

1861

ПОЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИШЕНА И КОМП.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Третій отрывокъ.

1 іюля.

Сегодня послалъ я съ пароходомъ письмо М. Лазаревскому. Быть можетъ, последнее изъ душевной неволи; далъ бы Богъ. Я много вповать передъ мною илицемѣрнымъ другомъ. Мнѣ бы слѣдовало отвѣчать на письмо его отъ 2 мая тотчасъ же по полученіи, т. е. 3 іюня; но я, въ ожиданіи радостной вѣсти изъ Оренбурга, которую хотѣлось мнѣ сообщить ему первому, прождалъ напрасно цѣлый мѣсяцъ, и все-таки долженъ былъ ему написать, что я не-свободенъ... и до 20 іюля, а можетъ быть и августа, такой же точно солдатъ, какъ и прежде былъ, съ тою только разницею, что мнѣ позволено нанимать за себя въ караулъ, и почевать на огорождѣ,—чѣмъ я и пользуюсь съ благодарностью. До 20 іюля я удаллъ отъ себя возмутительныя помышленія, и наслаждаюсь теперь по утрамъ роскошью совершеннаго уединенія, и даже стаканомъ — правда, не казнстаго, но все-таки—чая. Еслибы еще хорошую сигару воткнуть въ лицо, такую напримѣръ, какъ прислалъ мнѣ 25 штукъ мой добрый другъ А—скій, тогда бы я себя легко могъ вообразить на петербургскомъ праздникѣ. Но это ужъ слишкомъ. А сегодня дѣйствительно въ Петербургѣ праздникъ. Великолѣпный царскій праздникъ! Когда-то давно, въ 1836 году — если не ошибаюсь, я дотога былъ очарованъ разсказами объ этомъ волшебномъ праздникѣ, что, не спросясь хозяйна (я былъ тогда въ ученья у маляра, или, такъ—называемаго, комнатнаго живописца, нѣкогого Ширяева—человѣка грубаго и жестокаго) и пренебрегая послѣдствіями самовольной отлучки (я зналъ навѣрное, что онъ меня не отпуститъ), съ кускомъ чернаго хлѣба, съ полтиною мѣди въ карманѣ и въ тико-

вомъ халатѣ, какой обыкновенно носятъ ученики—ремесленники, убѣжалъ съ работы прямо въ Петергофъ на гулянье. Хорошо, должно быть, я былъ тогда! Странно однакожь: мнѣ и въ-половину не поправился тогда великолѣпный *Самсонъ* и прочіе фонтаны, и вообще праздникъ, противъ того, что мнѣ объ немъ наговорили. Слишкомъ ли сильно было воспламенено воображеніе рассказами, или, просто, я усталъ и былъ голоденъ. Последнее обстоятельство кажется вѣрнѣе. Да ко всему этому я еще увидѣлъ, въ толпѣ, своего грознаго хозяина съ пышною своею хозяйкой. Это-то последнее обстоятельство въ-конецъ помрачило блескъ и великолѣпіе праздника и я, не дождавшись палюминаціи, возвратился вспять, совершенно *не дивлясь бывшему*. Продѣлка эта сошла съ рукъ благополучно. На другой день нашли меня спящимъ на чердакѣ, и никто и не подозрѣвалъ о моей самовольной отлучкѣ. Правду сказать, я и самъ ее считалъ чѣмъ-то въ родѣ сновидѣнія.

Во второй разъ, въ 1839 г., посѣтилъ я петергофскій праздникъ совершенно при другихъ обстоятельствахъ. Во второй разъ, на Бердовскомъ пароходѣ, сопровождалъ я, въ числѣ любимыхъ учениковъ, Петровскаго и Михайлова, сопровождалъ я своего великаго учителя—Карла Павловича Брюлова. Быстрый переходъ съ чердака грубаго мужика—маляра, въ великолѣпную мастерскую величайшаго живописца нашего вѣка. Самому теперь не вѣрится, а дѣйствительно такъ было. Я—изъ грязнаго чердака, я—ничтожный замарашка—на крыльяхъ перелетѣлъ въ волшебныя залы Академіи Художествъ. Но чѣмъ же я хвалюся? чѣмъ я доказалъ, что я пользовался наставленіями и дружескою довѣренностью величайшаго художника въ мірѣ? Совершенно—ничѣмъ. До его неумѣстной женитьбы и послѣ умѣтнаго развода, я жилъ у него на квартирѣ, или, вѣрнѣе сказать, въ его мастерской. И что же я дѣлалъ? чѣмъ занимался въ этомъ святилищѣ? Странно подумать... я занимался тогда сочиненіями малороссійскихъ стиховъ, которые впоследствии упали такой страшною тяжестью на мою убогую душу. Передъ его дивными произведеніями я задумывался и лелѣлъ въ своемъ сердцѣ своего *слѣпца—кобзаря*, и своихъ кровожадныхъ *гайдамаковъ*. Въ тѣни его пзящю-роскошной мастерской, какъ въ знойной дикой степи надднѣпровской передо мною мелькали мученическія тѣни нашихъ бѣдныхъ гетмановъ. Передо мной разстилалась степь усяпанная курганами. Передо мною красовалась моя прекрасная, моя бѣдная Украпина, во всей непорочной мелан-

холпческой красотѣ своей... И я задумывался; я не могъ отвести своихъ духовныхъ очей отъ этой родной чарующей прелести. Призваніе—и ничего больше.

Странное однакожъ это всемогущее призваніе. Я хорошо зналъ, что живопись—моя будущая профессія, мой насущный хлѣбъ. И вмѣсто того, чтобы изучить ея глубокія таинства, и еще подъ руководствомъ такого учителя, какъ безсмертный Брюловъ, я сочинялъ стихи, за которые мнѣ никто ни гроша не заплатилъ, и которые наконецъ лишали меня свободы, и которые, несмотря на всемогущее человѣческое запрещеніе, я все-таки въ-тихомолку кропаю. И даже подумываю иногда о тишинѣ (разумѣется подъ другимъ именемъ) этихъ плаксивыхъ и тощихъ дѣтей своихъ. Право, странно неугомонное призваніе.

Не знаю, получу ли я отъ К—ка здѣсь мнѣніе насчетъ моего послѣдняго чада (Москалева Кришица). Я дорожу какъ мнѣніемъ чувствующаго благороднаго человѣка и какъ мнѣніемъ неподдѣльнаго самобытнаго земляка моего. Жаль мнѣ, что я не могу теперь посѣтить его на его раздольной Черноморіи. А какъ бы хотѣлось! Но что дѣлать. Сначала—уплачивается долгъ, потомъ—удовлетворяется голодная нужда, а на остатки — покупается удовольствіе. Такъ по-крайней-мѣрѣ дѣлаютъ порядочные люди. А я и тѣнь боюсь быть похожимъ на безалабернаго разгильдяя. Кутнулъ и я на свой паи когда-то. Довольно.

Пора, пора душой смириться!
Надъ жизнью нечего глумиться,
Отвѣдавъ горькаго плода.

Въ прошломъ году получалась-было здѣсь комендантомъ «Библиотека для Чтенія». Бывало, хоть переводъ Курочкина изъ Беранже прочитаешь: все-таки легче станеть. А нынѣ, кромѣ фельетона «Петербургскихъ Вѣдомостей» совершенно ничего нѣтъ современно-литературнаго. Да и за эту тощую современность нужно платитъ петрушкою и укропомъ. Хотъ бы рѣдка скорѣе выростала, а то совѣстно уже стало потчивать стариковъ однимъ и тѣмъ же продуктомъ.

2 іюля.

Двѣ случайно сдѣланныя много вещи такъ удачны, какъ рѣдко удаются произведенія, глубоко обдуманная. Первая вещь—это—сей

журналъ, который, въ эти томительные дни ожиданій, сдѣлался для меня необходимъ, какъ страждущему врачъ. Вторая вещь—это—мѣдный чайникъ, который дѣлается необходимъ для моего журнала, какъ журналъ для меня. Безъ чайника, или безъ чая, я какъ-то лѣнливо бывало принимался за сіе рукодѣлье. Теперь же едва успѣю налить въ стаканъ чай, какъ перо само просится въ руки. Самоваръ—тотъ шипѣніемъ своимъ возбуждаетъ къ дѣятельности: это понятно. Правда, я не имѣлъ случая испытать на себѣ это благодѣтельное вліяніе самовара. Но имѣлъ случай существенно убѣдиться въ этомъ волшебномъ вліяніи на другихъ, а именно: Былъ у меня, во время оно, пріятель. Въ 1846 г., судьба столкнула насъ въ *Цареградъ*, не въ Оттоманской столицѣ, а въ единственномъ трактирѣ города Чернигова. Меня судьба забросила туда *по дѣламъ службы*, а его по неопределимой любви къ разсѣянности или, какъ онъ выражался, по влеченію сердца. Я зналъ его какъ самаго непостояго и непостояннаго стихотворца, но не зналъ скрытнаго механизма, которымъ приводилось въ движеніе это неутомимое вдохновеніе, и тогда только, когда поселился мы вмѣстѣ, во избѣжаніе лишннихъ расходовъ во-первыхъ, а во-вторыхъ, чтобы, какъ товарищи по ремеслу, созерцать другъ друга во всѣ минуты дня и ночи,—тогда только узналъ я тайную пружину, двигающую это постоянно-неутомимое вдохновеніе. Пружина эта была—шипящій самоваръ. Сначала я не могъ взять въ толкъ, почему мой товарищъ по ремеслу не спроситъ, когда ему вздумается, стаканъ чая изъ буфета, какъ я это дѣлаю, а непременно велитъ подать самоваръ; но когда я разсмотрѣлъ пріятеля поближе, то оказалось, что онъ собственно не самоваръ велѣлъ подавать, а велѣлъ подавать вдохновеніе, или пружину, приводящую въ движеніе эту таинственную силу. Я прежде удивлялся, откуда и изъ какого петочника вытекаютъ у него такіа громадныя стихотворенія, а оказалось, что ларчикъ просто отворился. — —

Мы прожили съ нимъ вмѣстѣ весь великій постъ, и не оказалось въ городѣ не только барышни, дамы, даже старухи, которой бы онъ не написалъ въ альбомъ не четырехстишіе какое-нибудь (онъ мелочь презиралъ), а полную увѣспетую псалтирю. Если же альбома не обрѣталось у какой-нибудь очаровательницы, то онъ подносилъ ей просто на шести и болѣе листахъ самое сантиментальное посланіе.

Не помню—кто именно, а какой-то глубокой сердцеувѣдць, ска-

знать, что вѣрнѣйшій дружбомеръ есть деньги. И онъ сказалъ справедливо. Истинная настоящая дружба, которая высказывается только въ критическихъ трудныхъ случаяхъ, и она даже требуетъ этого холоднаго мѣрила. Самый живой одушевленный языкъ дружбы—это—деньги. И чѣмъ болѣе нужда, тѣмъ дружба искреннѣе, прогоняющая эту голодную вѣдму. Я былъ такъ—счастливъ въ своей, можно сказать, *коловоротной* жизни, что неоднократно вкушалъ отъ плода этого райскаго дерева. И въ настоящее, мнѣ кажется—самое критическое, время, я получаю 75 р. За что? за какое одоженіе? Мы съ нимъ видѣлись всего два раза. Первый разъ въ Орской крѣпости; второй разъ въ Оренбургѣ. Пошли, Господи, всѣмъ людямъ такую дружбу и такого друга, какъ Лазаревскій. — —

Вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Такъ и дружба—безъ существенныхъ доказательствъ—пустое, лукавое слово. Блаженны, стократъ блаженны, друзья, которыхъ жизнь была осынена радужнымъ сіяніемъ улыбающагося счастья и голодная нужда, своимъ желѣзнымъ посохомъ испытанія, ни разу не постучала въ дверь ихъ безкорыстной дружбы. Блаженны! они и въ могилу сойдутъ благословляя другъ друга.

3 іюля.

Сегодня во снѣ видѣлъ я Лазаревского,—будто бы онъ пріѣхалъ за мною въ укрѣпленіе, и несмотря на мои доводы о невозможности оставить мнѣ укрѣпленіе безъ пропуска, увезъ меня насильно, не позволивъ проститься даже съ М—скимъ. Вскорѣ очутились мы въ какомъ-то русско-татарско-нѣмецкомъ городѣ, въ родѣ Астрахани. И верблюды, и англійпрованныя лошади по улицѣ ходятъ, и фонтаны бьютъ, и кумысъ продаютъ, и папирсная фабрика, и театр; наконецъ вечеръ, ночь; Лазаревскій скрылся; ищу его, спрашиваю, и просыпаюсь. Проснувшись, я обрадовался, что это только сонъ, и что я, слава Богу, не дезертиръ. А иначе опять бы меня вооружили лѣтъ на десять. Нужно будетъ зайти къ сотнику Чеганову, посмотреть въ сонникъ, что значить видѣть сонъ: самовольную отлучку?

Сегодня, т. е. 4 іюля, когда я, по-обыкновенію, всталъ въ три часа, согрѣлъ свой чайникъ, налилъ стаканъ чая и взялся за перо, начали собираться дождевыя тучки, а черезъ нѣсколько минутъ пошелъ тихій, меланхолическій дождикъ. И я, оставивъ всякое писаніе

и мечтаниѣ, люблюсь этимъ прекраснымъ и чрезвычайно рѣдкимъ здѣсь явленіемъ. Вѣтеръ изъ Астрахани, т. е. нордъ-вестъ. Можно надѣяться, что дождикъ усилятся и продлится за полдень. Какалъ была бы благодать для этой безводной пустыни!

4 іюля.

Почевалъ на огородѣ, въ комендантской бесѣдкѣ. Это моя теперешняя резиденція. Вскорѣ по пробитіи вечерней зари, пошелъ тихій дождикъ, и поэтому случаю я рашше обыкновеннаго легъ спать. Подъ тихій, гармошшескій шумъ падающихъ на крышу бесѣдки капель дождя, я сладко задремалъ, и видѣлъ во снѣ покойника Карла Павловича Брюлова и съ нимъ вмѣстѣ товарища своего Михайлова, сначала въ какой-то огромной галереѣ, въ которой, кромѣ какого-то эскиза Гвидо-Рени, ничего не было, и который Михайловъ собирался копировать. Потомъ перешли мы въ мастерскую, что въ портикѣ, вмѣстѣ съ Карломъ Павловичемъ. Тутъ тоже ничего не было, кромѣ большаго, во всю залу натянутаго и загрунтованнаго, полотна, какъ это дѣлается для декораціи, и къ стѣнѣ приклеенной, грубо-раскрашенной, литографіи Калама съ подписью Рио-Джанейро. Потомъ Карлъ Павловичъ пригласилъ насъ на Лукьяновскій (?) ростбифъ, какъ это бывало во времена незабвенныя. Но ударилъ громъ и я проснулся. Пошелъ проливной дождь. Затворилъ окна и двери бесѣдки, я снова уснулъ. Во второй сеансѣ увидѣлъ я, въ Москвѣ, Михаила Семеновича Щепкина, такимъ же свѣжимъ и добрымъ, какъ видѣлъ его въ послѣдній разъ въ 1845 г.; говорилъ о театрѣ и о литературѣ. Я ему замѣтилъ, почему онъ не продолжаетъ свои *Записки Артиста*, начало которыхъ напечатано въ первой книжкѣ «Современника» за 1847 годъ. На что онъ мнѣ сказалъ, что жизнь его протекла такъ тихо, счастливо, что не о чемъ и писать. Я хотѣлъ ему на это возразить что-то, но мы очутились въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, и встрѣтились съ П. А. К—шемъ, собирающимъ какія-то тощія растенія. Я, какъ хозяинъ, захопоталъ объ обѣдѣ, и пошелъ искать полевой спаржи, которой здѣсь и въ поминѣ нѣтъ. Но новый ударъ грома разбудилъ меня и я уже не могъ заснуть.

Съ недавняго времени мнѣ начали представляться во снѣ давно-видѣнные мною млые сердцу предметы и лица. Это, вѣроятно, оттого, что я объ нихъ теперь постоянно думаю. Ложась спать, вчера

я думалъ объ *Осадѣ Пскова* и о *Генерилъ*; Брюлова. И я увидѣлъ во снѣ самого ихъ великаго творца. — Довольно! утро послѣ ночной грозы тихое, свѣжее, рѣдкое въ здѣшней знойной пустынѣ утро. И я буду большой тетера, если проведу его за своимъ журналомъ.

5 іюля.

Голинькій—охъ, а за голинькимъ—Боги. Изъ моей библіотеки, которую я знаю наизусть всю, и которую уже давно упаковалъ въ ящикъ, не нашлось книги достойной сопутствовать мнѣ въ моемъ радостномъ одинокомъ путешествіи по Волгѣ. Ригельмана *Исторія Донскаго Войска* показала мнѣ слишкомъ старою спутницей и я упаковалъ ее на самый спудъ. Чтѣ же дѣлать безъ книги въ такомъ медленномъ, спокойномъ путешествіи, какъ плаваніе по Волгѣ, отъ Астрахани до Нижняго? Это меня беспокоило. И въ самомъ дѣлѣ, чтѣ я буду дѣлать цѣлый мѣсяцъ безъ хоть-какой-нибудь книги? По фортуна — эта гордая повелительница повелителей міра, эта безглазая царица царей — сегодня мой лакей, хуже — Бердичевскій факторъ.

Насладившись прекраснымъ свѣжымъ утромъ на огородѣ, я, въ девятомъ часу, пошелъ въ укрѣпленіе. Мнѣ нужно было взять хлѣба у артельщика и отдать высушить на сухари, для дороги. Прихожу въ ротную канцелярію, смотрю — на столѣ, рядомъ съ образцовыми сапогами, лежатъ три довольно-плотныя книги въ сѣрой подержанной оберткѣ. Читаю заглавіе — и чтѣ же я прочиталъ! *Estetyka, czyli umniestwo piękne, przez Karola Libelta.* Въ казармахъ — эстетика! Чьи это книги? спрашиваю я писаря. — Кантенармуса, унтеръ-офицера Кулиха. — Отыскиваю вышеречекомаго унтеръ-офицера Кулиха. И на вопросъ мой, не продастъ ли онъ мнѣ *Umniestwo piękne*, онъ отвѣчалъ, что оно принадлежитъ мнѣ, что Пржевлонкій, уѣзжая изъ Уральска на родину, передалъ ему, Кулиху, эти книги съ тѣмъ, чтобы онѣ были переданы мнѣ, и что онъ, Кулихъ, принесъ ихъ съ собою сюда, положилъ въ цейхгаузъ и забылъ про ихъ существованіе, и что вчера только онѣ попались на глаза, и что онъ очень радъ, что теперь можетъ ихъ препроводить по-принадлежности. Для вѣщней радости, я послалъ за водкой, а книги положилъ въ свою дорожную торбу.

Видное, осязательное дѣло услужливой факторши фортуны! И такъ, по милости этой царицы царей, я имѣю въ дорогѣ чтеніе, на которое вовсе не расчитывалъ. Чтеніе, правда, не совѣтъ по моему вкусу, но чтѣ дѣлать! на безрыбье и ракъ рыба. Несмотря на

ною искреннюю любовь къ прекрасному въ искусствѣ и въ природѣ, я чувствую непреодолимую антипатію къ философіямъ и эстетикамъ, и этимъ чувствомъ я обязанъ сначала Галичу и окончательно — почтеннѣйшему профессору, читавшему намъ когда-то лекціи о теоріи изящныхъ искусствъ, девизомъ которыхъ было: *побольше разсуждать и поменьше критиковать*.

Съ Либельтомъ я немного знакомъ по его «Двѣ Орлянской» и по его критикѣ и философіи. На первый взглядъ онъ мнѣ показался мистикомъ и непрактикомъ въ искусствѣ. Посмотримъ, что даьше будетъ. Боюсь какъ бы вовсе не раззнакомиться.

6 іюля.

Видѣлъ во снѣ Академію Художествъ. Михайловъ показывалъ мнѣ какую-то неоконченную копію, и потомъ скрылся отъ меня вмѣстѣ съ копіею. Изъ Академіи я вышелъ на Большой Проспектъ, и не доходя церкви Андрея Первозваннаго, встрѣтился съ семействомъ здѣшняго коменданта. И отъ радости — проснулся.

Третьяго-дня, вечеромъ, былъ я случайнымъ зрителемъ, кажется, послѣдней сцены изъ водевиля, подъ названіемъ: *Недошитая Кюф-та*. Я не хотѣлъ-было вносить въ мой журналъ эту балаганную сцену, но какъ она оказалась важною по своему неожиданному результату, то я и заносу ее со всею пошлою точностію въ мою неизмѣнную хроніку.

Сіе событіе совершилось 5 числа текущаго мѣсяца. Въ отсутствіе родителя нареченной, жениху пришла благая мысль, — попотчивать свою будущую супругу серенадой со всѣми операми. Для этого собралъ онъ изъ 2 ротъ пѣсенниковъ, также со всѣми операми — съ бубномъ, тарелками, ложками, треугольникомъ и еще съ какими-то погремучками. И когда былъ пропѣтъ, разумѣется — съ тащамъ, весь репертуаръ солдатскихъ пѣсень, и даже «Послѣ батюшка остался спротою молодець», съ небольшими пзмѣненіями, — восторженному этой послѣдней пѣсней жениху, которая изображала въ нѣкоторомъ родѣ его собственное положеніе, захотѣлось, чтобы ребята маленъко его покачали. Почему же и не такъ. Ребята принялись за дѣло, и — о, судьба-злудѣйка! — въ воротахъ показался комендантъ, протяжное ура вдругъ оборвалось, и вѣрные, неизмѣнные ребята бросили своего отца-командира среди улицы, а сами скрылись гдѣ-кто-могъ. Поло-

женіе жениха, дѣйствительно, критическое, и тѣмъ болѣе критическое, что онъ, безъ нѣжнаго участія своей возлюбленной нареченной, не могъ стать на ноги по случаю безхитростной радости, или, проще, онъ былъ мертвецки-пьянъ.

На другой день рано является отецъ нареченной и проситъ, на законномъ основаніи, избавить его опозоренную дочь, а равно и все его семейство отъ гнуснаго, безобразнаго пьяншцы и жениха. На такое законное требованіе резолюціи еще не послѣдовало.

Каково же быть порядочному и семейному человѣку начальникомъ этого заграничнаго гитэдлица безграничныхъ мерзостей! Быть судьей и разбирателемъ этихъ безконечныхъ ежедневныхъ гадостей! а онъ, какъ начальникъ, обязанъ пачкаться въ этой вонищей грязи. Незавидная обязанность!

7 июля.

Видѣлъ я сегодня Москву, не встрѣтилъ никого знакомыхъ и храма Спаса не видалъ. Былъ на Красной площади и Василія Блаженнаго не видалъ. Искалъ въ гостинномъ дворѣ ивановскаго полотна для рубахъ, и не нашелъ. Такъ и проснулся. Проснувшись, я, по-обыкновенію, нагрѣлъ свой чайникъ, положилъ чаю и началъ вытирать стаканъ, какъ является ко мнѣ дядька и объявляетъ мнѣ повелѣніе фельдфебеля—немедленно явиться къ пригонкѣ аммуниціи.—Да ее недавно пригоняли,—говорю я.—Не могу знать-съ: приказано,—отвѣчасть.—Итакъ, для воскресенья, не удалось мнѣ чайкомъ побаловать себя. Прихожу въ укрѣпленіе и узнаю, что вчера пришелъ какой-то татаринъ изъ Астрахани съ казеннымъ провіантомъ, и распустилъ слухъ, что въ концѣ августа мѣсяца въ Астрахань ожидаютъ важную особу изъ Петербурга, и что по этому, случаю въ Астрахани, дѣлаются большія приготовленія для встрѣчи. Капитанъ, завѣдующій двумя ротами 1 баталіона, тотчасъ смекнулъ дѣло; и чтобы не ударить въ грязь лицомъ, вчера же, съ помощію писаря П., назначилъ почетный караулъ, въ число котораго по протекціи писаря П., назначенъ и я. Головоломная эта задача была кое-какъ рѣшена къ разсвѣту, а съ восходомъ солнца (несмотря на воскресенье) приказано пригнать аммуницію, и, какъ будетъ готово, вывести людей на смотръ.

Сказано—сдѣлано. Къ 7 часамъ все было готово. Въ полной ам-

муниципалитетъ люди были выведены на полянку, въ томъ числѣ и я; въ 6 часовъ явился самъ капитанъ, и, послѣ привѣтствія, подошелъ прямо ко мнѣ, благосклонно хлопнулъ меня по плечу и сказалъ: «что, братъ, отставка? Нѣтъ, мы еще изъ тебя сдѣлаемъ отличнаго правофланговаго, а потомъ—и съ Богомъ!» И тутъ же отдалъ приказаніе капральному ефрейтору заняться со мной маршпровкой и ружейными приемами часика четыре въ день. Я ужаснулся, услышавъ это благосклонное приказаніе. Вотъ тебѣ безмятежное уединеніе на городѣ!..

Тотъ же самый татарникъ, вмѣстѣ съ накладной, привезъ коменданту письмо изъ Астрахани, въ которомъ его увѣдомляютъ, что тамъ получено извѣстіе изъ Петербурга, чтобы важной особы въ Астрахань не ожидали и, слѣдовательно, не трепетали. Комендантъ, узнавши о распоряженіи предупредительнаго капитана К., натянулъ ему носъ и даже погрозилъ ему гауптвахтой, если онъ впередъ осмѣлится тревожить людей безъ его вѣдома. Тѣмъ все и кончилось. И я, какъ ни въ чемъ не бывало, всталъ сегодня, по-обыкновенію въ 3 часа утра, нагрѣлъ свой чайникъ, очинилъ новое перо и занесъ сей невѣроятный казусъ въ мою вѣрную хроніку... Господи, настанетъ ли для меня часъ искупленія! Настанутъ ли для меня блаженные дни, когда я буду читать эти грустные правдивыя сказанія, какъ ложный сонъ, какъ небывалую небывлицу!

8 іюля.

Сегодня ушла почтовая лодка въ Гурьевъ. Вѣтеръ зюйдъ-вѣсть. Въ среду или въ четвергъ она должна быть на Стрѣлецкой Косѣ, 15 верстъ отъ Гурьева. Въ субботу получить послѣднюю оренбургскую почту, воскресенье по праздничетъ, а въ понедѣльникъ—въ обратный путь. Какъ-разъ черезъ недѣлю, при благополучномъ вѣтрѣ, ее должно ожидать 17 или 18 числа, и никакъ не дальше 20. Неужели она для меня ничего не привезетъ? Не можетъ-быть. Это была бы уже умышленная пытка.

Сегодня же поутру пригласилъ я къ себѣ на огородъ унтер-офицера Кулиха, того самаго, что припесъ мнѣ изъ Уральска *Umpicistwo ріекне Libelta*. Разговоръ нашъ, разумѣется, вертѣлся на баталіонѣ и, въ-особенности, на 2 ротѣ, которая два года тому назадъ ушла отсюда и которая теперь сюда возвратилась. И тогда и теперь я въ этой ротѣ. Начиная съ бывшаго тогда командира, мы пере-

брали всю роту по одинакѣ и наконецъ дошли до рядоваго Скобелева. Этотъ Скобелевъ, несмотря на свое прозваніе, былъ мой землякъ, родомъ Херсонской губерніи, и въ-особенности мнѣ памятенъ по малороссійскимъ пѣснямъ, которыя онъ пѣлъ своимъ молодымъ, мягкимъ теноромъ, удивительно просто и прекрасно. Съ особеннымъ же выраженіемъ онъ пѣлъ пѣсню:

Тече річка невеличка
Зъ вишневого саду.

Я забывалъ, что я въ казармахъ слушаю эту очаровательную пѣсню. Она меня переносила на берега Днѣпра, на волю, на мою милую родину. И я никогда не забуду этого смирнаго, полунаагаго бѣдняка, штопающаго свою рубаху и уносившаго меня своимъ безыскусственнымъ пѣніемъ такъ-далеко изъ казармы.

По сложенію своему и по манерамъ, онъ не былъ похожъ на браваго солдата, но онъ пользовался въ ротѣ славою честнаго и смышленнаго солдата. И не смотря на смуглое, аляповатое и оспоу изрытое лицо, въ его лицѣ свѣтилась отвага и благородство. И я любилъ его какъ земляка и какъ честнаго человѣка, независимо отъ пѣсенъ. Онъ былъ, какъ онъ мнѣ говорилъ по-секрету, бѣглый крѣпостной крестьянинъ, попалъ въ бродяжничество, сказавъ некомпаниямъ родины и семейства и былъ зачисленъ въ солдаты, гдѣ и дали ему прозвище Скобелева, въ честь пзвѣстнаго русскаго пивалда, Скобелева. Такъ объ этомъ—то бѣднякѣ Скобелевѣ мнѣ рассказали слѣдующую прискорбную повѣсть.

Вскорѣ по прибытіи въ г. Уральскъ, *господинъ* О. взялъ къ себѣ въ постоянные вѣстовые Скобелева, какъ трезваго и благонадежнаго, но слабаго по фронту, солдата. — А Скобелевъ неумышленно сдѣлался повѣреннымъ сердечныхъ тайнъ своего господина. —

Однажды, въ минуты сердечныхъ изліній, коварная измѣнница открыла Скобелеву, что два мѣсяца тому назадъ на его имя получены *господиномъ* О. изъ Москвы 10 р. ср., отъ какого-то его бывшаго товарища (вѣроятно, по бродяжеству), теперь лавочнаго сидѣльца. И, въ доказательство истины словъ своихъ, показала ему конвертъ съ пятью печатами... Несмотря на прежнія подобныя продѣлки, *господинъ* О. какъ-то умѣлъ концы въ воду прятать и слыть вообще порядочнымъ человѣкомъ. Скобелевъ, узнавши такую продѣлку, явился къ нему, съ пустымъ пакетомъ въ рукахъ, требовать вынутыхъ изъ него денегъ. Произошло что-то *обоюднострос: притьтъ и отвѣтъ*. — — Будъ

это самъ-на-самъ, тѣмъ бы и кончилось, но какъ эта сцена была представлена при благородныхъ зрителяхъ, то сконфуженный господинъ, арестовавъ Скобелева, подалъ рапортъ о случившемся. Вслѣдствіе рапорта произведено слѣдствіе, а вслѣдствіе слѣдствія господину О. велѣно подать въ отставку, а Скобелева предали военному суду. — — —

Бѣдный Скобелевъ! родился ты и выросъ въ неволѣ... Вздумалось тебѣ попробовать широкой, сладкой, вольной волн, и ты залетѣлъ въ ридикулъ (такъ обыкновенно называютъ солдаты Новопетровское укрѣпленіе), залетѣлъ ты въ мою семилѣтнюю тюрьму пѣвуньей птицей изъ Украины, какъ-будто для того только, чтобы своими сладкими заунывными пѣснями напоминать мнѣ мою иплюю, мою бѣдную родину... Бѣдный, несчастный Скобелевъ! ты понесъ тяжелые кандалы на берега пустынныхъ Иртыша и Оми. Встрѣтншь ли въ своей новой неволѣ такого внимательнаго и благодарнаго слушателя-товарища твоихъ заунывныхъ, сладкихъ пѣсень, какъ я былъ?.. Встрѣтншь — и не одного такого же, какъ и ты, невольника-сироту, земляка-варпака заклеяннаго, который прольетъ слезу благодарности на твои тяжелые кандалы за отрадныя сердцу, милые, родные звуки... Бѣдный, несчастный Скобелевъ!

Рис. 277^д (1534.5)

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочу братьи и Русьскѣй Земли.»
Владиміръ Мономахъ.

1861

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ТИВЛЕНА И КОМП.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Четвертый отрывок.

9 іюля.

Передъ закатомъ солнца, заштилѣло, а въ сумерки поднялся свѣжій вѣтеръ отъ нордъ-оста, прямо въ лобъ нашей почтовой лодкѣ. Она теперь въ открытомъ морѣ бросила якорь; а когда подыметъ — Богъ знаетъ. Нордъ-остъ здѣсь господствующій вѣтеръ. Онъ можетъ простоять долго и продлить мою, и безъ того — длинную, неволю далеко за предначертанную мною границу, т. е. за 20 іюля. Грустно, невыразимо-грустно. Впродолженіи ночи я не могъ заснуть: меня грызла и гоняла, какъ на кордѣ, вокругъ огорода, самая свирѣпая тоска. На разсвѣтѣ, я пошелъ къ морю, выкупался, и тутъ же, на песокъ, заснулъ. — Видѣлъ во снѣ покойнаго Аркадія Родзянку въ его веселомъ *Подолѣ*, близъ Хорола; — показывалъ онъ мнѣ свой черзчуръ-затѣйливый садъ, толковалъ о возвышенной простотѣ и идеалѣ въ искусствахъ вообще и въ литературѣ въ-особенности; ругалъ наповалъ грязнаго циника — Гоголя, и въ-особенности *Мертвыя Души* казнилъ немплосердо; потомъ потчивалъ какими-то герметически-закупоренными кляпками и своими сальными малороссійскими впршамп. — — Разбудилъ меня мелкій тихій дождикъ, и я побѣжалъ на огородъ мокрой курицей.

Говорятъ, о чемъ наяву думаемъ, то и во снѣ пригрезнется. Это не всегда такъ. Я, наприхтеръ, Аркадія Родзянку видѣлъ одинъ разъ, и то случайно, въ 1843 году, въ его деревнѣ — *Веселый Подоль*, и онъ мнѣ въ нѣсколько часовъ такъ надоѣлъ своей тупой эстетикой и своими малороссійскими стихами, что я убѣжалъ — къ его ближайшему сосѣду, и, какъ водится, злѣйшему врагу. Я забылъ даже, что видѣлся когда-то съ сальнымъ стихоплетомъ, а

онъ мнѣ сегодня во снѣ пригрезился. Какая же связь между моими грустными мечтами и между этимъ давно-забытымъ мною человѣкомъ? Капризъ нашей нравственной природы и совершенно никакой логической связи. И *Оракуль* сотника Ч——нова едва ли объяснятъ загадку подобныхъ сновидѣній. Пойду однакожъ, на всякій случай, посмотрю въ это зеркало сокровенныхъ таинствъ природы.

10 іюля.

Вѣтеръ все тотъ же. Тоска та же самая. Дождь продолжаетъ омыватъ новую луну. Такія длинныя любезности здѣсь съ нимъ рѣдко случаются. Я недвижимо пролежалъ весь день въ бесѣдкѣ и слушалъ однотонную тихую мелодію, производимую мелкими и частыми каплями дождя о деревянную крышку бесѣдки. Принимался нѣсколько разъ дремать, но неудачно. Проклятыя мухи со всего огорода слетѣлись въ бесѣдку и не даютъ покоя. Принимался нѣсколько разъ строить воздушныя замки на своихъ будущихъ эстампахъ акватинта — также неудачно. *Гензерихъ* и *Осада Пскова*, Брюлова, мнѣ особенно не удавались. Нужно избѣгать на первый разъ наготы. Пужень опытъ и опытъ, а иначе эта очаровательная Брюловская нагота выйдетъ въ эстампѣ — безобразіе. Я не желалъ бы, чтобы мои будущіе эстампы были похожи на парижскій эстампъ акватинта, съ картины *Последній день Помпеи*. Топорный, безобразный эстампъ. Поругано, обезображено гениальное произведеніе.

Въ такомъ скверномъ настроеніи унывающей души вспомнилъ я про *Umnicтво рієкне*, Либельта, и принялся жевать: жестко, кисло, приторно, — настоящій нѣмецкій супъ-вассеръ. Какъ, напримѣръ, человѣкъ такъ-важно трактующій о вдохновеніи, простосердечно вѣрить, что будто бы Юсифъ Вернетъ велѣлъ себя, во время бури, привязывать къ мачтѣ для полученія вдохновенія. Какое мужицкое понятіе объ этомъ неизреченномъ божественномъ чувствѣ. И этому вѣрять человѣкъ, пишущій эстетику, трактующій объ идеальномъ, возвышенно-прекрасномъ, въ духовной природѣ человѣка. Нѣтъ, п эстетика сегодня мнѣ не далась. Либельтъ, онъ только пишетъ по-польски и чувствуетъ (въ чемъ я сомнѣваюсь), а думаетъ по-нѣмецки, или, по-крайней-мѣрѣ, пропитанъ нѣмецкимъ идеализмомъ (бывшимъ, — не знаю какъ теперь). Онъ смахиваетъ на нашего Жуковского, въ прозѣ. Онъ также вѣрять въ безжизненную прелесть

нѣмецкаго, тощаго для жизни, идеала, какъ и покойный В. А. Жуковский.

Въ 1839 году, Жуковский, возвратившись изъ Германіи съ огромною портфелею, начиненною произведеніями Корнеліуса, Гессе и другихъ свѣтилъ Мюнхенской школы живописи, нашелъ Брюлова произведенія слишкомъ матеріальными, — придавляющими къ грѣшной землѣ божественное высшее искусство, и, обращаясь ко мнѣ и покойному Штерибергу, случившемуся въ мастерской Брюлова, предложилъ зайти къ нему полюбоваться и поучиться отъ великихъ учителей Германіи. Мы не преминули воспользоваться симъ счастливымъ случаемъ, и на другой же день явился въ кабинетъ германовѣла. Но, Боже! что мы увидѣли въ этой огромной, развернувшейся передъ нами, портфель: длинныхъ безжизненныхъ мадонъ, окруженныхъ готическими, тощими, херувимами, и прочихъ — настоящихъ — мучениковъ живаго улыбающагося искусства. Увидѣли Гольбейна, Дюрера, но никакъ не представителей девятнадцатаго вѣка. До какой степени, однакожъ, помѣшались эти нѣмецкіе идеалисты живописцы. Они не замѣтили, что въ архитектурѣ Кленца, для которой они творили свои готическія безобразныя творенія, и тѣни нѣтъ напоминающаго готическую архитектуру. Странное, непонятное затмѣніе!

Umnictwo рієкне, Либельта, спрятали я въ дорожную *торбу*, и снова привелъ свою фигуру въ горизонтальное положеніе. Что дальше будетъ — не знаю.

Пезабвсныне золотые дни, мелькнули въ свѣтлымъ, радостнымъ сповидѣніемъ передо мною, оставивъ по себѣ неизгладимый слѣдъ чарующаго воспоминанія. Мы были тогда съ Штерибергомъ едва оперившіеся юноши, и, разсматривая эту единственную коллекцію идеальнаго безобразія, высказывали вслухъ свое мнѣніе, и своимъ простодушіемъ довели такого кроткаго и деликатнаго Василія Андреевича до того, что онъ назвалъ насъ пспорченными учениками Карла Павловича, и хотѣлъ-было уже закрыть портфель передъ нашими носами, какъ вошелъ въ кабинетъ князь Вяземскій и помѣшалъ благому намѣрсію Василія Андреевича. Мы продолжали, съ невозмутимымъ равнодушіемъ, перелстывать портфель и были награждены за терпѣніе первоначальнымъ эскизомъ *Послѣдняго дня Помпеи*, ловко начерченнымъ перомъ и слегка попятаннымъ сепіею. За этимъ геніальнымъ очеркомъ, почти неизмѣненнымъ въ картинѣ, слѣдовало нѣсколько топорныхъ чертежей Б., которые ужаснули насъ своимъ

заученымъ однообразнымъ безобразіемъ. И гдѣ, и изъ какого творнаго источника почерпнулъ и усвоилъ онъ эту ненатуральную манеру? Неужели это одно желаніе — быть оригинальнымъ такъ страшно обезобразило произведенія неутомимаго Б.? Жалкое желаніе. Грустный результатъ. И этотъ человѣкъ мечталъ еще равняться съ Карломъ *великимъ!* (такъ обыкновенно называлъ Брюлова В. А. Жуковскій.).

Одинъ мой знакомый не-художникъ и даже не-записной, а такъ, просто — любитель изящнаго, смотря на извѣстную картину Б., сказалъ, что еслибы онъ былъ матерью того ребенка, что валяется на первомъ планѣ картины, то онъ не только взять на руки, — боялся бы подойти къ этому маленькому кретину. Замѣчаніе чрезвычайно вѣрное, и ловко высказано. А другая огромная его картина? Это — толпа безобразныхъ и самыхъ безталанныхъ актрисъ и актеровъ. Я видѣлъ ее въ подмалѣвкѣ, и она меня ужаснула. Неприятное, но все-таки впечатлѣніе. Оконченная же эта картина не произвела на меня даже и этого неприятнаго чувства. А вѣдь цѣль ея была уничтожить *Послѣдній день Помпеи*. Колоссальное, но, увы! неудачное намѣреніе.

11 іюля.

Въ полночь переѣхался вѣтеръ и отошелъ къ нордъ-весту. Я полюбовался прозрачными исчезающими облаками и легъ спать. Проснулся до восхода солнца. Небо было чисто. Только одна, единственная звѣздочка, какъ алмазь, горѣла высоко на востокѣ. Это должна быть Аврора. Солнце не успѣло выглянуть изъ-за горизонта, — она исчезла. Я весело принялся за свой чайникъ. И когда все было готово для моего утренняго одинокаго ширшества, я очинилъ внимательно перо, развернулъ свой журналъ и — что пазывается — полбуквы не могъ написать: такъ мнѣ вдругъ сдѣлалось весело! И напившись чаю, и наслушавшись чирканья веселыхъ ласточекъ, отправился въ укрѣпленіе заказать торбу для сухарей и взять второй томъ Либельта; — зашелъ къ М — скому; онъ мнѣ предложилъ стаканъ чаю, отъ котораго я не имѣлъ силы отказаться, потому что чай былъ съ лимономъ — неслыханная роскошь въ этой пустынѣ. За чаемъ сообщилъ онъ мнѣ о начавшемся слѣдствіи надъ жемпомъ и певѣстой. Слѣдствіе началось медицинскимъ освидѣтельствованіемъ невѣсты какъ

водится въ присутствіи понятыхъ. При чемъ лекарь острилъ, — что подало поводъ къ грубымъ насмѣшкамъ надъ жешхомъ. Мерзость!

Заказавши торбу для сухарей, я окончательно упаковалъ свою мизерію, взялъ второй томъ Либельта и три оставшіяся сигары, пзъ числа тѣхъ 25 сигаръ, что прислалъ миѣ Лазаревскій вмѣстѣ съ сепіею. Отличныя сигары, — настоящія гаванскія. Возвратившись на огородъ, я, по обыкновенію, до обѣда лежалъ подъ своею любимою вербою и читалъ Либельта. Сегодня и Либельтъ миѣ показался умѣреннѣе идеалистомъ, и болѣе похожимъ на человека съ тѣломъ, нежели на бесплотнога нѣмца. Въ одномъ мѣстѣ онъ (разумеется, осторожно) доказываетъ, что воля и спла духа не можетъ проявиться безъ матеріи... Либельтъ рѣшительно похорошѣлъ въ моихъ глазахъ, но онъ все-таки школяръ. Онъ пренаивно доказываетъ присутствіе всемогущаго Творца вселенной, во всемъ видимомъ и невидимомъ нами мірѣ, и такъ же хлопочетъ объ этой старой, какъ свѣтъ, истинѣ, какъ-будто это его собственное открытіе.

За обѣдомъ было веселѣе обыкновеннаго: комендантъ подтрунивалъ надъ моими сборами въ походъ; другіе ему вторили болѣе или менѣе любезно, но вообще вся компанія была, какъ говорится, въ своей тарелкѣ. Послѣ обѣда я, также по обыкновенію, заснулъ подъ своей фавориткою — вербою, а передъ вечеромъ надѣлъ чистый китель, соломенную шляпу — самодѣльщину и пошелъ на туркменскія *бакчи* (баштапы) и, не смотря на скудость зелени, миѣ и бакчи поправилсь. Я зашелъ къ хозяевамъ въ аулъ; около кибитокъ играли съ козлятами нагія, смуглыя дѣти, визжали въ кибиткахъ женщины, должно быть — ругались, а за ауломъ мужчины творили свой намазъ передъ закатомъ солнца. Вечеръ былъ тихій, свѣтлый. На горизонтѣ чернѣла длинная полоса моря, на берегу его горѣли въ красноватомъ свѣтѣ скалы и на одной изъ скалъ блестяли бѣлыя стѣны второй батареи и всего укрѣпленія. Я любовался своею семилѣтнею тюрьмою. Возвращаясь на огородъ, набрѣлъ я на тропинку, на уже-засохшей грязи которой видны были отпечатки миниатюрныхъ дѣтскихъ ножекъ. Я любовался и слѣдилъ этотъ крошечный дѣтскій слѣдъ, пока онъ не исчезъ въ степной полянѣ, вмѣстѣ съ тропинкою. На огородъ пришелъ я къ вечернему чаю и попотчивалъ Праклія Александровича и Николая Ефремовича своими заветными сигарами, и самъ закурилъ остальную. Всѣ, начиная съ Наташеньки, не мало удивились, увидѣвъ въ моемъ лицѣ торчащую, дымящуюся сигару, а нянька Авдотья,

уральская козачка, — та совершенно во мнѣ разочаровалась. Она до сихъ поръ думала, что я по-крайней-мѣрѣ *часовенный*, а я такой же еретикъ-щепотникъ, какъ и другіе. Всѣ же вообще находили, что мнѣ сигара къ лицу, и что съ сигарой я похожъ на вояжѣра порядочнаго тона. Такому удачному сравненію я и не думалъ противорѣчить, и мысленно переносился на палубу парохода «Меркурія» или «Самолета», а о скромной разшивѣ, о бурлацкихъ пѣсняхъ, о преданіяхъ про Стеньку Разина, забылъ и думать...

Ужъ сколько разъ твердили міру,

Что лезть гусна, вредна, но — все не впрокъ.

Отуманенный лестію, я, противъ обыкновенія, и — разумѣется — во вредъ желудку, не имѣлъ силы отказаться отъ *пельменей*. Пельмени были мастерски приготовлены, и я оказалъ имъ неложную честь. Послѣ ужина, я долго гулялъ вокругъ огорода, и, мало-по-малу, освобождался отъ вліянія самолюбія, привелъ наконецъ свой гордый духъ въ нормальное состояніе и тихо запѣлъ гайдамацкую пѣсню:

Ой поїзжѣе по Україні та козаченько Швачка...

Отъ этой любимой моей пѣсни, я незамѣтно перешелъ къ другой — не менѣе любимой:

Ой, изійди, зійди, ти, зіронько, та вечірня...

Эта меланхолическая пѣсня напомнила мнѣ тотъ вечеръ, когда я и молодая жена Кулиша иѣли въ два голоса эту очаровательную пѣсню. Это было на другой день послѣ ихъ свадьбы, въ роковомъ 1847 году. Увижу ли я эту прекрасную украинку? Запою ли съ нею эту задумешную пѣсню?

Воспомнанія меня убаюкали; я сладко заснулъ, и видѣлъ во снѣ Повгородъ-Сѣверскій (вѣроятно, вслѣдствіе недавняго чтенія *Алексья Однорога*). По улицѣ ѣздили въ старосвѣтскомъ огромномъ берлинѣ, огромные, рыжіе, пьяные монахи, и между ними очутился мой трезвый другъ, Семень... Это все пельмени такъ каметаморфозили.

12 іюля.

Одипадцатымъ, нечетнымъ, несчастливымъ для меня, числомъ кончился первый мѣсяцъ моего журнала. Какой добрый геній шепнулъ мнѣ тогда эту мысль? Ну, что бы я дѣлалъ впродолженіи этого минувшаго, безконечно-длиннаго мѣсяца? Хотя и это занятіе мно-

ходное, по все-таки оно отнимаетъ у безотвязной скуки нѣсколько часовъ дня. А это—важная для меня теперь услуга. Въ первые дни не нравилось мнѣ это занятіе, какъ не нравится всякое занятіе, пока мы его себѣ не усвоимъ, не смѣшаемъ его съ нашимъ насущнымъ хлѣбомъ. Сначала я принимался за свой журналъ какъ за обязанность, какъ за *пунктики*, какъ за ружейные приемы; а теперь, и особенно съ того счастливаго дня, какъ завелся я иѣднымъ чайникомъ, журналъ для меня сдѣлался необходимъ, какъ хлѣбъ съ масломъ для чая. И не случись этого неспосага ожиданія, этого тягостнаго бездѣйствія, мнѣ бы и въ голову никогда не пришло обзавестись этой эластической мебелью, на которой я теперь каждый день такъ безмятежно отдыхаю. Справедливо говорится: нѣтъ худа безъ добра.

Сегодня утромъ, записавши счастливое одинадцатое число, я вздумалъ попробовать ветчины собственнаго приготовленія. Для этого я выпилъ фундаментальную рюмку водки, закусалъ молодой рѣдкой, а потомъ уже приступилъ къ собственному произведенію. Ветчина оказалась превосходною, свѣжею, не смотря на то, что еще приготовлена въ январѣ мѣсяцѣ. Перваго января текущаго года получилъ я первое радостное письмо изъ Петербурга отъ графини Т——ой, и съ того же дня началъ готовиться въ дорогу. Такъ какъ путешествовать мнѣ предстояло, — можетъ-быть, и теперь еще предстоитъ, — по серебрянымъ берегамъ Урала, гдѣ благочестивые Уральцы, а особенно Уралки, нашему брату-раскольнику воды напиться не дадутъ, то я и заготовилъ для труднаго пути сей необходимый копченый продуктъ. Не знаю, чѣмъ восхищается въ Уральцахъ этотъ статистикомористъ П——ицъ? Грязиѣ, грубѣ этихъ закоренѣлыхъ раскольниковъ я ничего не знаю. Сосѣди ихъ. — степные дикари Киргизы — тысячу разъ общежительнѣе этихъ прямыхъ потомковъ Стеньки Разина. А помянутый господинъ въ восторгѣ отъ ихъ общежитія и мнимаго гостепріимства. Вѣрно, ему въ грязномъ погребкѣ диктовалъ какой-нибудь Ж——овъ статейку подъ названіемъ: *Уральскіе Козаки*, а онъ, подъ веселую руку, записалъ, да и посвятилъ еще В. И. Далю. — — — Вредны такіе писатели.

Попробовавши дорожнаго продукта и найдя оный болѣе нежели удовлетворительнымъ, я самодовольно успокоился подъ своей фавориткой-вербою, и принялся за Либельта. Онъ сегодня мнѣ рѣшительно нравится: или онъ въ самомъ дѣлѣ хорошъ, или онъ мнѣ

только кажется такимъ, потому, что мнѣ вотъ ужъ другой день даже вовсе непривлекательные предметы кажутся привлекательными. Блаженное состояніе! Либельтъ, напримѣръ, весьма справедливо замѣчаетъ и высказываетъ эту, — правда, не совсѣмъ молодежавую истину, — коротко, изящно и ясно: что религія у древнихъ и новыхъ народовъ всегда была источникомъ и двигателемъ изящныхъ искусствъ. Это вѣрно. А вотъ это такъ не совсѣмъ: онъ, напримѣръ, челоѣка-творца въ дѣлѣ изящныхъ искусствъ вообще, въ томъ числѣ и въ живописи, ставитъ выше природы, потому-дескать, что природа дѣйствуетъ въ указанныхъ ей неизмѣнныхъ предѣлахъ, а челоѣкъ-творющецъ ничѣмъ не ограниченъ въ своемъ созданіи. Такъ ли это? Мнѣ кажется, что свободный художникъ настолько же ограниченъ окружающею его природою, насколько природа ограничена своими вѣчными, неизмѣнными законами. А попробуй этотъ свободный творецъ на волю отступитъ отъ вѣчной красавицы-природы, онъ дѣлается богоотступникомъ, нравственнымъ уродомъ, подобнымъ Корнеліусу и Б. Я не говорю о дагерротипномъ подражаніи природѣ: тогда бы не было искусства, не было бы творчества, не было бы истинныхъ художниковъ, а были бы только портретисты, въ родѣ З.

Великій Брюловъ черты одной не позволялъ себѣ провести безъ модели, а ему, какъ исполненному силы творчества, казалось бы, это позволительно. Но онъ, какъ пламенный поэтъ и глубокій мудрецъ-сердцевѣдецъ, облакалъ свои выспренія, свѣтлыя фантазіи въ форму непорочной вѣчной истины. И потому-то его идеалы, полныя красоты и жизни, кажутся намъ такими милыми, такими близкими, родными.

Либельтъ сегодня мнѣ рѣшительно правится. Впродолженіи десяти лѣтъ я кромѣ степи и казармы ничего не видѣлъ, и кромѣ солдатской, запуганной, рѣчи, ничего не слышалъ. Страшная, убійственная проза... И теперь, случайный собесѣдникъ Либельтъ — самый очаровательный собесѣдникъ. Искренняя моя сердечная благодарность учитель-офицеру Кулиху.

Какъ начался приятно, такъ и кончился этотъ второй для меня день приятно. Вечеръ былъ тихій, прекрасный. Для моціону я обошелъ два раза укрѣпленіе. Началъ было и третій обходъ, только у второй батареи остановилъ меня уральскій козакъ своею старинной пѣсней про Игнашу Степанова сына Булавина. Первый стихъ пѣсни мнѣ чрезвычайно правится:

Возмутился нашъ батюшка
Славный тихій Донъ,
Отъ верховица
Вплоть до устьяца.

Эта пѣсня собственно — донская, но она усвоена и Уральцамъ, какъ братьями по происхоженію. Я не мало удивился, услышавъ въ первый разъ здѣсь эту пѣсню, — потому-что приходящіе сюда на службу Уральцы большею частію народъ бывалый въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и поютъ все модные нѣжные романсы, захваченные или въ салонахъ на *Козихъ* или въ *Мъщанскихъ* и *Подьяческихъ* улицахъ. Такъ я не мало удивился, услышавъ этого отступника отъ закона моды.

Съ удовольствіемъ слушалъ я незримаго пѣвца, пока онъ замолчалъ или, вѣроятно, уснулъ, — чему и я благоразумно последовалъ. На разсвѣтѣ приснилось мнѣ, будто бы пріѣхалъ въ укрѣпленіе фельд-маршалъ Сакенъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ, митрополитомъ кievскимъ Евгеніемъ, и потребовалъ меня къ себѣ. Но такъ-какъ у меня не оказалось солдатскаго облаченія, кромѣ шинели, и то — безъ эпoletы, то, пока нашивали эпoletы, я проснулся, и былъ сердечно радъ этой неудачѣ.

13 іюля.

Сегодня суббота; вѣтеръ все тотъ же — нордъ-вѣсть. Это хорошо. Значитъ, волею-неволею лодка должна дожидаться оренбургской почты. Чѣмъ ближе ко мнѣ это радостное событіе, тѣмъ дѣлаюсь я нетерпѣливѣе и трусливѣе. Семь тяжелыхъ лѣтъ, въ этомъ безвыходномъ заточеніи, мнѣ не казались такъ длинными и страшными, какъ эти послѣдніе дни испытанія. Но все отъ Бога. Заглушивъ въ себѣ, по мѣрѣ возможности, это ядовитое сомнѣніе, я принялся за моего неизмѣннаго друга Либельта и съ наслажденіемъ пробесѣдовалъ съ нимъ до самого вечера. Вечеромъ пошелъ я опять ко второй батарее, въ надеждѣ услышать вчерашняго Баяна. Но вчерашній Баянъ обманулъ мои ожиданія. Я возвратился на огородъ, легъ подъ своей завѣтною вербою, и самъ не знаю, какъ это случилось, — уснулъ и проснулся уже на разсвѣтѣ. Рѣдкое, необыкновенное событіе! Такіе дни и такія событія я долженъ вносить въ мою хронику, потому-что я вообще мало спалъ, а въ послѣдніе дни сонъ рѣшительно меня оставилъ.

14 июля.

Сегодня воскресенье. Вторъ все тотъ же. Не пора ли отойти въ нордъ—осту? О, какъ бы онъ меня обрадовалъ, еслибы хоть къ завтраму отошелъ. Лучше рѣшительный ударъ обуха, нежели тупая деревянная пила ожиданія.

Въ полдень вторъ засвѣжѣлъ и отошелъ къ норду. Добрый знакъ. Сегодня третьи сутки, какъ я не посѣщаль — укрѣпленія. И это теперь мое единственное счастье, что я безнаказанно могу дѣлать такое укрывательство, а чтобы не видѣть еще сутки топорной декорациі мѣстнаго вертепа и рьяныхъ соратниковъ Вакха, я не побрился и не пошелъ къ обѣднѣ. А передъ вечеромъ, во избѣжаніе встрѣчи съ тѣми же соратниками (они по праздникамъ имѣютъ обыкновеніе нарушать спокойствіе обывателей огорода), я, надѣвши чистый бѣлый чехолъ на фуражку и положивши въ карманъ огурецъ и рѣдьку, отправился къ Филемону и Бавкидѣ. Филемонъ, вопреки своему постоянному расположенію духа, былъ не въ духѣ, а Бавкида, вопреки своей постоянной улыбкѣ, была тоже не въ духѣ, даже не показала мнѣ своей новой соломенной шляпки, о которой я слышалъ стороною. Я вспомнилъ пословицу — *не во время гость хуже татарина*, и взялся за фуражку; но Филемонъ остановилъ меня, просилъ садиться и также просилъ свою печальную Бавкиду подать на пробу недавно-полученнаго изъ Астрахани варенья, а самъ принесъ кружку холодной воды, и послѣ первой апробаціи повѣдалъ мнѣ свое новое горе. Неосторожный и жадный лоцманъ, взявшійся представить ему товаръ изъ Астрахани, нагрузилъ свою утлую ладью такъ грузно, что при первомъ свѣжемъ вѣтрѣ долженъ былъ половину груза выбросить въ море. Къ несчастію Филемона и Бавкиды, ихъ товары, состоящіе изъ двухъ ящиковъ горячихъ напитковъ и 30 мѣшковъ муки, лежали на палубѣ, и, разумѣется, первые полетѣли за бортъ. Уцѣлѣли только ничтожныя мелочи, какъ—то: варенья, лимоны, соленые огурцы и соломенная шляпка. Откровенная бесѣда, какъ исповѣдь, умиляетъ наше тоскующее сердце. Старика, рассказывая мнѣ про постигшее ихъ несчастіе, пришли въ свое нормальное положеніе. Филемонъ простодушно началъ врать о какой—то стычкѣ съ французами въ 1812 г., а Бавкида показала мнѣ шляпку и даже мантилью, а на прощаньи подарила мнѣ лимонъ, съ которыми я имѣю

радость сегодня, т. е. въ понедѣльникъ, пить чай, записывая свой визитъ и грустное событіе, совершившееся въ ущербъ торговлѣ моего Филемона и Бавкиды.

Вчера, какъ я сегодня узналъ, не смотря на воскресенье и хорошую погоду, ни одинъ, изъ офцію имѣющихъ, не появлялся на огородѣ. Странная, непонятная антипатія къ благоухающей зелени! Они предпочитаютъ пыль и несносную духоту въ укрѣпленіи прохладной тѣни, цвѣтамъ и свѣжей зелени на огородѣ. Непонятное затвердѣніе органовъ. Настоящіе суровые сыны Беллоны. Одно, чѣмъ я могу растолковать себѣ это отсутствіе обонянія и зрѣнія суровыхъ дѣтей Беллоны, это—всепокоряющая владычица—водочка. На огородѣ, извольте видѣть, хотя и можно пропустить рюмку—другую, потому что самъ наибольшій предлагаетъ, но нельзя нализаться какъ слѣдуетъ, не потому, чтобы это было неприлично, а потому, чтобы не очутиться въ мѣстной *калабрии*. Такъ что же и въ самомъ дѣлѣ за удовольствіе посѣщать огородъ. Не лучше ли дома, втихомолку, нализаться такъ, чтобы въ глазахъ позеленѣло? Вотъ тебѣ и огородъ съ цвѣтами и съ благоуханіемъ!

Независимо отъ этой глубокой политпки, въ великороссійскомъ человѣкѣ есть врожденная антипатія къ зелени, къ этой живой, блестящей зарѣ улыбающейся матери—природы. Великороссійская деревня, это, какъ выразился Гоголь, наваленная куча сѣрыхъ бревенъ, съ черными отверстиями вмѣсто оконъ, вѣчная грязь, вѣчная зима. Прутика зеленого не увидишь, а по сторонамъ непроходимые лѣса зеленѣютъ, а деревня какъ—будто нарочно вырубилась на большую дорогу изъ-подъ тѣни этого непроходимого сада, растянута въ два ряда около большой дороги, выстроила постоянные дворы, а на—отлетѣ часовню и кабачекъ, и ей ничего больше не нужно. Непонятная антипатія къ прелестямъ природы!

Въ Малороссіи совсѣмъ не тó. Тамъ деревня и даже городъ укрыли свои бѣлыя, пріятныя хаты въ тѣни черешневыхъ и вишневыхъ садовъ. Тамъ бѣдный, улыбающійся мужикъ окуталъ себя великолѣпною, вѣчно—улыбающеюся природою; поетъ свою унылую, задумчивую пѣсню, въ надеждѣ на лучшее существованіе. О, моя бѣдная, моя прекрасная, моя милая родина! Скоро ли я вздохну твоимъ живительнымъ, сладкимъ воздухомъ? Милосердый Богъ—моя нетлѣнная надежда.

15 июля.

Вѣтеръ все тотъ же—нордъ. Хоть бы на одну четверть румба отошелъ къ осту, все бы мнѣ легче было. Виродолженіи двухлѣтняго плаванія по неизслѣдованному еще Аральскому морю, я одного раза не взглянулъ на компасъ; а въ эти послѣдніе, безконечно—длинные, дни и ночи я изучилъ его во всѣхъ самаѣйшихъ направленіяхъ. О, вѣтеръ, вѣтеръ! еслибы ты могъ почувствовать моему неусыпному горю, — ты бы еще третьяго—дня отошелъ къ нордъ—осту! и сегодня я бы уже сидѣлъ съ карандашемъ въ рукѣ на палубѣ аргонатовъ татарскаго корабля, идущаго къ берегамъ Колхиды, т. е. Астрахани, и въ послѣдній разъ рисовалъ бы видъ своей тюрьмы. Хорошо, еслибы такъ, а если иначе, — тогда что? Тогда я и самъ не знаю—что.

Вчера вечеромъ обошелъ я два раза укрѣпленіе, и, прійдя на огородъ, прилегъ, усталый подъ своей завѣтною вербою, съ крѣпкимъ намѣреніемъ вздремнуть хоть полчаса. Я уже другіе сутки глазъ не смыкаю. Но Морфей, по обыкновенію, измѣнилъ мнѣ, и я лежалъ себѣ подъ вербою и разстѣянно слушалъ болтовню огородниковъ, недалеко расположившихся на травкѣ. Между ними былъ уральскій казакъ, — онъ—то и владѣлъ разговоромъ, или болтовнею. Послѣ разныхъ случаевъ, случившихся съ разказчикомъ въ разныхъ походахъ, свелъ онъ рѣчь на колдуновъ, мертвецовъ и, наконецъ, и самоубійцъ. Онъ разказалъ исторію о какомъ-то самоубійцѣ, которая меня совершенно не интересовала, но меня заинтересовало релігіозное повѣрье уральскихъ казаковъ о душѣ самоубійцы, которое онъ при этомъ случаѣ разказалъ. Самоубійцу хоронятъ безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ, и не на общемъ кладбищѣ, а выносятъ далеко въ поле и закапываютъ какъ падаля. Въ дни поминовенія усопшихъ, родственники несчастнаго, или просто, добрые люди, выносятъ и посыпаютъ могилу хлѣбнымъ зерномъ, житомъ, пшеницею, ячменемъ и прочая, для того, чтобы птицы клевали это зерно и молили Бога объ отпущеніи грѣховъ несчастному. Какое поэтически-христіанское повѣрье!

На моей памяти, въ Малороссіи, на могилахъ самоубійцъ, совершался обрядъ неменѣе поэтическій и истинно-христіанскій, который однакожь кому—то показался обрядомъ языческимъ, и потому велѣно уничтожить. —

Въ Малороссіи, самоубійць хоронили также въ полѣ, но непременно на перекрестной дорогѣ. Впродолженіи года, идущій и ѣдущій мимо несчастнаго покойника, долженъ былъ что-нибудь бросить на его могилу, — хоть рукавъ рубашки оторвать и бросить, если не случилось чего другого. По истеченіи года, въ день его смерти, а болѣе — въ *зеленую* субботу (на канунъ Троицына дня), сжигаютъ накопившійся хламъ какъ очистительную жертву, служатъ панихиду и ставятъ крестъ на могилѣ несчастнаго.

Можетъ ли быть чище, возвышеннѣе, богоугоднѣе молитва, какъ молитва о душѣ нераскаявшагося грѣшника? Религія христіанская, какъ нѣжная мать, не отвергаетъ даже и преступныхъ дѣтей своихъ, за всѣхъ молится и всѣмъ прощаетъ. А между-тѣмъ, *нѣкоторые* отвергаютъ именно тѣхъ, за которыхъ должны бы молиться. Гдѣ же любовь, завѣщанная намъ на крестѣ нашимъ Спасителемъ-человѣколюбцемъ? И что языческое нашли вы въ этомъ христіанскомъ, всепрощающемъ жертвоприношеніи? — — — — —

Туркменцы и Киргизы святымъ своимъ (*аулюе*) не ставятъ, подобно богатырямъ, великолѣпныхъ *абу* (гробницъ): на трупъ святого наваливаютъ безобразную кучу камней, набрасаютъ верблюжьихъ, лошадиныхъ и бараньихъ костей, остатки жертвоприношеній, ставятъ высокій деревянный шестъ, иногда увѣнчанный копьемъ, увѣиваютъ этотъ шестъ разноцвѣтными тряпками, и на томъ оканчиваются замолительныя почести святому. Грѣшнику же, по мѣрѣ оставленнаго имъ богатства, ставятъ болѣе или менѣе великолѣпный памятникъ. Противъ памятника, на двухъ небольшихъ изукрашенныхъ столбикахъ, ставятъ плшки: въ одной, ближніе родственники ягутъ по ночамъ бараній жиръ, а въ другую плшку, днемъ, наливаютъ воду для птичекъ, чтобы птички напившись воды, помолились Богу о душѣ грѣшнаго и любимаго покойника. Безмолвная поэтическая молитва дикаря, въ чистотѣ и возвышенности которой вѣроятно бы *нѣкоторые* усумнились и запретили бы какъ языческое богохуленіе.

Рет. 277 d - 1861. 9. 10.

ОСНОВА

1861

СЕНТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Ковзарь, XXXIV. Частіна поэмн: «Черніца Марьяна», Т. Г. Мисвченка.
- II. Дневникъ Т. Г. Мисвченка.
- III. Народна Слава, Солонця, За Дунаю, Чтѣ есть мнѣ и тебѣ, жено? Н. А. Кулиша.
- IV. Русалка, Ломуса.
- V. Матусяне Благословенія, Олексн Стороженка.
- VI. Украинскія незабудки, Н. А. Кулиша.
- VII. Съ того свѣту, Кумейки, Н. А. Кулиша.
- VIII. Обзоръ украинской словесности. V. Гоголь, Н. А. Кулиша.
- IX. Зъ народнихъ устѣ: I) Се така баба, що чортъ їй на маховихъ виллахъ чоботи оддавѣвъ, Олексн Стороженка. II) Жидівська дяка, Митра Омельковича.
- X. Исторія України, Н. А. Кулиша.
- XI. Памятное дѣло.
- XII. Передовые Жиды, Н. А. Кулиша.
- XIII. О повѣсти Кузьменка, Н. А. Кулиша.
- XIV. Грамота на Рошницѣ, М. А. Стяховича.
- XV. Правительственныя постановленія и распоряженія, касающіяся Южнорусскаго края.
- XVI. Вісті.
- XVII. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украинны», Л. М. М.
- XVIII. Отъ редакціи.
- XIX. Объясненіе неудовопонятныхъ украинскихъ словъ.

659

78186/50120

9

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Русскѣй Земли.»
Владимиръ Мономахъ.

1861

СЕНТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ТИШЕНА И КОМП.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Пятый отрывок.

16 июля.

Послѣ заката солнца заштигло, и въ первомъ часу ночи вѣтеръ поднялся отъ зюйдъ—оста, вѣтеръ тихій и ровный, такой самый, какой нуженъ для нашей почтовой лодки. Дождавшись разсвѣта, я вскарабкался на самую высокую прибрежную скалу и просидѣлъ тамъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ захотѣлось ѣсть, т. е. до полудня. Не увидѣвши на горизонтѣ ни завѣтнаго, никакого паруса, я въ уныніи пришелъ на огородъ, и, въ ожиданіи обѣда, принялся за свою вечную подорожную. Копченный продуктъ мой съ каждымъ днемъ умалается. Еще нѣсколько дней ожиданія—и отъ него останутся ни—къ—чему годныя руины. Хорошо, если я поѣду черезъ Астрахань. Тамъ есть лавки сарептскихъ колонистовъ, а между ними, вѣроятно, есть и колбасныя. Безъ колбасы нѣмецъ и дня не проживетъ, слѣдовательно, копченный продуктъ можно пополнить. А если придется прогуляться черезъ Гурьевъ и Уральскъ, по злачнымъ и серебрянымъ берегамъ благочестиваго Ураа? тогда что? Аппетитъ въ торбѣ, а зубы на полку, или, во избѣжаніе голодной смерти, прикинуться ворожейкой, а лучше всего—мученикомъ за вѣру, растрогою—попомъ. Тогда, какъ по щучью велѣнью, все явится передъ тобой, начиная съ каймыка и джурмицы и оканчивая *свальнымъ грѣхомъ*. Отвратительно! хуже всякихъ язычниковъ...

Въ 1848 году, послѣ трехмѣсячнаго плаванія по Аральскому морю, мы возвратились въ устье Сыръ—Дарьи, гдѣ должны были провести зиму. У форта, на островъ Косъ—Аралъ, гдѣ занимали гарнизонъ уральскіе козаки, вышли мы на берегъ. Уральцы, увидѣвъ меня съ широкою, какъ лопата, бородою, тотчасъ смекнули дѣломъ, что я—

непремѣнно мученикъ за вѣру. Донесли тотчасъ же своему командиру, а тотъ, не будучи дуракъ, зазвалъ меня въ камышъ да бацъ передо мною на-колѣни. «Благословите», говорить, «батюшка! Мы», говорить, «уже все знаемъ». Я тоже, не будучи дуракъ, смекнулъ въ чемъ дѣло, да и хватилъ самымъ раскольничьимъ благословеніемъ. Восхищенный всаулъ облобызалъ мою руку, и вечеромъ задать намъ такую пирушку, какая намъ и во снѣ не грезилась.

Вскорѣ послѣ этого казуса, уже обривши бороду, отправился я въ Раймъ—главное тогда укрѣпленіе на берегу Сыръ—Дарьи. Въ Раймѣ встрѣтили меня Уральцы съ затаѣннымъ восторгомъ, а отрядный начальникъ, тоже не будучи дуракъ, испросивъ мое благословеніе, предложилъ мнѣ 25 рублей, отъ которыхъ я неблагоразумно отказался, и этимъ, по ихъ понятіямъ, безпримѣрнымъ безкорыстіемъ, подвинулъ благочестивую душу старика отговѣться въ табуиѣ, въ кибиткѣ, по секрету, и, если возможность позволить, причаститься отъ такого безпримѣрнаго пастыря, какъ я.

Чтобы не нажить себѣ хлопотъ съ этими сѣдыми безпримѣрными дураками, я поскорѣ оставилъ укрѣпленіе, и уже аккуратно, каждую недѣлю два раза, брѣю себѣ бороду. Случись это глупое, смѣшное происшествіе гдѣ—нибудь на берегахъ Урала, гдѣ были бы женщины, я не раздѣлялся бы такъ легко съ этими пзувѣрами. Весь фанатизмъ, вся эта мерзость, гнѣздится въ ихъ распутныхъ дочеряхъ и женахъ. Въ Уральскѣ постоянно набить острогъ бѣглыми солдатами—ихъ минимыми пресвитерами, и, несмотря на явныя улики, они благоговѣютъ передъ этими разбойниками и бродягами. И это не простые, а почетные чпповные козаки... Непонятная закоспѣлость!

Послѣ полудня отошелъ вѣтеръ къ зюйдъ—весту, прямо въ лобъ почтовой лодкѣ.

17 іюля.

Вѣтеръ все тотъ же, какъ заколдованный. Передъ вечеромъ, по направленію Астрахани, на горизонтѣ показался пароходъ. Въ укрѣпленіи засуетились, увидя это неожиданное явленіе, а въ особенности капитанъ К—въ, съ своимъ почетнымъ карауломъ и съ ординарцами. Но кого несетъ пароходъ? никому положительно неизвѣстно. Но всѣ, даже самыя умѣренные фантазеры, догадывались, что если не В. К. К. Н., то непремѣнно адмирала, губернатора астраханскаго. Последней догадки, или предположенія, капитанъ К—въ сначала и слушать не хотѣлъ.

Но, внимая доводамъ ученаго друга своего, лекаря Н-го, о невозможности такого чисто-историческаго событія въ такомъ темномъ уголкѣ имперіи, какъ наше укрѣпленіе,—и ученый мужъ подкрѣпилъ свое мнѣніе историческими фактами, сказавши, что послѣ Петра Великаго, изъ членовъ царской фамиліи, никто не посѣтилъ не только полуострова Мангишлака, даже знатнаго портоваго города Астрахани. Противъ этого аргумента сказать было нечего. Но смѣтливый капитанъ К-въ нашолся, сказавши: «ну, чтожъ? если и не В. К., такъ по-крайней мѣрѣ губернаторъ: все же особа въ генеральскомъ чинѣ, и почетный караулъ необходимъ». На такое простое, по видимому, слово, даже ученый мужъ полѣзъ въ карманъ за возраженіемъ. Но, увы! пока ученый эскулапъ рылся въ своемъ умственномъ карманѣ, таинственная задача разрѣшилась. Прискакалъ козакъ съ пристани, и донесъ коменданту, что на паракодѣ, кромѣ его командира, лейтенанта П-на, никого не имѣется. Гора мышь родила...

Комендантъ послалъ тарантасъ за командиромъ парохода, и велѣлъ его просить къ себѣ на огородъ. А я, чтобы мой походъ въ укрѣпленіе не втунѣ совершился, зашелъ въ казармы и побрился; потомъ зашелъ къ М-скому, посмѣявшись надъ совершившимся. Мы, по-поводу подобнаго же происшествія, случившагося въ 1847 году въ Орской крѣпости, перенесли нашъ разговоръ въ Орскую крѣпость,—какъ ему, такъ и мнѣ хорошо пѣматную. И. М-скій, своимъ живописнымъ слогомъ, такъ живо описывалъ эту не живописную пустынную крѣпость, что я заслушался его,—и первые темные дни моей неволи просвѣтлѣли и улыбнулись въ моемъ воспоминаніи. Неужели и для настоящаго моего положенія придетъ когда-то свѣтлое улыбающееся воспоминаніе? Фактъ передъ глазами, а все-таки не вѣрится.

Въ девятомъ часу вечера я возвратился на огородъ, и засталъ еще моряковъ, громко-любезничавшихъ съ комендантшею. Но мнѣ такъ опротивѣло пустое хвастовство, что я издали, слышавъ громкіе голоса, сдѣлалъ полъ-оборота направо, и до пробитія зари обошелъ во-кругъ укрѣпленія. Песвоевременная прогулка утомила меня и, прежде времени, къ великому моему удовольствію, уложила спать, за что я въ душѣ поблагодарилъ любезныхъ астраханскихъ мореходовъ.

Сонъ мой не былъ, однакожъ, такъ спокойный, какъ я ожидалъ: въ продолженіи ночи, я нѣсколько разъ просыпался и наблюдалъ вѣтеръ. Передъ разсвѣтомъ вѣтеръ затихъ, и я, въ надеждѣ на его непостоянство, успокоился и заснулъ. Во снѣ видѣлъ я Кулиша, Костомарова

и Семена Артемовскаго, будто бы я встрѣтилъ ихъ въ Лубнахъ, во время успенской ярмарки,—Кулиша и Костомарова въ обыкновенныхъ, а Артемовскаго—въ какомъ-то театральномъ костюмѣ; въ этомъ фантастическомъ нарядѣ онъ представлялся на улицѣ Петру В., а я тутъ же, для Кулиша, рисовалъ молодого слѣпного лирика въ тирольскомъ костюмѣ. Продолженію этой безалаберщины помѣшалъ мой услужливый дядька: онъ принесъ мнѣ на огородъ новый китель и разбудилъ меня, за что наградилъ я его большимъ огурцомъ и рѣдкой.

Вѣтеръ не измѣнилъ моей надеждъ: къ утру отошелъ къ зюйд-осту. Пароходъ поутру вышелъ изъ гавани и направился къ Кизляру. Я проводилъ его глазами на горизонтъ, принялся за свой чайникъ и потомъ за журналъ.

18 іюля.

Кончивши сказаніе о вчерашнемъ событіи, я началъ мечтать о рюмкѣ водки и умѣренномъ кускѣ ветчины, — какъ присылають за мной Б—ва просить на чашку кофе: нашъ Филать чему и радъ. Пошелъ я. Прихожу. Командирша тутъ же, послѣ поздраванья, начала рѣчь о вчерашнихъ гостяхъ. Я спросилъ о цѣли ихъ кратковременнаго пребыванія на нашихъ берегахъ, и на прямой мой вопросъ получилъ отвѣтъ довольно косвенный, и перепутанный, какъ водится, отступленіями, ни къ чему не ведущими. Однимъ—словомъ, я выслушалъ изъ милыхъ устъ такую чепуху, какой мному не удастся выслушать и въ модномъ салонѣ. Гостей оказалось не два, какъ я полагалъ, а пятеро, кромѣ флотскихъ—командира парохода и его штурмана, весьма образованнаго (по словамъ рассказчицы) молодаго человѣка, еще трое штатскихъ, два ученые, а третій — докторъ; и что пароходъ ходитъ около нашихъ береговъ, для какихъ-то наблюденій, и что штатскіе ученые должны быть не ученые, а просто—политическіе педанты, потому что говорили о ваіяни на здѣшнюю туркменскую орду; одинъ изъ нихъ, что помоложе, блондинъ съ длинными волосами à la—мужикъ, можетъ-быть и дѣйствительно только ученый, потому—что, вмѣстѣ съ Данилевскимъ и другими, участвовалъ въ экспедиціи Бера, и что точно такъ же какъ и Беръ, собираетъ степной полынь и другія травы, и что онъ спрашивалъ обо мнѣ, но такъ двусмысленно, что милыя собесѣдницы даже косвенно не умѣли удовлетворить его любопытства, и, какъ я догадываюсь, ловко отстранивши этотъ, по ихъ понятіямъ, щекотливый

вопросъ, онѣ, какъ водится, перенесли свою бесѣду въ Астрахань, прямо въ персидскія лавки съ канаусомъ и другими недорогими матеріями.

Если это былъ сколько-нибудь порядочный человѣкъ, то какое понятіе получилъ онѣ о нашемъ бонтошѣ, о сливкахъ здѣшняго дамскаго общества?— —

Собравши такія положительныя свѣдѣнія о вчерашнихъ таинственныхъ посѣтителяхъ, я, разумѣется, пересталъ объ нихъ думать и до самого обѣда лежалъ подъ вербою и читалъ Либельта. О вѣтрѣ я также старался не думать. Онѣ изъ меня душу вытянетъ—этотъ проклятый зюйдъ-вестъ. На однѣ сутки, на полсутки отойди онѣ къ осту—и я свободенъ. Невыносимая пытка!

За обѣдомъ опять завязался разговоръ о таинственныхъ путешественникахъ, и, благодаря коменданту, онѣ въ-половину пояснилъ это загадочное событіе. Въ числѣ вчерашнихъ гостей не было главнаго двигателя всей этой суматохи, именно—астронома, который остался на пароходѣ, и дѣлалъ вычисленія. Звѣздочетъ сей присланъ гидрографическимъ департаментомъ, повѣрить астрономическіе пункты на берегахъ Каспійскаго моря, опредѣленные въ прошломъ году какимъ-то другимъ звѣздочетомъ. Вотъ настоящая цѣль неожиданнаго прибытія парохода къ нашему берегу. А два ученые мужа, которые сдѣлали честь огороду и его милымъ обывательницамъ своимъ посѣщеніемъ, не кто иной, какъ одинъ — чиновникъ, мнимый политическій агентъ, отправляющійся на службу въ гебрійскій городъ Баку; а другой—учитель словесности при Астраханской гимназій, пользующійся свободнымъ каникулярнымъ временемъ, и чуть ли еще не землякъ, потому—что передалъ мнѣ поклонъ черезъ здѣшняго плацъ-адъютанта, за что я ему сердечно благодаренъ.

Таинственное происшествіе, къ немалому удивленію нашихъ романтическихъ дамъ, объяснилось очень просто и даже прозаически. По новостю, которую сообщилъ плывущій въ Баку чиновникъ, мнѣ кажется, просто, сочиненіемъ будущаго великаго администратора. Онѣ сообщилъ, и даже съ подробностями, что образовалась коммерческая компанія пароходства на Каспійскомъ морѣ, на началъ Тріестскаго Ллойда, и что уже вызываетъ морскихъ офицеровъ служить на ея пароходахъ съ правомъ чинопроизводства, и что уже назначены три директора, и что онѣ—сей будущій великій администраторъ—ѣдетъ въ Баку занять мѣсто помощника при директорѣ, вѣкомъ баронѣ

Вр. съ содержаніемъ 1500 р. сер. въ годъ: Что будетъ дѣлать этотъ Ллойдъ въ Каспійскомъ озерѣ и какое довѣрить порученіе этому помощнику директора, выпущенному въ настоящемъ году, по его словамъ, изъ С.-Петербургскаго университета?

Съ закатомъ солнца вѣтеръ отошелъ къ зюйдъ-осту, но слабый, безнадежный. Кончится ли наконецъ это грустное существованіе, это однообразное записываніе однообразнѣйшихъ безконечныхъ дней?

19 іюля.

Съ закатомъ солнца вѣтеръ засвѣжѣлъ и отошелъ къ норду. Обрадовавшись такому неожиданному явленію, я принялся ходить вокругъ укрѣпленія и до пробитія зари обошелъ четыре раза, — значитъ я сдѣлалъ безъ присѣсту 12 верстъ. Прогулка порядочная, но я не почувствовалъ и тѣни усталости. Ночь лунная, прекрасная, и я не перенесъ своего лагеря въ бесѣдку, оставивъ его подъ вербою, чтобы удобнѣе было наблюдать вѣтеръ по флюгеру, вертящемуся на голубитѣ. Часы въ укрѣпленіи пробили 12, вѣтеръ перемѣнился и не слабѣлъ. Добрый знакъ. Въ надеждѣ на добрый знакъ, я задремалъ, и на крыльяхъ волшебника Морфея перелетѣлъ въ Орскую крѣпость и въ какой-то татарскій лачугъ нашелъ М. Лазаревскаго, Левицкаго и еще какихъ-то земляковъ, играющихъ на скрипкахъ и поющихъ малороссійскія пѣсни. Я присоединилъ и свой теноръ къ капеллѣ, и мы пѣли стройно и согласно:

У стѣну моими зъ вітромъ говоримъ.

Не кончивши этой пѣсни, мы начали другую, а именно — *Петруся*, и я такъ громко пропѣлъ стихи:

Люблю, мамо, Петруся,
Поговору боюся, —

что капелла наша замолчала, а я, на послѣдней нотѣ, проснулся. Очнувшись отъ этого сладкаго сновидѣнія, я посмотрѣлъ на флюгеръ. Вѣтеръ, слава Богу, все тотъ же — не перемѣнился. Поворочался, прочиталъ, сколько помню, стиховъ изъ пѣсни про счастливаго, бѣлолицаго соперника Гриця, снова заснулъ, моля Орфея продолжать прерванное сновидѣніе.

Морфей исполнилъ мою молитву, только не совсѣмъ. Онъ перенесъ меня въ какой-то восточный городъ, утыканный, какъ иглами,

высокими минаретами. Въ тѣсной улицѣ этого восточнаго города, встрѣчаю я будто бы ренегата, Н. Э. П—ва въ зеленой чалмѣ и съ длинною бородою, а Б—въ и рядомъ съ нимъ — С. Г—вна П—ва — сидятъ на балконѣ, и тоже въ турецкомъ костюмѣ. Они что-то говорили о Кіевскомъ пашалыкѣ. Но мнѣ на лицо вскопчила холодная лягушка и я проснулся. Перенеся одръ свой въ бесѣдку, я снова-было скорчился подъ шинелью, но, при всемъ моемъ стараніи, заснуть не могъ. У меня все вертѣлся передъ глазами ренегатъ П—въ съ своимъ всемогущимъ покровителемъ и съ своею, красавицей-супругой. Гдѣ онъ? и что теперь съ нимъ?

Въ ожиданіи утра, я на этомъ полноѣсномъ фундаментѣ построилъ каркасъ поэмы, въ родѣ *Анжело* Пушкина, перенеся мѣсто дѣйствія на востокъ, и назвалъ ее: *Сатранъ и Дервишъ*. При лучшихъ обстоятельствахъ, я непременно исполню этотъ удачно — проектированный планъ. Жаль, что я плохо владѣю русскимъ стихомъ, — а эту оригинальную поэму нужно непременно написать порусски.

Есть еще у меня въ запасѣ одинъ планъ, основанный на происшествіи въ оренбургской странѣ. Не присоединить ли его, какъ яркій эпизодъ, къ *Сатрану* и *Дервишу*? Не знаю только, какъ мнѣ быть съ женщинами на Востокѣ. Женщины—безмолвныя рабыни, а въ моей поэмѣ онѣ должны играть первыя роли,—ихъ нужно провести — какъ онѣ въ самомъ дѣлѣ были—нѣмыми бездушными рычагами позорнаго дѣйствія.

Если бы я зналъ, что эта общипанная *Ласточка* (названіе почтовой лодки) не принесетъ мнѣ свободы, я сегодня приступилъ бы къ дѣлу, вопреки поговоркѣ—*тише ѣдешь, дальше будешь*.

Пока я записывалъ свои сновидѣнія, вѣтеръ отошелъ къ весту, и *Жаворонокъ* (другая почтовая лодка) на всѣхъ парусахъ полетѣлъ въ Гурьевъ. Несносный вѣтеръ, мучительная незвѣстность!

20 июля.

Ильинъ день. Илія — *косматъ*; такъ пишется онъ въ Библии. Онъ не оставилъ посебѣ, подобно другимъ пророкамъ, писаннаго пророчества. У Палестинскихъ Магометанъ (если вѣрять Норову) онъ пользуется такимъ же почетомъ, какъ у Евреевъ и христіанъ.

Ильинъ день. Ильинская ярмарка въ Ромни, — теперь, кажется, въ Полтавѣ. Въ 1845 году, я случайно видѣлъ это знаменитое тор-

жище. Три дня сряду глоталъ пыль, и валялся въ палаткѣ покойнаго *Павла Викторовича Свѣчки*. Самъ онъ себя называлъ только огаркомъ отъ большой свѣчки, и салнымъ огаркомъ. Это былъ сынъ того самаго полковника Свѣчки, что, шутки ради, закупилъ, во время контрактовъ въ Кіевѣ, все шампанское вино, безъ всякой коммерческой цѣли, а такъ, чтобы подурочить польскихъ пановъ, пріѣхавшихъ въ Кіевъ съ единственною цѣлью покутить, а въ своемъ мѣстечкѣ *Городищѣ* (Пирятинскаго уѣзда) онъ учредилъ заставу, чтобы не пропускать никого ни идущаго, ниже въ берлинѣ ѣдущаго, не накормивъ его до-отвалу и не напивъ до положенія ризъ. Послѣ такихъ шутокъ, натурально, что послѣ большой Свѣчки едва остался маленькій огарокъ, да и тотъ скоро погасъ. Миръ праху твоему, мой благородный друже!

Тогда же я, въ первый разъ, видѣлъ геніальнаго артиста *Соленика* въ роли Чупруна (*Москаль-чаривникъ*): онъ показался мнѣ естественнѣе и изящнѣе неподражаемаго Щепкина. И московскихъ цыганъ тогда же я въ первый и въ послѣдній разъ слышалъ и видѣлъ, какъ они отягчались передъ ремонтерами и прочею пьяною публикою; и какъ, въ заключеніе своего дико-грязнаго концерта, они хоромъ пропѣли:

Не пылить дорога,
Не дрожать листы...
Подожди немного —
Отдохнешь и ты, —

намекая этимъ своимъ пьянымъ покровителямъ, что имъ тоже не мѣшало бы отдохнуть немного и съ силами собраться для завтрашняго пьянства.

Думалъ ли великій германскій поэтъ, а за нимъ и нашъ великій Лермонтовъ, что ихъ глубоко-поэтическіе стихи будутъ отвратительно-дико пѣты пьяными цыганами передъ соборомъ пьянѣйшихъ ремонтеровъ? Имъ и во снѣ не снилась грязная пародія...

Что-же я еще видѣлъ тогда замѣчательнаго на этомъ замѣчательномъ торжищѣ? Кажется, ничего больше. Познакомился съ распутнымъ старикомъ Я — чемъ (отцомъ извѣстнаго) и съ его меньшимъ сыномъ. Еще познакомился съ однимъ изъ безчисленныхъ членовъ фамиліи — Р—з—ко, и на третій день моего пребыванія въ Ромнѣ, купилъ на жилетъ какой-то матеріи, фунтъ донскаго балыка и,

съ поименованнымъ Р—з—кою, выѣхалъ изъ этого омута на *Ромадановскій шляхъ*... Вотъ и все, что я на досугѣ припомнилъ о Роменской ярмаркѣ по поводу Ильина дня.

20 июля, — день, въ который я предполагалъ проститься съ моею тюрьмою, такъ написалъ и Лазаревскому и Кухаренку, — а вѣть, — олицетворенная судьба, распорядилась иначе. Что дѣлать! посидимъ еще за моремъ, да подождемъ погоды. Въ продолженіи Ильина дня и ночи, вѣтеръ не шелухнулся. Мертвая тишина...

21 июля.

Записавши Роменскіи воспоминанія, я, по случаю воскресенія, пошелъ въ укрѣпленіе побриться и, отъ перваго унтеръ-офицера Кулиха, услышалъ, что въ 9-мъ часу утра пришла почтовая лодка. Побрившись, скрѣпя сердце я возвращался на огородъ, и выходя изъ укрѣпленія встрѣтилъ смотрителя полугоспиталя Б—ва, и онъ первый поздравилъ меня съ свободой, 21 июля 1857 года, въ 11 часовъ утра.

Въ первомъ часу получилъ отъ Залѣскаго письмо, отъ 30 мая.

Отъ трехъ часовъ пополудни до трехъ часовъ пополуночи сидѣли подъ вербою съ Фіялковскимъ, пили чай и лимонку и на-выдержку прочитали нѣсколько мѣстъ Либельта.

22 июля.

По-случаю сего радостнаго для меня событія можно бы и оставить небольшой пробѣлъ въ сей прозаической хроникѣ. Но такъ какъ въ физической моей дѣятельности, или, лучше сказать, бездѣйствія не послѣдовало рѣшительной перемѣны и, какъ кажется, раньше 8 дня августа не должно ожидать сицевой перемѣны, то во избѣжаніе рѣшительнаго бездѣйствія, а паче—соблазнительной лимонки, и буду, не нарушая заведеннаго порядка, по утрамъ нагрѣвать свой чайникъ и число за числомъ, стройно какъ солдатская шеренга, вести свой журналъ. Отъ бездѣлья и это рукодѣлье.

Сегодня комендантъ сказалъ мнѣ, что онъ не можетъ дать мнѣ пропускъ отъ Новопетровскаго укрѣпленія, черезъ Астрахань, до Петербурга, потому—что онъ не имѣетъ приказа по корпусу о моемъ увольненіи, и если таковой приказъ не получится на слѣдующей почтѣ, то предполагаемое мною живописное, спокойное и дешевое путешествіе

Волгою не состоялось. Но это поправная бѣда. Въ Оренбургѣ, съ помощію друзей моихъ Б-но и Г-на; я возставлю свои оскудѣвшіе финансы. Жаль только, что не нужное удаленіе отъ прямого пути заставляеть меня отказаться отъ желанія видѣть въ нынѣшнемъ году художественную выставку въ академіи: опоздаю; а еще больше жаль, что я долженъ отсрочить радостное свиданіе съ Лазаревскимъ и прочими моими земляками—друзьями; а еще болѣе жаль мнѣ, что совершенно лишніе 1000 верстѣ отдалять отъ меня минуту блаженнѣйшаго счастья, минуту, въ которую я сердечною слезою благодарности омочу руку моей благороднѣйшей заступницы графини Н-и И-ны и ея великодушнаго супруга. О, мои незабвенные благодѣтели! Безъ вашего человѣколюбиваго заступничества, безъ вашего теплаго родственнаго участія къ моей печальной судьбѣ, я бы задохся въ этомъ безотрадномъ заточеніи. Благодарю васъ, мои заступники, мои избавители! Вся радость, все счастье, вся моя свѣтлая будущность суть ваше неотлѣнное добро, мои единые, мои святые заступники!

Графу Федору Петровичу съ этою же почтою я напишу письмо. О, какъ бы мнѣ не хотѣлось писать этихъ бездушныхъ каракуль, которыя выражаютъ только одну чопорную вѣжливость, и ничего больше. Графинѣ П-и И-нѣ я не могу теперь писать: все, что бы я ни написалъ ей, это и тѣни не выскажетъ того восторженнаго, сладкаго чувства благодарности, которымъ переполнено мое сердце, и которое я могу излить только слезами, при личномъ моемъ свиданіи съ нею.

Лазаревскому, вмѣсто письма, пошлю эти двѣ тетради моего журнала: пускай читаетъ съ Семеномъ, во ожиданіи меня—его искреннаго, счастливаго друга.

На сегодня довольно. Пойду въ укрѣпленіе, достану свѣжихъ чернилъ отъ Кулиха, новое перо и бумаги на третью тетрадь для сего журнала. Настала новая эпоха въ моей старой жизни. Должно быть все новое...

23-го іюля.

Кулихъ, снабдивши меня бумагою, перомъ и чернилами, предложилъ мнѣ съ собою пообѣдать, быть можетъ въ послѣдній разъ. На такой трогательный доводъ сказать было нечего, и я согласился тѣмъ охотнѣе, что и Фіалковскій, веселый и умный малый, случился тутъ же, и тоже не отказывался отъ солдатской трапезы. Кулихъ, какъ каштенармусъ, къ обыкновеннымъ щамъ и кашѣ прибавилъ ку-

сокъ жареной баранины; я досталъ изъ кармана большой огурецъ (безъ этого лакомства я не являюсь въ укрѣпленіи), а Фіалковскій тоже досталъ изъ кармана, и поставилъ на столъ, бутылку съ водкой. Не пышно, но съ апетитомъ, и такъ искренно-весело мы пообедали, какъ дай Богъ всѣмъ добрымъ людямъ такъ каждый день обѣдать. За обѣдомъ и послѣ обѣда, Фіалковскій забавно подтрунивалъ надъ К—омъ, его чиномъ и въ особенности надъ его тепленькимъ мѣстомъ. К—хъ, чтобы отдѣлаться отъ неистощимаго Фіалковского, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: какъ мнѣ правится книга, которую онъ принесъ для меня изъ Уральска? Я, разумеется, сказалъ, что очень правится. На что Фіалковскій страшно захохоталъ, и громогласно назвалъ — Либельта просто дурнемъ, за то, что онъ написалъ такую книгу, П—цкаго за то, что онъ купилъ эту книгу, а К—а *доплетовымъ* дурнемъ за то, что онъ 500 верстъ несъ на плечахъ своихъ эту пустую, увѣсистую книгу. К—хъ не на-шутку обидѣлся такой нецеремонной критикой, и требовалъ ясныхъ доказательствъ на такую грубую клевету. Чтобы утишить возникшую ссору, я пригласилъ пріятелей къ себѣ на огородъ, пить чай. Предложеніе было принято, и мы отправились подъ мою вербу. Либельтъ лежалъ у меня подъ подушкой, и я, во ожиданіи чайника, предложилъ Фіалковскому прочитатъ вслухъ страничку изъ сего великаго творенія. Онъ охотно это исполнилъ. Кулихъ не повѣрилъ слышанному. Онъ думалъ, что Фіалковскій импровизируетъ и продолжаетъ трунить надъ его тяжелою ношею, вырвалъ у него изъ рукъ книгу и прочиталъ самъ весь параграфъ *о фантазій*. Что? спросилъ Фіалковскій наивно изумленнаго Кулиха. П—кій, отвѣчалъ онъ, цивилизованный дурень: вотъ и все! Пасмышки Фіалковскій возобновилъ съ прежней силою, пока не остановилъ его своимъ приходомъ общій нашъ пріятель К—ин. Этотъ безсовѣстный пьяница, ради ркмы лимонвки, не постыдился подѣлаться къ намъ и поздравлять меня съ полученіемъ свободы. Мы встали и разошлись въ разныя стороны, предоставивъ въ полное распоряженіе незапамята гостя чайникъ и бутылку съ лимонвкой. Въжлпвость за въжлпвость.

Ночь была лунная, тихая, очаровательная ночь. Я долго гулялъ по огороду, а пѣжныя наши дамы, изъ опасенія простудиться, сидѣли за салынымъ огаркомъ въ воющей киргизской кибиткѣ. Имъ бы предложить эстетику Либельта: что бы онъ изъ нея сдѣлалъ? Наверное — пашилотки. И это естественно. Для человѣка-матеріалиста, которому

Богъ отказалъ въ святомъ, радостномъ чувствѣ пониманія его благодати—его нетлѣнной красоты, для такого получеловѣка, всякая *теорія прекраснаго* ничего больше какъ пустая болтовня; для человѣка же, одареннаго этимъ божественнымъ разумомъ—чувствомъ, подобная теорія также пустая болтовня и еще хуже—шарлатанство. Если бы эти безжизненные ученые эстетники, эти хирурги прекраснаго, вмѣсто теоріи, писали исторію изящныхъ искусствъ, тутъ была бы очевидная польза. Вазари переживетъ цѣлые легіоны Либельтовъ.

24 іюля.

Передъ разсвѣтомъ прошелъ сильный дождь съ грозою; около огорода въ запруженную балку налилось съ каменныхъ овраговъ столько воды, что можно плавать порядочной лодкѣ, что мы и пробовали съ Н—емъ А—чемъ послѣ обѣда. Жаль, что, въ этой лоцинѣ, песчаный грунтъ и вода на поверхности его не можетъ удержаться долго; а какое бы было украшеніе и польза этому безводному мѣсту!

Вечеромъ капитанъ К—въ объявилъ мнѣ, съ претензіей на благодарность, что онъ, по приказанію коменданта, отдалъ приказъ по полубаталіону о моемъ увольненіи, за что я нижайше благодарилъ господина коменданта.

Рет. 277d - 1861, 11. 12.

ОСНОВА

1861

НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Ковзарь XXXVIII—XLII, Т. Г. Шевченка.
- II. Дневникъ Т. Г. Шевченка.
- III. Чорноморський Північъ (опера), Я. Г. Жуваренка.
- IV. Стихи: Настуся (поэма), Давне Горь, Святица, Lago-maggiore, До Данта, До Маруся Т., Родина Едина, Н. А. Кулиша; Чабань, Тиреш; Чумацькі діти — Ломуса; Безталанна, Дівочка Правда, Дума — Немідомого; Гульвіса, Мв. Горам; Загублені душі, В. С. Булика; Скажіть мені, добрі люди, Л. М. Глѣбова.
- V. Гордовита пара, Н. Забонца.
- VI. Межитгорський Діалъ, А. Н. Стороженка.
- VII. Мои воспоминания, III, Ка-па.
- VIII. Талантъ (физиологическій очеркъ), Л. М.
- IX. Путевыя письма, Павла Якушинна.
X. Листи съ хутора (листъ V), Мозака Бѣлєбля.
- XI. Людська пам'ять про старовину: Спафаріва Рудка, Ф. Л. Коноського; Про Конопіть, Степана Неса; Вовкулаки (Невро-Литвинь), Н. Ревякина.
- XII. Степныя письма, М. М. Левченка.
- XIII. Вигрощина, Н. А. Кулиша.
- XIV. Оповідання въ народнихъ устѣ: Скарбъ, и Жовітій Чортъ, А. Л. Н. Стороженка; Семень Палий, Н. Ревякина.
- XV. Старинный южно-русскій переводъ «Пѣсни Пѣсней» (съ послѣсловіями о любви), списанный Н. Н. Востомаровымъ.
- XVI. Обзоръ украинской словесности, VI, Н. А. Кулиша.
- XVII. Географическое обозрѣніе южнорусскаго края, Н. М.
- XVIII. Великанъ у Подолянъ, А. Н. Свидницкого.
- XIX. По вопросу о южнорусскомъ языкѣ, Н. Лавровскаго.
- XX. Вісті. Дворяне праваго берега Днѣпра, Ф. Рыльскаго. Другій листъ въ Дударієвъ, Бориса Незнанскаго.
- XXI. Дѣ-що въ Полтави, В. С. Булика.
- XXII. Зъ подорожника, Кузьмъ Шановала.
- XXIII. Правительственныя постановленія и распоряженія, касающіяся Южнорусскаго края.
- XXIV. Бѣлиграфическій указатель, В. М. Межова.
- XXV. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины», Л. М. Ж.
- XXVI. Объясненіе неудовоповѣтныхъ украинскіхъ словъ.
- XXVII. Бѣлиграфическія извѣстія.

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

• Добра хочю Фаты и Русьскій Земли. •

Владиміръ Мономахъ.

1861

НОЯБРЬ.— ДЕКАБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Шестой отрывокъ.

25 іюля 1857.

Весь день провелъ у М—скаго на ближней пристани. Онъ арестованъ на недѣлю, по распоряженію окружного начальника — — Фр. вслѣдствіе кляузъ своего цейхвахтера — отвратительнѣйшаго надворнаго совѣтника М. Арестъ М—скаго ничего больше, какъ маска, а надворному совѣтнику велѣно подать въ отставку и передать свою должность нижнему чину какому-то фейерверкеру, М—лу П—ву. Это, въ своемъ родѣ, маска.

Передъ вечеромъ пріѣхалъ на пристань комендантъ и взялъ меня съ собою на огородъ, а ввечеру еще разъ прокатились мы въ лодкѣ по дождевому *ставу*.

26 іюля.

Сегодня во весь день и до половины ночи работалъ я надъ письмомъ графу Федору Петровичу, и ничего не могъ сдѣлать съ этимъ неудающимся письмомъ. Мнѣ хочется высказаться какъ-можно проще и благороднѣе, а оно выходитъ или высокопарно до смѣшнаго, или чувствительно до нелѣпаго, или, наконецъ, льстиво до подлаго, но никакъ не выходитъ то, чего бы мнѣ хотѣлось. Это, вѣроятно, оттого оно у меня не клеится, что я еще не пришолъ въ себя отъ радости. Нужно подождать; еще время терпѣть: раньше 8 августа почта не отправится изъ укрѣпленія. Время еще терпѣть. Записать развѣ черновое на память, и изподоволь, на досугѣ, поправить, во избѣжаніе поговорки: *поспѣшитъ—людей насмѣшитъ*, какъ я это сдѣлалъ моимъ отвѣтомъ на письмо графини Н—иш Пв—вны, отъ 12 октября минувшаго

года, которымъ она первая извѣстила меня о предстоящей свободѣ и на которое я хватилъ ей такую восторженную чепуху (въ торопяхъ, разумѣется), что она сочла меня или съ ума сплывшимъ, или—просто—пьянымъ. А чтобы этого и теперь не случилось, то напишу сначала черновое письмо; а попростывши немного, напишу и бѣловое.

»Ваше сіятельство,

Графъ Ѳеодоръ Петровичъ.

»Вашему великодушному заступничеству и святому челоуѣколюбивому участію графини Н—сіей Ив—вны, обязанъ я моею новою жизнью, моимъ радостнымъ обновленіемъ. Я теперь такъ счастливъ, такъ невыразимо-счастливъ, что не нахожу словъ достойно выразить вамъ мою сердечную, мою безконечную благодарность. Безъ челоуѣколюбиваго христіанскаго участія въ моей безотраднѣйшей судьбѣ, меня задушили бы въ этой широкой тюрьмѣ, въ этой безконечной, безлюдной пустынѣ; а теперь я свободенъ. Теперь, независимо ни отъ чьей воли, я строю свое радужное будущее, свое безмятежное грядущее. Какая радость, какое полное счастье, наполняетъ мою душу при мысли, что я снова увижу академію, увижу васъ, моего единаго спасителя, и слезами радости и благодарности омочу ваши чудотворяція руки! Молю милосердаго Господа сократить путь и время къ этому безпредѣльному счастью. А теперь, Боже всемогущій, услыши мою чистую, искреннюю молитву, и надолго-долго продли ваши драгоценные дни, для славы божественнаго искусства и для счастья людей, близкихъ вашему любящему сердцу.

»21 іюля, получено здѣсь офціальное извѣстіе о моемъ освобожденіи. Въ тотъ же день я просилъ коменданта дать мнѣ пропускъ черезъ Астрахань до Петербурга; но онъ, безъ воли высшаго начальства, не можетъ этого сдѣлать; и я, для полученія драгоценнаго этого паспорта, долженъ побывать еще разъ въ Оренбургѣ и сдѣлать, по этому случаю, 1000 верстъ лишнихъ почти по пустынѣ. Но Господь милосердый, помогавшій мнѣ исходить во всѣхъ направленіяхъ эту безлюдную пустыню, не оставитъ меня и на этомъ, теперь короткомъ, пути. Грустно только, что этотъ ненужный путь отдалить, по-крайней-мѣрѣ — на мѣсяцъ, радостную минуту свиданія съ вами и съ графиней Н—сіей Ив—ной, главной виновницею моего счастья!

»Всемогущій и премилосердый Господь не оставилъ меня здоровьемъ въ этомъ долготѣиствѣ и суровомъ испытаніи,—и любовь,—которую я, съ ранняго дѣтства, безсознательно шталъ къ прекраснымъ искусствамъ, — теперь посыластъ онъ мнѣ любовь сознательную и свѣтлую, и крѣпкую, какъ алмазь. Живописцемъ-творцомъ я не могу быть; объ этомъ счастіи неразумно было бы помышлять; но я, по пріѣздѣ въ академію, съ Божіею помощію и съ помощію добрыхъ и просвѣщенныхъ людей, буду гравѣромъ à l'aqua tinta, и, уповаю на милость и помощь Божію и на ваши совѣты и покровительство, надѣюсь сдѣлать что-нибудь достойное возлюбленнаго искусства, распространять, посредствомъ гравюры, славу славныхъ художниковъ, распространять въ обществѣ вкусъ и любовь къ доброму и прекрасному. Это чистѣйшая, угоднѣйшая молитва челоѣколюбцу-Богу и по-сылно-безкорыстная услуга челоѣку. Это мое единственное непреложное стремленіе. На бѣльшее я не могу надѣяться, и только буду просить—не оставитъ меня вашимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ, въ этой моей лучезарной надеждѣ.

»Цѣлую руки моей святой заступницы гр. Н. И., цѣлую васъ, ваше семейство, цѣлую все близкое вашему доброму сердцу, и остаюсь по гробъ благодарный *художникъ Шевченко*.

»Я не могъ себѣ отказать въ радости подписать подѣ этимъ черновымъ письмомъ — *художникъ Т. Шевченко*, и сегодня въ первый разъ написалъ я это—душу радующее—званіе.»

27 іюля.

Сегодня за обѣдомъ Иракліи Александровичъ сообщилъ мнѣ важную художественную новость, вычитанную имъ въ *Русскомъ Инвалидѣ*. Новость эта для меня интересна своею но-новостью. *Инвалидъ* извѣщаетъ, что наконецъ колоссальное чудо живописи — картина Иванова — *Іоаннъ Креститель*, окончена! и была представлена Римской публикѣ, во время пребыванія въ Римѣ вдовствующей императрицы Александры Осодоровны, и по словамъ самого художника (въ газетѣ сказано — *скромнаго*) произвела фуроръ, какого онъ не ожидалъ. *Дай, Боже, нашом у телаті вовка ззісти*. По мнѣ что-то страшно за автора *Маріи Магдалины*. Двадцатилѣтній трудъ сохранилъ ли сочность и свѣ-

жестъ жизни? не увиѣлъ ли онъ, какъ южный роскошный цвѣтокъ, отъ долгаго и ненужнаго поливанья? не заплѣсневѣлъ ли онъ, какъ хмельное пиво, отъ долгаго броженія? Боже сохрани всякаго артиста отъ такого печальнаго и запоздалаго урока.

Еще будучи въ академіи, я много слышалъ объ этомъ колоссальномъ, тогда уже почти оконченомъ, трудѣ. Художники нерѣшительно говорили объ немъ; аматѣры рѣшительно восхищались,—въ томъ числѣ и покойный Гоголь. Карлъ Павловичъ Брюловъ никогда ни слова не говорилъ о картинѣ Иванова; самого же Иванова въ шутку называлъ *ильцею*,—по словамъ великаго Брюлова, вѣрный признакъ бездарности,—съ чѣмъ я не могу согласиться въ отношеніи Иванова, глядя на его Марію Магдалину.

Восторженное письмо Гоголя ничего не сказала художнику, ни даже опытному знатоку, объ этомъ произведеніи. Теоретики всѣ однимъ муромъ мазаны. Графъ де-Кенси написалъ отличнѣйшій трактатъ о Юпитерѣ Олимпійскомъ—статуѣ Фидія, издалъ его in folio, великолѣпно для своего времени (въ началѣ текущаго столѣтія), и если бы не приложилъ къ своему роскошному изданію рисунковъ, художники бы подумали, что душа самого великаго Фидія говорить устами вдохновеннаго графа. Но неуклюжіе изобличители — рисунки испортили все дѣло... Какъ послѣ этого вѣрить этимъ восторженнымъ теоретикамъ? Говорить какъ будто и дѣло, а дѣлаетъ чортъ-знаетъ-что. Почтенному графу, вѣроятно, нравилась эти рисунки—уроды, если онъ приложилъ ихъ къ своему ученому трактату.

Какъ бы я былъ радъ, еслибы картина Иванова опровергла мое предубѣжденіе: къ коллекціи моихъ будущихъ эстамповъ aqua tinta прибавился бы еще одинъ великолѣпный эстампъ.

О картинѣ Моллера — *Иванъ Богословъ проповѣдуетъ на островѣ Патмосѣ* во время праздника бакхавалій, о которой я случайно прочталъ въ *Инавалидѣ*, что она показывается въ Петербургѣ публично, въ пользу равныхъ въ Севастополѣ,—не знаю — почему, я имѣю выгоднѣе понятіе о картинѣ Моллера, чѣмъ о многолѣтнемъ произведеніи Иванова.

28 іюля.

Еще вчера, т. е. въ субботу вечеромъ, уговорились мы съ Ф—скимъ провести сегодняшній воскресный день гдѣ-нибудь подалеже отъ противнаго укрѣпленія, и для сей уединенной радости назначили мѣсто въ балкѣ, въ глубокомъ дикомъ оврагѣ, верстахъ въ пяти отъ укрѣпленія, гдѣ можно найти и защиту отъ солнца подъ скалами, и родниковую свѣжую воду. Уговорились мы идти туда рано и провести весь день въ ущельяхъ этого мрачнаго оврага. На-щотъ провіанта положено было, чтобы онъ взялъ кусокъ сырой баранины фунтовъ 5-ть для *кебаба*, хлѣба соразмѣрную долю и бутылку водки; а я—чайникъ чаю, сахару, стаканъ и 5 огурцовъ. Все улажено какъ нельзя лучше,—и дешево, и забористо,—и я уже, по своему обыкновенію, сибаритствовалъ умственно въ объятіяхъ мрачнаго оврага. Прошла ночь; настало утро и солнышко взошло, а Ф—скій не является на огородъ, какъ мы условились. Я ждать-подождать, а его все нѣтъ-какъ-нѣтъ. Я нагрѣлъ чайникъ и принялся за чай, не переставая смотрѣть на укрѣпленіе. Накопецъ ругнулъ я пзмѣнника хорошенько и принялся строчить новую тетрадь, а Андрій Оберѣменко (огородникъ отъ подвижной команды и близкій мой землякъ), котораго я пригласилъ съ собою въ балку въ видѣ товарища и мѣхоноши, выпивши, вмѣсто стакана чаю, рюмку водки, принялся ругать нечестиваго Ляха.

Поусумившись достаточно въ достоинствѣ многолѣтняго труда Иванова, я закрылъ тетрадь и пошелъ въ укрѣпленіе разрѣшить задачу, заданную мнѣ паномъ Ф—скимъ. Прихожу, а онъ сидитъ на крылечкѣ около казармъ и ругаетъ Дахмшчина, солдата-жида, за то, что онъ не даетъ ему болѣе 20 коп. за койку. «А что же ты», говорю я, «про балку забылъ?»—«Постой, дай кончить *гандель*», говорятъ онъ. Кончивши *гандель*, онъ признался мнѣ, что отъ заката до восхода солнца тянулъ штоса, и протянулся *до-снаги*. К—хъ даже подушку взялъ. Пособолѣзновавъ немного о его неудачѣ, я предложилъ снова путешествіе въ балку, уже въ три часа послѣ обѣда, взявши на свой коштъ и хлѣбъ и мясо и водку. Онъ охотно согласился, и мы, сказавши другъ другу—*непремѣнно*, разстались. Взялъ я у артельщика въ долгъ 5 фунтовъ баранины, столько же фунтовъ хлѣба, и возвратясь на огородъ, послалъ Обереманка въ кабакъ за водкою.

Послѣ обѣда, я, по-обыкновенію, вздремнулъ немного подъ вербою, и ровно къ тремъ часамъ собрался мы съ Оберменкомъ въ дорогу. Собравшись, усѣлись мы снова подъ вербою. Пробыло 4 часа: *нема́ нашого пана Ф — ського*. Андрій молча посмотрѣлъ на меня и принялся снова за свою *люльку-бурѹлку*. Пробыло и пять часовъ, — а пана Ф — скаго не видать. Андрій снова посмотрѣлъ на меня, и уже не вытерпѣлъ: плюнулъ. Прошло еще полчаса, и Андрій началъ *расташовувать торбу* съ провіантомъ и, винимая баранину, проговорилъ: *По-напрасну тільки добро́ зівечили... Сказано — ляж!* — прибавилъ онъ какъ бы про себя: *— невіра, — то такъ и пропаде́, такъ и здѣше невірою.* — Я не нашелъ нужнымъ убѣждать Андрія въ противномъ, велѣлъ ему отдать баранину въ комендантскую кухню и просить повара зажарить ее къ вечеру; а самъ пошелъ на ближнюю пристань — навѣстить заключеннаго друга М—ского.

Проходя мимо первой батареи или флак-штока, я увидѣлъ выпзу подъ скалою кучку солдатъ, играющихъ въ орлянку. Сначала я не обратилъ вниманія на эту, весьма-обыкновенную, картину. Но мнѣ какъ-будто шепнулъ кто-то: не здѣсь ли Ф — скій? Всмотриваюсь — и глазамъ не вѣрю: мой Ф — скій, спустивъ съ праваго плеча шинель, съ ловкостью знатока дѣла, бросилъ что-то вверхъ; кружокъ игроковъ быстро поднялъ головы и потомъ медленно опустилъ, крикнувши: *орель!* — Ф — скій нагнулся очистить конъ, а я, пожелавъ ему успѣха, пошелъ далѣе.

Погостивши у М—ского до восхода едва-ущербленной луны, я собрался въ обратный путь. Прощаясь, онъ благодарилъ меня за навѣщеніе и еще за то, что два года тому назадъ я не принялъ его благороднаго предложенія — поселиться у него на квартирѣ. Теперь только онъ понялъ, какую подлѹю клязу могъ вывести М—въ изъ нашего сожительства: у него не дрогнула бы рука воспользоваться сплюю военныхъ законовъ, гдѣ сказано, что офицеръ, позволившій себѣ фамплярное обращеніе съ нижнимъ чинномъ, предается военному суду. Теперь только онъ увидѣлъ пропасть, отъ которой я его отвелъ, зная лучше отвратительнаго надворнаго совѣтника М—ва.

Ночь лунная, тихая, волшебная ночь. Какъ прекрасно-вѣрно гармонировала эта очаровательная пустынная картина съ очаро-

вательными стихами Лермонтова, которые я невольно прочиталъ нѣсколько разъ, какъ лучшую молитву Создателю этой невыразимой гармоніи въ своемъ безконечномъ мірозданіи. Не доходя укрѣпленія, на каменномъ пригоркѣ я сѣлъ отдохнуть и, глядя на освѣщенную луной, тоже—каменную дорогу, я еще разъ прочиталъ:

Выхожу одинъ я на дорогу.
 Предо мной кремнистый путь блеститъ;
 Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу,
 И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Отдыхая на кампѣ, я смотрѣлъ на мрачную батарею, высоко рисовавшуюся на скалѣ, и многое-многое вспомнилъ изъ моей прошлой невольнической жизни. Въ-заключеніе, поблагодарилъ всемогущаго Человѣколюбца, даровавшаго мнѣ силу души и тѣла—пройти этотъ мрачный, тернистый путь, не уязвивъ себя и не униживъ въ себѣ человѣческаго достоинства.

Успокоивъ себя святою молитвою, я побрелъ тихонько на огородъ, нарушивъ глубокую тишину очаровательной ночи—пѣснию:

Нема въ світі гіршъ нікому,
 Якъ спрбмі молодбму...

Не доходя съ полверсты до огорода (это уже было въ первомъ часу ночи), меня встрѣтилъ *Андрій Обереженко* вопросомъ: »Дѣ це васъ Богъ нбснить до такої добі?«—»У гостяхъ, кажу, бувъ.«—»Та я бачу, що въ гостяхъ, бо добрі люде тілько йдучи зъ гостей, співають.«—Я, какъ-будто не слыша его словъ, запѣлъ:

Пдѣ багачъ, пдѣ дукачъ
 Пьянъ шатаѣтця,—
 Надъ бідною голотою
 Насміхаѣтця.

— Та гді вже вамъ,—перебиваетъ меня ласково Андрій: — идіть лүчче та покладітця спать...—А я продолжаю:

Одінъ веде за чуприву,
 Дрүгпй стіла бє:
 Не йди туді, вражий сипу,
 Дѣ голота пє!..

Андрій, убѣдившись, что я совершенно пьяный, взялъ меня осторожно подъ руку, привелъ къ вербѣ, разостлалъ свою шинель, нарвалъ и положилъ подъ голову бурьяну, положилъ меня, перекрестилъ и ушелъ. Мнѣ не приходилося разочаровывать ста-

рика въ его богоугодномъ подвигѣ, а тѣмъ болѣе являть передъ нимъ свои лицедѣйскія качества. Я отъ души молча благодарилъ его и, недолго поворочавшись, заснулъ.

29 юлн.

Видѣлъ во снѣ Семена Артемовскаго съ женою, выходящаго отъ обѣдни изъ церкви Покрова: на Сѣнной площади будто разведенъ паркъ, деревья еще молодыя, но огромныя; въ-особенности поразилъ меня своею величиною папоротникъ: настоящій китайскій ясень. Въ паркѣ встрѣтили Кулиша, тоже съ женою, и вмѣстѣ пошли въ гости къ Михаилу Лазаревскому.

Все, что сердцу дорого, сгруппировалось на этотъ разъ въ моемъ сновидѣніи. И еслибъ не проклятыя курчата свопмъ несноснымъ чекотаньемъ меня разбудили, я непременно бы увидѣлъ еще кого-нибудь изъ дорогихъ моихъ друзей. И мало того что бѣгаютъ около тебя, визжать, кокочуть, — цѣтъ, нужно еще тебѣ на лицо вскочить да за носъ ущипнуть. Счастливъ ты, храбрый молодецъ, что не попался мнѣ подъ руку, а то бы я оторвалъ смѣлую голову, чтобы ты зналъ, какъ клевать добраго человѣка, когда онъ спитъ и видитъ во снѣ такіе отрадныя, милая сердцу, лица.

Разбуженный такъ-не-кстати чубатенькимъ нахаломъ, я всталъ и ушелъ въ бесѣдку съ твердымъ намѣреніемъ продѣлать прекрасное видѣніе. Но при всемъ моемъ желаніи, этотъ проэктъ мнѣ не удался. Солнце, которое другой-разъ такъ вяло, медленно подымается изъ-за горизонта, тутъ, какъ на смѣхъ, быстро выскочило, какъ бы желая поощрить безчеловѣчный поступокъ чубатого нахала и поднять на ноги смиренно въ углахъ дремавшихъ мухъ. Дѣлать пѣчего, трудно противу рожна прати; дѣлать нѣчего, я всталъ, уготовалъ себѣ трапезу, т. е. чай, и пошелъ искать челоуѣколюбиваго Андрія, такъ любовно успокоившаго меня вчера подъ вербою; чтобы столь милосердый подвигъ достойно оцѣнить, я думалъ его попотчивать

Чаемъ шклянкою
И горілки чаркою.

Но, увы, это доброе намѣреніе мнѣ не удалось! Андрій (чего я никакъ не ожидалъ) спалъ сномъ праведника въ своей темной землянкѣ. Зная изъ недавняго опыта, какъ невѣжливо и не хо-

рошо нарушить чужой покой, я оставил Андрія въ покоѣ, вполне увѣренный, что старикъ позволилъ себѣ вчера лишнюю чарку, что съ нимъ если и случается, то весьма-весьма рѣдко. Артиллерійскій огородникъ, его другъ и товарищъ по землянкѣ, пріятно разсѣялъ мое, несомнѣно выгодное, предположеніе въ-отношеніи Андрія. Онъ сказалъ мнѣ, что прошлой ночью Андрій былъ очереднымъ ночнымъ сторожемъ огорода и, разумѣется, во всю ночь не спалъ, — такъ теперь и пополняетъ ущербъ.

Дѣлать нічего, шклянку и горілки чарку отложилъ я до другого разу, а теперь напишу нѣсколько строкъ въ моемъ журналѣ на память о тебѣ, мой настоящій, простой, благородный землякъ.

Вскорѣ по прибытіи моемъ въ укрѣпленіе, я замѣтилъ въ солдатской публикѣ (другой публики въ укрѣпленіяхъ не имѣется), въ этой однообразной — публикѣ, совершенно не солдатскую фигуру. Походка, физиономія, даже шапка-чабанка, все въ немъ обличало моего земляка. Спрашиваю, что это за человекъ такой? Мнѣ отвѣчаютъ, что это Андрей, госпитальный служитель и *холодъ*. Этого-то маѣ и нужно. Физиономія его показалась мнѣ болѣе суровою, нежели вообще у земляковъ моихъ, и потому-то я началъ съ нимъ сближаться издали и осторожно, удостовѣрившись отъ его ближайшаго начальства, отъ унтеръ-офицера Пгватъева и капитана Б — ова, смотрителя полугоспиталя, что Андрей Оберемченко — примѣрной честности и трезвой жизни человекъ. Я началъ искать случая поговорить съ нимъ наединѣ по своему, но онъ какъ-будто-бы замѣтилъ мои маневры и, какъ казалось, старался отклонить отъ себя эту честь. Меня это болѣе подстрекало на сближеніе.

Большую часть бессонныхъ ночей въ Новопетровскомъ укрѣпленіи провелъ я, сидя на крылечкѣ у офицерскаго флигеля. Однажды — это было зимой часу въ третьемъ ночи — свжу я, по своему обыкновенію, на крылечкѣ, смотрю — изъ-за лазаретной кухни выходятъ Андрій. Онъ тогда занималъ должность хлѣбопека и квасника. Завидное мѣсто огородника я ему уже выхлопоталъ. — »А що, — говорю я, — Андрію, — и тоби мабутъ не спѣтця?« — »Та не спѣтця, матері ёго ковѣнка«, сказалъ онъ. Я затрепеталъ, услыша его чистый, неспорченный, родной выговоръ. Я попросилъ его посидѣть *трѣхи* со мною, на что онъ неохотно согласился. Разговоръ началъ я, — какъ это обыкновенно и водится между солда-

тами, — спросомъ, которой землякъ губерніи и т. д. На мой спросъ, Андрій отвѣчалъ, что онъ — губерніи Кіевської, повіта Звенигородського, изъ селá Різаної, *тутъ — коло Лиснихи, колі чувáлкє*, прибавилъ онъ; а я прибавилъ, что не только чувáвъ, и самъ бувáвъ, и въ Лисянці, и въ Різаній и въ Русілівці, и всюдн. — Однимъ словомъ, оказалось, что мы — самые близкіе земляки. »Я самъ бáчує, сказалъ онъ, »що ми свої, та не знаю, якъ до васъ приступіти, бо ви все то зъ офицэрами, то зъ ляхáми, то-що. Якъ тутъ, — думáю, — до ёго пидійти? Мóже вонó й самъ який-небудь ляхъ, та такъ тілько ману пускає.« — Я принялся снова увѣрять его, что я настоящій его землякъ, — искренно желалъ продолжать разговоръ, но пробыло три часа, и онъ ушелъ топить печь для хлѣбовъ и для квасу.

Такъ началось наше личное знакомство съ Андріємъ Оберѣменкомъ. И чѣмъ далѣе — болѣе узнавали мы другъ друга и болѣе привязывались другъ къ другу. Но наружныя отношенія наши остались тѣ же самые, что и въ первое наше свиданіе: онъ себѣ не позволялъ ни одного шагу наружнаго сближенія, ни тѣни искательства, какъ это дѣлали другіе. Подозрѣвая во мнѣ, не знаю почему, богача-земляка и даже родственника коменданта, Андрій, наравнѣ съ другими, вѣрилъ во все это, но при другихъ онъ даже не кланялся со мною, чтобы не подумали другіе, что онъ навязывается ко мнѣ въ друзья. Мѣстомъ нашихъ постоянныхъ свиданій было помянутое крылечко, а время — ночь, когда все, кромѣ перекликавшихся часовыхъ, спало. Невозмутимо холодная, даже суровая наружность его, обличала въ немъ человѣка жесткого, равнодушного. Но это — маска. Онъ страстно любитъ маленькихъ дѣтей, а это вѣрный знакъ сердца кроткаго, незлобиваго. Я часто, какъ живописецъ, любовался его темнобронзовой усатой фэзиономіей, когда она нѣжно льнула къ розовой щечкѣ младенца. Это была одна, единственная, радость въ его суровой, одинокой жизни. Независимо отъ его простого, благороднаго характера, я полюбилъ его за то, что онъ, впродолженіи двадцатилѣтней солдаткой — жизни, не опозилъ и не унизилъ своего національнаго и человѣческаго достоинства. Онъ остался вѣрнымъ во всѣхъ отношеніяхъ своей прекрасной національности. А такая черта благородитъ и даже неблагороднаго человѣка. Если мелькали свѣтлыя минуты въ моемъ темномъ долготѣнномъ заточеніи,

то этими сладкими минутами я обязанъ ему, моему простому, благородному другу, Андрію Обероменку.

Пошли же тебѣ Господи, мой неизмѣнный друже, скорый копеецъ испытанію. И поможи тебѣ Пресвятая Матерь всѣхъ скорбящихъ — пройти эти безводныя пустыни, напиться сладкой дѣвировой воды и вдохнуть въ измученную грудь живительный воздухъ нашей прекрасной, нашей милой родины!

Виродженію дня я не видался съ Андріемъ. Передъ вечеромъ пошелъ я нарисовать видъ первой батареи съ того самого мѣста, съ котораго я ночью любовался ею, возвращаясь отъ Мостовскаго. Когда-нибудь сдѣлаю я акварельный рисунокъ. Уже стемнѣло, когда я возвратился на огородъ. Подъ вербою сидѣлъ Андрій и встрѣтилъ меня такимъ вопросомъ: — »А шо ми будемъ робити зъ тѣмъ мясомъ?« — »Зъ якимъ?« — »А шо на лѣдѣ другій день вѣляеця.« — »Собакамъ ёго вѣкпнуть; а якъ не смордѣти, то повечѣряемъ.« — »Я вже вечѣрявъ.« — »А я не хочу вечѣрять«, сказалъ я и уже хотѣлъ идти въ бесѣдку. — »А знаєте шо?« сказалъ Андрій, останавливая меня. — »Не знаю шо.« — »Ходимо зъ отѣмъ мясомъ завтра равнѣнко въ балку та поснідаемъ до-ладу.« — »Добре, ходимо.« — »Та не берѣть съ собою оттого цѣгаца, оттого ляха. Нехай вінъ сказѣтця.« — »Добре, не візьмемо нікого.« — И мы разстались.

5 августа.

Въ 5 часовъ вечера приплылъ я на самой уютной рыбачьей ладѣ въ городъ Астрахань. Все это такъ печально и такъ быстро совершилось, что я едва вѣрю совершившемуся. Я, какъ во снѣ видѣнную, припомню теперь прогулку мою въ балку съ Андріемъ Обероменкомъ, послѣ которой на другой день, т. е. 31 іюля, П — і й А — вичъ внезапно согласился дать мнѣ пропускъ прямо въ Петербургъ. На другой же день онъ сдержалъ свое слово, а на третій, т. е. 2 августа, въ 9 часовъ вечера, оставилъ я Новопетровское укрѣпленіе и, послѣ трехдневнаго благополучнаго плаванія по морю и по одному пзъ многочисленныхъ рукавовъ Волги, прибылъ въ Астрахань.

Рес. 277 ^d / 1862, 1. 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИВАНОВЪ

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛІТЕРАТУРНО-УЧЕБНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

*«Добра хочу братья и Русьскій Земли.»
Владиміръ Мономахъ.*

1862

СІ Ч Е Н Ъ

(ЯВВАРЬ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Седмой отрывокъ.

6 августа 1857.

Астрахань — это островъ, омываемый однимъ изъ протоковъ Волги, перерѣзанный рядомъ вонючихъ болотъ, называемыхъ рѣкою Кутумомъ, и каналомъ, ни въ чемъ не уступающимъ рѣкѣ Кутуму. Полуостровъ этотъ окруженъ густымъ лѣсомъ махчи и уставленъ живописными бѣдными лачугами и сѣрыми, весьма не живописными, деревянными домками, съ мезонинами, не похожими на лачуги потому только, что изъ нихъ выглядываютъ флотскія и вообще официальные физиономіи. Всю эту огромную безобразную сѣрую кучу мусору вѣчаютъ зубчатая бѣлая стѣна кремля и стройный, великолѣпный пяти-главый соборъ Московской архитектуры 17-го столѣтія. Таковъ городъ Астрахань, но не такимъ онъ мнѣ представлялся: когда я, подходя къ Бирючей Косѣ (главная застава въ устьяхъ Волги), увидѣлъ сотни, правда безобразныхъ кораблей, нагруженныхъ большею частью хлѣбомъ, мнѣ представлялась Венеція временъ Дожей, а оказалось — гора мышъ родила. А протокъ Волги, окружающій Астрахань и сообщаящійся съ Каспійскимъ моремъ, глубиной и шириной Босфору не уступить. Но протокъ этотъ омываетъ не Золотой Рогъ, а огромную кучу вонючаго навоза. Гдѣ же причина этой нищеты (наружной) и отвратительной грязи (тоже наружной) и вѣроятно — внутренней? Гдѣ эта причина? Въ армяно-татарско-калмыцкомъ народонаселеніи, или въ другой какой политическо-экономической пружинѣ? Последнее вѣроятнѣе: потому вѣроятнѣе,

что и другіе наши губерніскіе города ничѣмъ не уступаютъ Астрахани, — исключая Ригу.

Изъ множества частныхъ пароходовъ, теперь ни одного нѣтъ въ Астрахани, по причинѣ Макарьевской ярмарки. Пароходъ «Меркурій» возвратится въ Астрахань не прежде 15-го августа, а къ 20 августа загрузится и пойдетъ въ Рыбинскъ, а меня довезетъ до Нижняго; а пока я волею-неволею дѣлаюся согладаемъ сего нарочно-грязнаго города.

7 августа.

Ай-да Астрахань! ай-да портовый городъ!.. Ни одного трактира, гдѣ бы можно хоть какъ-нибудь пообѣдать, а о квартирѣ въ гостиницѣ и говорить нечего. Зашелъ я сегодня въ одну изъ такъ-называемыхъ гостиницъ на Косѣ «Герапъ» (на Астраханскомъ Золотомъ Рогѣ) спросить чего-нибудь поѣсть, и запаканный вертлявый половой отвѣчалъ мнѣ, что все, что прикажете, все есть, кромѣ чаю. А на повѣрку оказалось, что ничего не имѣется, кромѣ чая, даже обыкновенной ухи. Это — въ Астрахани, въ городѣ, который половину огромнаго Русскаго царства кормитъ осетриной! И еслибы не пріѣхалъ сюда, по дѣламъ службы, двумя мѣсяцами прежде меня, Новопетровскаго укрѣпленія плацъ-адъютантъ Б—цовъ, то мнѣ пришлось бы ночевать, если не на улицѣ, такъ въ казымской кибиткѣ. Онъ здѣсь также чистъ, какъ и грязныя лачуги, — но гостепріимнѣе. Спасибо Б—цову; онъ пріютилъ и накормилъ меня въ этомъ негостепріимномъ улусѣ.

8 августа.

На человѣка, прозябавшаго какъ я семь лѣтъ въ нагой пустынѣ, всякій, даже богоспасаемый городъ Белебой (самый ничтожный городишка Оренбургской губерніи) долженъ бы былъ сдѣлать пріятное впечатлѣніе. Со мной случилось не такъ. Стало быть, я не совсѣмъ еще одичалъ. Это хорошо. Сегодня поутру вышелъ я въ городъ, съ намѣреніемъ отыскать колбасную лавку, чтобы записаться прочной провизіей для дороги и попристальнѣе всмотрѣться въ наружность города. Проходя по Московской

улицъ (Невскій проспектъ), у меня начало сглаживаться, первое впечатлѣніе. Улица хоть-куда. Дома большею частію трехъ-этажные, украшенные снизу, какъ водится, вывѣсками, преимущественно голубыми съ золотымъ. Изъ лавокъ, преимущественно галантерейныхъ, выглядываютъ вло красивыя армянскія, а изрѣдка и персидскія выразительныя фizioноміи. Гостищный дворъ, не смотря на массу, зданіе легкое и даже граціозное, зданіе во вкусъ Гваренги. Губернаторскій домъ тоже зданіе массивное въ отношеніи къ частнымъ домамъ, бельэтажъ, а-ля Ренессансъ, смотритъ весело въ родѣ бонтоннаго отеля, поддерживаемый массивною галереєю аркадъ, подъ которыми помѣщаются лавки съ разными благородными товарами, — въ томъ числѣ и съ кумысомъ. Сначала меня это поразило своей дисгармоніей: въ жилищѣ представителя верховной власти — лавки съ разными товарами, въ томъ числѣ и съ кумысомъ! Странно. Но какъ мирная промышленность не можетъ иначе процвѣтать, какъ подъ эгидою власти, то я на этой мысли помирися и пошелъ далѣе. Обойдя вокругъ покрытый пылью скверъ, я вышелъ въ другую, параллельную Московской, улицу, уже менѣе украшенную вывѣсками и армянскими. Изъ этой, ничѣмъ особенно не примѣчательной улицы, я взялъ налѣво и, перейдя деревянный мостъ, очутился за Кутумомъ.

Пройдя шаговъ сто по улицѣ, передъ домомъ, наружностію своей напоминающимъ загородный трактиръ средней руки, деревянный одноэтажный съ бельведеромъ, и по широкой, окружающей бельведеръ, галереѣ, — усатый кавалеръ, въ сѣромъ пальто-сакѣ и съ серебрянымъ георгіемъ, прохаживается и съ достоинствомъ посматриваетъ на снующихся плебеевъ, калмыковъ и татаръ. Не дворянское ли это Астраханское собраніе? подумалъ я, и хотѣлъ идти далѣе, какъ мнѣ мелькнула въ глазахъ надъ воротами желтая табличка съ надписью: домъ С — ова. Не будь Александръ Александровичъ Сапожниковъ брилліантовою звѣздою Астраханскаго горизонта и безмезднымъ Астраханскимъ метр-д'отелемъ, я зашелъ бы къ нему, какъ къ старому знакомому, но эти великолѣпные его недостатки меня остановили.

За домомъ и садомъ Сапожникова видны вдали лачуги. Я, какъ живописецъ, люблю шляться по этимъ грязнымъ живописнымъ закоулкамъ, но какъ человѣкъ, искренно-любящій человѣка,

я передъ домою миллионера сдѣлалъhalb-кругомъ и вскорѣ очутился въ центрѣ города.

Въ центрѣ города, т. е. на Московской улицѣ, зашелъ я въ гостиницу подъ фирмою »Москва», спросилъ себѣ пару чаю и усѣлся въ компаніи татаръ и армянъ. Машину накрутилъ какой-то молодецъ въ солдатской шинели, и она задрезжала увертюру *Роберта-Дявола*. Не смотря на отсутствіе всякой гармоніи, меня тронула, и до слезъ тронула, эта изуродованная красавица-мелодія. Значитъ, я давно уже не слушалъ ничего и похожего на музыку Барабанъ и горнъ очерствили мой слухъ, но не очерствили сердца, восприняющаго прекрасное.

Послѣ увертюры *Роберта* машина зашипѣла: »ужъ какъ вѣтъ вътерокъ.« Я и это шипѣніе прослушалъ съ наслажденіемъ и, почти ирриформенный съ Астраханью, заплативъ пятиалтынный за чай, вышелъ на улицу.

Московская улица... Существуетъ ли хоть одинъ городъ въ Россіи безъ Московской улицы? — Кажется, нѣтъ. А безъ колбасной лавки существуютъ многіе губерскіе города, въ томъ числѣ и портовый городъ Астрахань.

Дряннъ, нікуда негодный, противный городъ Астрахань. Я обошелъ всѣ главныя и неглавныя улицы, прочиталъ всѣхъ цѣтвовъ и большія и малыя вывѣски, говорившія большею-частію о продажѣ чихиря и панскихъ товаровъ, но ни одна изъ нихъ не сказала о продажѣ копченыхъ колбасъ. Эхъ, нѣмцы, нѣмцы Саратовскіе! и вы акклиматизировались... а я навѣрняка рассчитывалъ на вашу стойкую колбасолюбивую натуру.

Послѣ обѣда, по наставленію Авдотьи, кухарки Б—цова, пошелъ я отыскивать нѣмецкую булочную, въ которой, по ея словамъ, продаются и нѣмецкія колбасы. Топографія города уже мнѣ болѣе или менѣе извѣстна, и я, по указаніямъ той же Авдотьи, безъ особеннаго труда нашелъ нѣмецкую булочную. Добродушная круглая фѣзіономія нѣмца вытянулась и осторожно улыбнулась, когда я вмѣсто булки спросилъ колбасу. Но какъ я не шути спрашивалъ, то нѣмецъ не шути и отвѣчалъ мнѣ, что онъ булочный, но не колбасный мастеръ, и что колбаснаго мастера во всемъ городѣ нѣтъ ни одного, и что если въ Саратовской лавкѣ я не найду этого товару, то до самого Саратова я не увижу ни одной колбасы. Но такъ-какъ Саратовская лавка, по сказаніямъ того же нѣм-

ца, весьма близка къ центру города, то я и отложила мои поиски до завтрашняго дня.

Сегодня 8-е августа. Сегодня выйдет почтовая лодка из Новопетровскаго укрѣпленія въ Гурьевъ городокъ и возьметъ съ собою Фіалковскаго и прочихъ освобожденныхъ вмѣстѣ со мною. Желаю тебѣ лучшей будущности, Фіалковскій! ты исполни ея достоинъ. На разставаньи, онъ и Мостовскій дали мнѣ свои будущіе адреса, но едвали у насъ завяжется когда-нибудь переписка, потому что я не принадлежу къ кастѣ пустомелей, а она, какъ люди болѣе меня практическіе, тоже не будутъ переливать изъ пустого въ порожнее. Но я всегда сохрѣню воспоминаніе объ васъ, мои благородные друзья.

9 августа.

Въ 5-мъ часу утра, пошелъ я отъ-нечего-дѣлать на Косу (пристань) провѣдать моихъ Новопетровскихъ аргонатовъ, такъ быстро переплывшихъ со мною Хвалынское море. Рыбу они свою продали, купили хлѣба, и съ этимъ золотымъ руномъ отплывутъ завтра къ пустыннымъ берегамъ полуострова Мангышлака. Желаю вамъ счастливаго плаванія, безстрашные плователи. Поклонитесь отъ меня прибрежнымъ скаламъ, на которыхъ я провелъ столько безсонныхъ ночей, поклонитесь отъ меня коменданту и благородному Мостовскому — и больше никому.

Протившись съ аргонатами, я прошелъ ни милыя *исады* (съѣстной базаръ); кромѣ фруктовъ, огородной зелени и хлѣба печенаго, на этихъ *исадахъ* я ничего не замѣтилъ; мясо не продается по случаю поста, а рыба продается на лодкахъ. Публика рыночная, какъ и вездѣ: перекупки, повара и кухарки; изрѣдка попадается заплывшая жиромъ купчиха-гастрономка, да такого же содержанія особа духовнаго чина. — У щоголя, краснобордаго казылбаши, купилъ я, за 5 коп. ср., 5 головокъ чесноку (это добро доставляется сюда изъ Персіи) и отправился въ кремль, полюбоваться вблизи красавцемъ соборомъ. Огъ, какъ щоголь 17 вѣка, красуется въ кружевахъ передъ всѣмъ городомъ.

По слухамъ, знаю я о существованіи книги, подъ названіемъ *Описаніе города Астрѣхани*. Но о приобрѣтеніи ея здѣсь, на

мѣсть, и помышлять вѣчего. Городъ, не пишущій книжной лавки, значить и читателю не писать, а какъ-бы кстати писать теперь въ рукахъ эту книгу: тамъ вѣрно помѣщены документальныя свѣдѣнія о времени построения кремля и собора, какъ главныя украшенія города. Кто же мнѣ замѣнитъ эту дорогую книгу? Къ кому обратиться мнѣ съ моимъ любопытствомъ?—И какъ ранняя обѣда еще не отошла, то я пошелъ прямо въ соборъ, съ цѣлю встрѣтить тамъ священника и обратиться къ нему съ моей антикварской любознательностью. Къ счастью моему, я встрѣтилъ самого ключара собора, отца Гаврила Пальмова (такъ онъ мнѣ рекомендовался), но удовлетворить мое любопытство сегодня онъ не могъ, по недостатку времени, и назначилъ мнѣ свиданіе въ соборѣ въ воскресенье послѣ поздней обѣды. Подожду.

10 августа.

Ходилъ въ контору «Меркурія» узнать, скоро ли прилетитъ этотъ сынъ Юинтера, и мнѣ сказали, что его ожидаютъ не ближе 15-го августа, а къ 20-му августа выйдеть обратно въ Нижній. Ожиданіе, какъ всякое ожиданіе, несносно. Но къ этому ожиданію мѣнятся еще издержки, которыя думалъ устранить, прибѣвши къ Б — цова на квартирѣ; а онъ, на грѣхъ, вздумалъ жениться (это общая слабость Новопетровскаго гарнизона),—17-го августа у него свадьба, и я, разумѣется, оказался совершенно лишнимъ человекомъ. Съ цѣлю отыскать себѣ уголь на нѣсколько дней, пошелъ я шляться по переулкамъ вокругъ конторы «Меркурія». Здѣсь все заперто, кромѣ скворешницъ на высокихъ шестахъ, свидѣтельствующихъ о жилищахъ меломановъ. Постучался я въ нѣсколько запертыхъ воротъ наугадъ, потому что билетиковъ здѣсь на ворота не приклеиваютъ, какъ это водится въ порядочныхъ городахъ. Послѣ долгихъ поисковъ, удалось мнѣ открыть наемный чуланъ, съ мпціаторнымъ окномъ, выходящимъ прямо на помойную яму. На безрыбы и ракъ—рыба, на безлюдь и Фома—человѣкъ, говоритъ пословица. Вслѣдствіе этой мудрой пословицы, съ завтешняго дня я ночую въ чуланѣ, за 20 коп. ср. въ сутки. 6 рублей въ мѣсяцъ чуланъ съ помойной ямой! Да это хоть и въ Сан-Франциско — такъ въ пору.

Давши задатокъ, я пришелъ къ Б—цову, и, по случаю духоты и пыли на улицѣ, я пробылъ весь день въ комнатѣ, написалъ радостное письмо друзьямъ моимъ, Лазаревскому и Герпу. Кухаренку напишу завтра. Ожидаю отъ него отвѣта на *Москалеву Крицицу*. Не знаю, что значить его молчаніе?

Передъ вечеромъ вышелъ я, какъ говорится, и себя показать, и на людей посмотреть. Вышелъ я на набережную канала. Здѣсь это *Англійская Набережная*, въ нравственномъ отношеніи, а въ физическомъ — деревянная, досчатая. Каналъ самъ по себѣ дрянъ. Но, какъ дѣло частнаго лица, это произведеніе гигантское, капитальное. Я не могъ добиться времени его построенія, — узналъ только, что онъ построенъ на коштъ нѣкоего богатаго грека Варварицы. Честь и слава покойному Эллину! Такъ на этой-то набережной по вечерамъ рисуется цвѣтъ здѣшняго общества.

Женщины здѣшнія ненатурально-бѣлы и преимущественно чахоточны. Мужчины вообще въ бѣлыхъ фуражкахъ съ кокардою, не исключая и мужчинъ гражданскаго вѣдомства. — — Нерѣдко попадаются львы и львицы. Эти повсемѣстные плотоядныя не климатизируются: онѣ и здѣсь такой же шерсти, какъ и въ Архангельскѣ, какъ и вездѣ. Плебейская же физіономія калмыка и татарина здѣсь рѣдко покажется: ея мѣсто на *исадагъ* и въ тряпныхъ переулкахъ. Всмотриваясь пристальнѣе въ господствующую здѣсь узкоглазую физіономію калмыка, я нахожу въ ней прямодушное, кроткое выраженіе. И эта прекрасная черта благородить этотъ некрасивый типъ. Вѣрнѣйшіе слуги и лучшіе работники здѣсь суть калмыки. Любимый цвѣтъ — желтоватый пивній, лица какая угодно, не исключая и падали. Мѣсто жительства — кибитка, а занятія — рыбная ловля и, вообще тяжелая, работа. Мнѣ понравились эти родоначальники монгольскаго племени.

11 августа.

Послѣ поздней обѣдни въ соборѣ, обязательный отецъ Гавриилъ показалъ мнѣ ризницу собора, замѣчательную немногими, но, по достоинству работы и старины, весьма рѣдкими вещами. *Первое*, что онъ мнѣ показалъ, это плащаница, шитая шелками и

золотомъ, времени Ивана Грознаго и, по преданію, отбитая у Маршны Мнишекъ. *Второе*, позатное, цѣлохъ сохранившееся евангеліе 1606 года. *Третье*, сакошь, шелками и золотомъ шитый, епископа Іосифа, убиеннаго Разиннымъ. *Четвертое*, федонъ, шелками и золотомъ шитый, трою же епископа. *Пятое*, архіерейскій посохъ удивительно-тоцкой работы, даръ царя Бориса Годунова. *Шестое*, серебряный ковшь искусной работы, даръ царя Петра I-го 1701 г. Огромный потиръ венеціанской работы 1705 года. Время заложенія собора 1698 года, а освященія 1710 года 14-го августа. На вопросъ мой: кто былъ архитекторомъ этого колоссальнаго и прекраснаго собора? отецъ Гавріилъ отвѣчалъ: простой русскій мужикъ. Не мѣшало бы Константину Тону поучиться строить соборы у этого русскаго мужика. Я, разумѣется, не противорѣчилъ, и спросилъ его о времени построенія кремля. Онъ отвѣчалъ: »Борисомъ Годуновымъ, а малый Троицкій соборъ построенъ царемъ Иваномъ Грознымъ, вскорѣ послѣ взятія у татаръ Астрахани«, прибавилъ онъ, замыкая ризвицу. И на томъ спасибо.

12 августа.

Въ 7 часовъ утра, пришелъ съ верху пароходъ »князь Пожарскій«, принадлежащій компаніи Меркурія. Я пошелъ въ контору справиться о его обратномъ рейсѣ, — опредѣлительно въ конторѣ мнѣ ничего не сказали. Хотѣлъ взять билетъ, и его не дали, за отсутствіемъ главнаго приказчика. Въ надеждѣ на скорое отплытіе и по случаю умѣренной духоты, я пошелъ шляться изъ улицы въ улицу, не теряя надежды отыскать хоть какую-нибудь колбасную лавку. Но увя! кромѣ пыли, смраду и вѣчной вывѣски — продажи чихиря, я ничего не встрѣтилъ. Чѣмъ больше вълѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Возвращаясь изъ Сарептскаго магазина, въ которомъ все есть, кромѣ копченой колбасы и сарептской горчицы въ банкахъ, ругнуулъ я моихъ пріятелей нѣмцевъ, разумѣется, выйдя на улицу. Полюбовался вычурно-грубой старой архитектурой церкви Рождества Богородицы, Морскаго вѣдомства, и, по наставленіямъ отца Гавріила, пошелъ отыскивать градскую бібліотеку. Противъ губернаторскаго сквера прочиталъ я на блѣдно-

глубокой вывѣскѣ »Публичная библіотека для чтенія». Bravo, подумалъ я, въ Астрахани публичная библіотека! Стало быть и чтенія пѣются. Замарашка мальчуганъ указалъ мнѣ входъ въ это святилище, и я благоговѣдно поднялся во второй этажъ и вступилъ въ единственную залу библіотеки. Библіотекаръ въ скрутокѣ съ краснымъ воротникомъ и съ гренадерскими усами, котораго я принялъ за полицейскаго чиновника, сказалъ мнѣ, что книги Рыбушкина — *Описаніе города Астрахани*, въ настоящее время въ библіотекѣ не пѣется, а что она находится у бухгалтера общественнаго призрѣнія, Васильева. Я объяснилъ ему, что я — не здѣшній, но онъ всё-таки послалъ меня въ Приказъ общественнаго призрѣнія. Дѣлать нечего, отправился я къ помянутому бухгалтеру Васильеву, и отъ сего почтеннаго старика получилъ надежду прочесть книгу Рыбушкина завтра въ 9 часовъ утра.

13 августа.

Переночевавъ кое-какъ въ новой квартирѣ или, вѣрнѣе, чуланѣ, поутру пошелъ открыть ставни, и меня какой-то сытный бородачъ окатилъ помоями изъ полоскательной чашки, и меня же выругалъ за то, что меня чортъ носитъ спозаранку подъ окнами. Я ругнулъ его бородачатымъ старымъ осломъ и отправился къ Б—цову чай пить. Послѣ чая написалъ Кухаренку письмо, нарочно небольшое, и съ лоскуткомъ бумаги и кусочкомъ карандаша пошелъ въ публичную библіотеку для чтенія. Библіотекаръ, съ краснымъ воротникомъ и гренадерскими усами, объявилъ мнѣ, что бухгалтеръ Васильевъ не сообщилъ еще желаемой мною книги. Я остался ждать, потому что бухгалтеръ Васильевъ вчера самъ мнѣ обѣщалъ представить книгу въ библіотеку непремѣнно къ 9 часамъ.

Въ ожиданіи »Описанія города Астрахани», Рыбушкина, я спросилъ каталогъ публичной Астраханской библіотеки: каталогъ тоже былъ на дому у какого-то важнаго лица. (Не у Сапожникова ли?) И такъ, безъ каталога въ рукахъ, я увидѣлъ на полкахъ запыленный »Вѣстникъ Европы», длинную фалангу »Московского Телеграфа», въ вѣсколькихъ экземплярахъ графа Хвостова, Державина, Карамзина, Духъ Законовъ и Сводъ Законовъ съ прибавленіями, а

остальные полки завалены творениями Дюма и Сю, не въ подлинникѣ. О манускриптахъ, касающихся исторіи города и края, я не знаю — отчего, совѣстился спросить.

Но что всего интереснѣе было для меня въ этой публичной библиотекѣ, это — *Русскій Вѣстникъ*, журналъ уже нѣсколько лѣтъ издаваемый, а я сегодня въ первый разъ вижу. Въ какой же я дикой пустынѣ прозябалъ до-сихъ-поръ!

Первая книжка Русскаго Вѣстника за 1856 годъ попалась мнѣ въ руки. Оглавленіе мнѣ понравилось. Тамъ были выставлены имена Гоголя, Соловьева, Аксакова, — имена хорошо извѣстныя въ нашей литературѣ. Я развертываю книгу, и мнѣ попалась литературная лѣтопись, читаю — и что же я читаю? Наша славная, преславная Саворъ-могила — раскопана! Нашли въ ней какія-то золотыя и другія мелочи, не говоряція даже, дѣйствительно ли это была могила одного изъ Скифскихъ царей.

Я люблю археологію; я уважаю людей, посвятившихъ себя этой таинственной матери исторіи; я вполне сознаю пользу этихъ раскапываній. Но лучше бы не раскапывали нашей славной Саворъ-могины. Странная и даже глупая привязанность къ безмолвнымъ, ничего не говорящимъ, курганамъ! Во весь день и вечеръ я все пѣлъ:

У степу могила
Зъ вітромъ говорила:
Повій, вітре буйнісенський,
Щобъ я не чорніла!

14 августа.

Въ-продолженіе ночи шелъ проливной дождь, и изъ пыльной, сѣрой Астрахани, поутру я увидѣлъ Астрахань черную, грязную. Вооружившись туркменскимъ чапаномъ, я пошелъ къ Б—цову пить чай, — потомъ отнесъ на почту письмо и пошелъ въ библиотечку. Но сія публичная библиотека, вѣроятно по случаю дождя и грязи, была заперта, и я, поклонившись дверямъ сего недоступнаго, таинственнаго святилища, ушелъ во-своихъ съ миромъ, дивясь бывшему.

И что мнѣ этотъ Рыбушкинъ такъ завязъ въ зубы? Интереснѣйшее въ Астрахани и безъ сего указанія я видѣлъ (соборную ризницу), а объ остальномъ стóитъ ли хлопотать? не стóитъ!...

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛІТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Русьскій Земли.»
Владиміръ Мономахъ.

1862

Л Ю Т И Й

(ФЕВРАЛЬ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ П. А. КУШНА.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Восьмой отрывокъ.

Отъ 15 до 20 августа включительно въ *Дневникъ* записаны лишь встрѣчи съ Т. Гр., рукою тѣхъ, для кого онѣ были дороги. Мы приводимъ ихъ замѣты, какъ выраженіе преданности къ поэту, сохранившейся несмотря на 10-лѣтнее удаленіе его изъ родины.

15 августа. Въ день Успенія встрѣтилъ я въ Астрахани стараго моего профессора (*живописи*) Кіевскаго университета, дражайшаго и любезнѣйшаго нашего поэта, встрѣтилъ я его съ величайшею радостью въ такой далекой сторонѣ—какъ отца, какъ брата, какъ величайшаго друга, и имѣлъ счастье прожить съ нимъ нѣсколько дней почти вмѣстѣ. Воспитаникъ Кіевскаго университета, Иванъ *Клопотовскій*.

16 августа. Въ тотъ же день и я былъ осчастливленъ встрѣчею съ любимымъ и уважаемымъ мною поэтомъ, Т. Гр. Шевченкомъ, съ которымъ я провожу эти дни, что оставитъ во мнѣ глубокое воспоминаніе навсегда. Воспитаникъ того же университета, Иванъ *Незабитовскій*.

Я запишу въ своемъ дневникѣ, что 16 августа я провелъ день съ поэтомъ Малороссіи, Шевченкомъ. Евгений *Одинцевъ*.

Съ душевнымъ восторгомъ я встрѣтилъ и провелъ нѣсколько часовъ съ моимъ милымъ батькомъ, старымъ козакомъ Тарасомъ Григоровичемъ Шевченко, и очень благодаренъ Богу, что онъ довелъ меня быть вмѣстѣ съ нимъ. Федоръ *Чельцовъ*.

17 августа. Иванъ Рогожинъ, изъ дружбы къ Перфилу, поступилъ за него на полгода въ солдаты; но какъ ни хитеръ и ни пловоротливъ былъ бѣсъ, но никакъ не могъ примѣниться къ порядку, и бѣднаго дупила какъ Сидорову козу, такъ-что когда прошло уже полгода, ему стыдно было показаться къ своему наибольшему. Бѣдный бѣсъ не рассчиталъ, что значить надѣть ранецъ, а Перфилъ когда услышалъ отъ него разсказъ о службѣ, сказалъ ему: «въ чужіе сани не садись». Съ тѣхъ поръ ни одинъ бѣсъ уже не хотѣлъ служить въ солдатахъ; тыжь-то, батьку, десять лѣтъ пробувъ въ нихъ. Офицеры якъ почули отъ Перфила, о томъ, что Рогожинъ за него пробывъ полгода, выразили свой восторгъ словами: «Знатно! и бѣсъ побывалъ въ нашихъ рукахъ». Скрывалъ Иванъ Рогожинъ. Фельдфебель Перфила.

18 августа. В. Кишкинъ. Встрѣча со старымъ знакомымъ.

19 августа. Lekarz Karol Niwicki. — Paweł Radziejowski. — Tytus Szarl. wicz.

20 августа. Krasomowstwo nie wielu otrzymało w udziale; mnie zaś, pozbawionemu tego boskiego daru, pozostaje w milczeniu tylko podziwiać i holdować twórczej twej potędze, święty narodowy wieszczu. Twoja dzisiejsza przytomność wśród nas zupełnie szczęśliwym mnie czyni i chwile obecne nigdy w mej pamięci nie zatrą. O, stokroć, stokroć błogosławię ten drogi dzień, w którym niebo pozwoliło mi oświadczyć poznać się s tobą, gorliwy i nieulekły opowiadacz słowa prawdy. Niechże słów tych kilka przypominają ci.—poeto —malarzu, głęboka cześć poważającego ciebie Tomasza Zbrożka.

22 и 23 августа вовсе не записаны в Дневникъ.

23 августа 1857.

Съ 15 по 22 августа былъ у меня, въ грязной и пыльной Астрахани, такой свѣтлый прекрасный праздникъ, какого еще не было въ моей жизни. Земляки мои, большею-частью — Кіане, такъ искренно, радостно, братски привѣтствовали мою свободу, и до того распростерли свое гостеприемство, что лишили меня свободы самому вести свой журналъ, и взяли эту обязанность на себя. Благодарю васъ, благородные, безкорыстные друзья мои. Вы подарили меня такую радостію, такимъ полнымъ счастьемъ, которое я едва вмѣщаю въ моему благодарному сердцу, и память объ этихъ счастливейшихъ дняхъ я вношу не въ прозаическій журналъ мой, а внесу въ сокровищницу моего сердца.

15-го же августа, вечеромъ, Зброжекъ случайно у С—ж—овыхъ проговорился, что я въ Астрахани. И 16-го августа я возобновилъ старое знакомство съ Александромъ Александровичемъ. Это уже былъ не шалунъ-школьникъ въ дѣтской курточкѣ, котораго я видѣлъ послѣдній разъ въ 1842 году; это уже былъ мужчина, мужъ и, наконецъ, отецъ прекраснаго дятяти, а сверхъ всего этого, я встрѣтилъ въ немъ простаго, высокоблагороднѣйшаго, добраго человѣка. Черта, характеризующая семейство С—ж—овыхъ. Онъ, не знаю какъ надолго, оставляетъ Астрахань, и до Нижняго Новгорода предложилъ мнѣ каюту на абонированномъ пмъ пароходѣ князь Пожарскій. Пятирублевый билетъ, взятый мною, я возвратилъ въ контору пароходной компаніи «Меркурій», съ тѣмъ, чтобы онъ былъ отданъ первому бѣдняку безденежно. Капитанъ парохода князь Пожарскій, Владиміръ Васильевичъ К—ш—инъ распорядился такъ, что, вмѣсто одного бѣдняка, помѣстилъ на баржѣ пять бѣдняковъ, не могшихъ заплатить за мѣ-

сто до Нижняго даже по цѣлковому. Черта практически-благородная.

25 августа.

Парохода князь Пожарскій буфетчикъ Алексѣй Панфиловъ Пановъ, отпущенникъ г-на Крюкова. (Записано чужою рукою).

27 августа.

Ночи тихія, лунныя, очаровательно-поэтическія ночи! Волга, какъ безконечное зеркало, подернутая прозрачнымъ туманомъ, мягко отражаетъ въ себѣ очаровательную блѣдную красавицу ночи и сонный обрывистый берегъ, уставленный группами темныхъ деревьевъ. Восхитительная, сладко-успокоительная декорація! И вся эта прелесть, вся эта зримая иъмая гармонія оглашается тихими задушевными звуками скрипки. Три ночи сряду этотъ вольноотпущенный чудотворецъ безмездно возноситъ душу къ Творцу вѣчной, плѣнительной — звуками своей любобной скрипки. Онъ говоритъ, что на пароходѣ нельзя держать хорошей инструментъ, но и изъ этого нехорошаго онъ извлекаетъ волшебныя звуки, въ-особенности въ мазуркахъ Шопена. Я нѣкогда не наслаждаюсь этихъ общеславянскихъ сердечно-глубоко-унылыхъ иъсеней. Благодарю, мой крѣпостной Паганини, благодарю тебя, мой случайный, мой благородный! изъ твоей бѣдной скрипки вылетаютъ стоны и сливаются въ одинъ протяжный мрачный стонъ. Скоро ли долетятъ эти пронзительные вопли до твоего слуха, нашъ праведный Боже!

Подъ вліяніемъ скорбныхъ, вопіющихъ звуковъ этого бѣднаго вольноотпущенника, пароходъ, въ ночномъ погребальномъ покоѣ, нѣтъ представляется какимъ-то огромнымъ, глухо-ревушимъ чудовищемъ съ раскрытой огромной пастью, великій Фультонъ и великій Уатъ!

28 августа.

Со дня выхода парохода изъ Астрахани, т. е. съ 22 августа, я не могу ни за что, ни даже за свой журналъ, приняться акуратно, какъ это было въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Я все еще

не могу и не желаю освободиться изъ-подъ вліянія, производимаго на меня въ Астраханн моими земляками, и возобновленнаго Александромъ Александровичемъ Сапожниковымъ и всѣми сопутствующими ему его родственниками и друзьями. Всѣ онѣ, начиная съ хозяйки (Шны Александровны) и хозяйши, всѣ онѣ такъ дружески просты, такъ внимательны, что я отъ избытка восторга не знаю, что съ собою дѣлать, и разумѣется только бѣгаю взадъ и впередъ по палубѣ, какъ школьникъ, вырвавшійся изъ школы. И такой быстрый и несожиданный контрастъ мнѣ не даетъ еще войти въ себя. Простое человѣческое обращеніе со мною теперь мнѣ кажется чѣмъ-то сверхъестественнымъ, невѣроятнымъ.

Берега Волги, отъ Царицына и Дубовки, съ часу на часъ дѣлаются выше, живописнѣе очаровательнѣе, а я не сдѣлалъ еще ни одного очерка. Недосугъ. Всѣ книги всѣхъ русскихъ журналовъ за текущій годъ, добрейшій Александръ Александровичъ предложилъ къ моимъ услугамъ, и я только сегодня началъ читать *Королеву Варвару*, Попова, и только началъ, а журналъ свой, который въ эти дни долженъ бы былъ наполняться такими очаровательными событіями, я совсѣмъ оставилъ, извиняя себя невозможностью писать по случаю вздрагиванія палубы. О, какъ бы я желалъ продлить это сладкое состояніе, это чувство животворнаго очаровательнаго бездѣйствія.

Я оставилъ знойную степь въ кителѣ и туркменскомъ верблюжьемъ чапанѣ. Въ Астрахани я думалъ только о пологѣ отъ комаровъ, а съверъ, къ которому стремлюсь, мнѣ и въ голову не приходилъ. И сегодня я могъ бы быть порядочно наказанъ за невниманіе къ бѣловласому Борю, еслибы не выручилъ меня Александръ Александровичъ. Впродолженіи ночи дулъ свѣжій нордъ-остъ, и къ утру сдѣлалось порядочно холодно, такъ порядочно, что я не прочь бы былъ и отъ тулупа. А у меня, кромѣ кителя и помилчутаго чапана, совершенно ничего не оказалось. Александръ Александровичъ, спасибо ему, предложилъ мнѣ свое теплое пальто, брюки и жилетъ. Я съ благодарностью принялъ все это, какъ даръ, ниспосланный мнѣ свыше, и черезъ минуту явился на палубѣ преображеннымъ въ настоящаго денди. Богъ да наградитъ тебя, мой добрый Саша, за это братски-дружеское преображеніе.

29 августа.

Берега Волги съ каждымъ часомъ дѣлаются выше и привлекательнѣе. Я попробовалъ сдѣлать очеркъ одного мѣста съ палубы парохода, но увы, нѣтъ никакой возможности. Палуба дрожитъ и контуры береговъ быстро мѣняются. И я съ своимъ давнишнимъ новостветровскимъ предположеніемъ — рисовать берега матушки Волги — долженъ теперь проститься. Сегодня, съ полуночи и до восхода солнца, пароходъ грузился дровами около Камышина, а я едва успѣлъ сдѣлать логовскій очеркъ Камышинской пристани съ правымъ берегомъ Волги; дровъ взято до Саратова и, значитъ, я ближе Саратова ничего не сдѣлаю. Выше Камышина, въ 60 верстахъ, на правомъ берегу Волги, боцманъ парохода показалъ мнѣ бугоръ Стеньки Разина. Это было на разсвѣтѣ, и я не могъ хорошо разсмотрѣть этой замѣчательной, но неживописной, мѣстности. Историческій бугоръ этотъ, — я не знаю почему его называютъ бугромъ — и на вершокъ не выше окружающей его мѣстности. И еслибы лоцманъ мнѣ не указалъ его, я не замѣтилъ бы этой ничтожной твердыни лыцаря Стеньки Разина, этого Волжскаго Бирона и, наконецъ, пугала московскихъ практикановъ и Персидскаго шаха, которые испугались скрытаго, почтаго, воршипки; такъ бѣлоголоваго великана — хищника беркута пугаетъ иногда ничтожный ветопырь.

Самое плоское суздальское изображеніе прославленнаго предмета также интересно, какъ и самое пзящное пропзведеніе живописи. Сознавалъ эту истину, мнѣ еще досаднѣе, что я не могъ сдѣлать ниже слабаго очерка съ этого весьма прославленнаго бугра. Солнце еще не веходило, и бугоръ оставался за нами верстахъ въ десяти; я долженъ былъ довольствоваться небольшимъ фантастическимъ рассказомъ несловоохотливаго лоцмана.

Волжскіе лоцвы и, вообще, простой народъ вѣрять, что Стенька Разинъ живетъ до-сихъ-поръ въ одномъ изъ приволжскихъ ущелій близъ своего бугра, и что (по словамъ лоцмана) прошедшимъ лѣтомъ какіе-то матросы, шывшіе изъ Казани, останавливались у его бугра, ходили въ ущелье, видѣли и разговаривали съ самимъ Семеномъ Степановичемъ Разинимъ. Весь онъ, сказывали матросы, обросъ волосами, словно звѣрь какой, а гово-

рить почеловѣчьи. Онъ уже началъ было разсказывать что-то про свою судьбу, какъ настала полдень и изъ пещеры выползъ змій и началъ сосать его за сердце, а онъ такъ страшно застоналъ, что матросы отъ ужаса разбѣжались, куда кто могъ. А за то его, прибавилъ лоцманъ, ежеденно змій за сердце сосетъ, что онъ проклять во всѣхъ соборахъ, а проклять онъ за то, что убилъ Астраханскаго архіерея Іосифа. А убилъ онъ его за то, что тотъ его волшебству сопротивлялся.

По словамъ того же разсказчика, Разинъ не былъ разбойникомъ; онъ только на Волгѣ брандвахту держалъ, и собиралъ пошлину съ кораблей, и раздавалъ ее немущимъ людямъ; кому-ншть, выходитъ.

30 августа.

Изъ уваженія къ имениннику и принятому обычаю дарить именинниковъ, я сегодня подарилъ Александру Александровичу портретъ его тещи М-ше Козаченко. Портретъ сдѣланъ въ одинъ сеансъ бѣлымъ и чернымъ карандашами довольно оляповато, но не лишень экспрессіи. Именинникъ, по обыкновенію своему, былъ веселъ и любезенъ, а гости его—въ томъ числѣ и насъ господи устрои, — также охулки на руку не положили, и нецеремонная милая гармонія царилла на палубѣ князя Пожарскаго.

Въ вечеру, отъ Саратовской пассажирки, нѣкоей весьма любезной дамы, Татьяны Павловны Соколовской, случайно узналъ я, что Н. И. Костомаровъ уѣхалъ за границу, а мать его живетъ въ Саратовѣ. Я просилъ у ней адресъ Костомаровой.

31 августа.

Едва пароходъ успѣлъ остановиться у Саратовской набережной, какъ я уже былъ въ городѣ я, по указаніямъ обязательной М-ше Соколовской я, какъ по писанному, безъ помощи дорогого пзвощика, нашелъ квартиру Татьяны Петровны Костомаровой. Добрая старушка узнала меня по голосу, но, взглянувши на меня, усумнилась въ своей догадкѣ. Убѣдившись же, что это дѣйствительно я, а не кто иной, она привитала какъ родного сына радостнымъ поцѣлуемъ и искренними слезами.

Пароходъ простоялъ въ Саратовской пристани до слѣдующаго утра, и я, съ полудня до часу по полуночи, провелъ у Татьяны Петровны. И Боже мой!—чего мы съ ней не вспоминали, о чемъ мы съ ней не переговорили. Она мнѣ показывала письма своего Николаши изъ за границы, и ленистки фялокъ-присланныя ей сыномъ, въ одномъ изъ писемъ изъ Стокгольма, отъ 30 мая. Это число напомнило намъ роковое 30 мая 1847 года и мы какъ дѣти зарыдали. Въ первомъ часу ночи я разстался съ счастливѣйшею и благороднѣйшею матерью прекраснѣйшаго сына.

1 сентября.

Петръ Ульяновъ Чекмаревъ (записано чужой рукой).

Новый мѣсяцъ начался новымъ пріятнѣйшимъ знакомствомъ. За полчаса до поднятія якоря, явился въ капитанской каютѣ, и въ моемъ временномъ обиталищѣ, человекъ некрасивой, но пррвлекательно-симпатической наружности. Послѣ монотонно-произнесеннаго — Петръ Ульяновъ Чекмаревъ, онъ сказалъ съ одушевленіемъ: Марья Григорьевна С—нна, незнаемая вами, ваша милая землячка и поклонница, поручила мнѣ передать вамъ ея сердечный сестринъ поцѣлуй и поздравить васъ съ вождедѣнной свободой. И тутъ же напечаталъ на моей лыснѣ два полновѣсныхъ искреннихъ поцѣлуя, — одинъ за землячку, а другой за себя и за саратовскую братію. Долго я не могъ опомниться отъ этого нечаяннаго счастья. Прійдя въ себя, я вынулъ изъ моей бѣдной коморы какую-то пѣсенку и просилъ своего новаго друга передать эту лепту моей милой сердечной землячкѣ. Вскорѣ начали подымать якорь и мы разстались, давши другъ другу слово увидѣться будущею зимою въ Петербургѣ.

2 сентября.

Пятнадцать лѣтъ не пзмѣнили насъ:
Я прежній Сашка всё, ты также всё Тарасъ.

Сегодня, въ 7 часовъ утра, случайно собрался мы въ капитанской каютѣ и слово за слово изъ обыденнаго разговора перешли къ современной литературѣ и поэзіи. Послѣ недолгихъ пересудовъ, я предложилъ А. А. Сапожникову прочесть *Собачій пиръ*, изъ

Барбье, Бенедиктова, и онъ мастерски его прочиталъ. Послѣ прочтенія перевода, былъ прочтаны подлинникъ, и общимъ голосомъ рѣшили, что переводъ выше подлинника. Бенедиктовъ, пѣвецъ кудрей и прочаго тому подобнаго, не переводить, а возсоздастъ Барбье. Неостыжимо! Неужели со смерти П. — поэты наши воскресли, обновились? Другой причины я не знаю. По поводу Собачьяго пра, нашъ добрый милый капитанъ, Владиміръ Васильевичъ Кишкинъ, досталъ изъ своей заветной портфели его же Бенедиктова: *Входъ воспрещается*, и съ чувствомъ поклонника родной обновленной поэзіи прочиталъ намъ, внимательнымъ слушателямъ. Потомъ прочиталъ его же на новый 1857 годъ. Я дивился и ушамъ не вѣрилъ. Много еще кое чего упруго-свѣжаго, живаго, было прочитано нашимъ милымъ капитаномъ. Но я все свое вниманіе и удивленіе сосредоточилъ на Бенедиктовѣ, а прочее едва слушалъ.

И такъ у насъ сегодня пѣзъ обыкновенной болтовни вышло необыкновенно-эффектное литературное утро. Приятно было бы повторять подобную импровизацію. Въ заключеніе этой поэтической сходки, А. А. Сапожниковъ вдохновился и написалъ двустихіе граціозное и братски искреннее.

Ночью протпвъ города Волжска (мѣсто центральной конторы дома Сапожниковыхъ) пароходъ на нѣсколько часовъ остановился. А. А. сошелъ на берегъ и въ скоромъ времени возвратился на пароходъ съ своимъ главнымъ управляющимъ Тихономъ Зиновьевичемъ Епифановымъ: бѣлый съ черными бровями, свѣжій, удивительно-красивый старикъ, съ прекрасными манерами, и тѣни не напоминающимъ русскаго купца. Онъ мнѣ живо напоминалъ своей изящной наружностію моего дядю Шевченка-Грыню.

3 септбля.

Незабывайте любящаго васъ Н. Явленскаго. (*Записано чужою рукою*).

Былъ, спалъ. Во снѣ видѣлъ Орскую крѣпость и корпуснаго сфрейтора О — а, я такъ испугался этого сфрейтора, что отъ страха проснулся, и долго не могъ прийти въ себя отъ этого возмутительнаго сновидѣнія.

4 сентября.

Виродженіи почи, пароходъ грузился дровами противъ города Хвалыиска: одно единственное мѣсто на берегахъ Волги, напоминающее древнее названіе Каспійскаго моря. Поутру, спавшись съ якоря, мы собрались въ каютѣ нашего добраго капитана и послѣ недлиснаго предисловія, составилось у насъ опять литературно-поэтическое утро. Обязательный Владиміръ Васильевичъ прочиталъ намъ, изъ своей заветной портфели, нѣсколько животрепещущихъ стихотвореній неизвѣстныхъ авторовъ, и между прочимъ *Кающуюся Россію*, Хомякова. Глубоко-грустное это стихотвореніе я занесъ въ свой журналъ, на память о нашихъ утреннихъ бесѣдахъ на пароходѣ «князь Пожарскій».

5 сентября.

Берега Волги болѣе и болѣе пзмѣняются и принимаютъ видъ однообразный и суровый. Плоскія возвышенности праваго берега покрыты лѣсомъ, большею частію дубовымъ. Коегдѣ изрѣдка блестятъ бѣлыя стволы березъ и сѣрые матовые стволы осины. Древесный листъ замѣтно желтѣеть. Температура воздуха измѣняется, холодѣеть. Какъбы она меня не захватила въ распахъ. Сегодня былъ первый утренникъ. Ноги прозябли. Нужно будетъ въ Самарѣ купить коты и дублонный полушубокъ. Ничего не читаю и не рисую. Рисовать не даетъ машина своимъ неугомоннымъ шумомъ и трепетаньемъ, а читать — неважные берега Волги. Во свѣ видѣлъ церковь св. Анны въ Вильнѣ, и въ этой церкви молящюся милую Дуню, чернобровую Г—скую. Это вѣрно вслѣдствіе чтенія королевы Варвары Радзивиллъ. Г. Поповъ — историкъ новаго прекраснаго стп.л. Онъ кажется, ученикъ Соловьева. Нужно будетъ прочитать его, въ Русскомъ Вѣстникѣ, Турецкую войну при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Миѣ теперь много нужно прочитать. Я совершенно отсталъ отъ новой литературы. Какъ хороши *Губернскіе Очерки*, въ томъ числѣ и Мавра Кузьмовна, Салтыкова, и какъ превосходно ихъ читаетъ Панченко (домашній медикъ Сапожничкова): безъ тѣли докламаціи. Миѣ кажется, что подобныя глубоко-грустныя произведенія иначе и читать не должно. Монотонное однообразное чтеніе спльнѣе, рельефнѣе рисуетъ этихъ

безддушныхъ, холодныхъ, этихъ отвратительныхъ Гарпій. Я благоговѣю передъ Салтыковымъ. О Гоголь, нашъ безсмертный Гоголь! Какою радостію возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокругъ себя такихъ гениальныхъ учениковъ своихъ. Други мои, искренніе мои! Пишите, подайте голосъ за эту бѣдную, грязную, чернь! — — —

6 сентября.

Въ 10 часовъ утра, князь Пожарскій бросилъ якорь у набережной города Самары. Издали, эта первой гильдии отроковица весьма и даже весьма неживописна. Я вышелъ на берегъ и пошелъ взглянуть поближе на эту чопорную юную купчиху, и купить коты. На улицѣ попался мнѣ И. Явленскій, и мы *солча* пустились созерцать городъ ровный, гладкій, набѣленный, нафабранный, до тошноты однообразный городъ.

Какъ изъ любопытства, такъ и вслѣдствіе вопіющаго аппетита—это случилось часу около второго—мы велѣли извозчику ѣхать къ самому лучшему трактиру въ городѣ; онъ и поѣхалъ, и привезъ насъ къ самому лучшему заведенію, т. е. трактиру. Едва вступили мы на лѣстницу сего заведенія, какъ оба въ одинъ голосъ проговорили: здѣсь русскій духъ, здѣсь русью пахнетъ, т. е. саломъ, гарью и всевозможной мерзостью. У насъ однакожь хватило храбрости заказать себѣ котлеты, но увы, не хватило терпѣнія дожидаться этихъ безконечныхъ котлетъ. Явленскій бросилъ половому полтинникъ, ругнулъ маненько, на что тотъ молча съ улыбкою поклонился и мы вышли изъ заведенія. Огромнѣйшая хлѣбная пристань на Волгѣ, приволжскій, Новый Орлеанъ! и нѣтъ порядочнаго трактира.

Послѣ мнимаго завтрака, мы поѣхали въ лавки. Въ лавкахъ, даже въ лавочкахъ, не оказалось такого товара, какой мнѣ былъ необходимъ (коты), и мы отправились на пароходъ.

Въ капитанской каютѣ на полу увидѣлъ я взятый листокъ стараго знакома Русскаго Инвалида, поднялъ его и отъ нѣчего дѣлать принялся читать фельетонъ. Тамъ говорилось о китайскихъ инсургентахъ и о томъ, какую рѣчь произнесъ Гонгъ, предводитель инсургентовъ. передъ штурмомъ Нанкина. Рѣчь начинается такъ: «Богъ идетъ съ нами; что же смогутъ противъ насъ демоны?»

Мандарины эти—жирный убойный скотъ, годный только въ жертву— — —

Въ Самарѣ живетъ богатый купецъ Свѣтовъ, глава секты ма-
лакановъ. Правительство (кроткими мѣрами) заставляеть его при-
нять православіе, но онъ, не смотря на кроткія мѣры, рѣшительно
отказался отъ православія и изъявилъ желаніе принять кальвинизмъ.
На что однакожь правительство не изъявило своего желанія, и
оставило его въ покоѣ, запретивъ ему и его сектѣ торговать.

7 сентября.

Въ 10 часовъ утра, при свѣжемъ нордѣ съ дождемъ и снѣ-
гомъ, мы оставили Самару. Отъ Самары вверхъ, начинаеть под-
ниматься лѣвый берегъ Волги: это плоская возвышенность Же-
гульскихъ горъ. Черезъ два часа мы подошли къ воротамъ Жи-
гульскихъ горъ. Это—ущелье, съ узвѣшее Волгу до одной версты;
за горами, какъ за рамой, открылась намъ новая, доселѣ неви-
данная, панорама, изпятнанная темносиними полосами. Это оби-
татель сѣвера — сосновый лѣсъ. На первый планъ этой панорамы,
изъ-заущелья, поросшаго чорвымъ лѣсомъ, высунулась обнажен-
наяотдѣльная гора. Это Царевъ-курганъ; народное преданіе гово-
ритъ, что Петръ первый, путешествуя по Волгѣ, останавливался
на этомъ мѣстѣ и всходилъ на эту гору, вслѣдствіе чего она и по-
лучила названіе Царева кургана.

Гора эта своею формою и величиною напомнила мнѣ такую
же гору близъ Звенигородки, Кіевской губерніи въ селѣ Гудзивци. И
Гудзивскую гору, быть можетъ, какой нибудь— господишь освятилъ
своимъ возшествіемъ, но земляки мои какъ-то тупо сохраняють
въ своей памяти подобныя событія. — — —

Не могъ я дознаться, на какомъ народномъ преданіи основи-
ваясь, покойный князь Воронцовъ назвалъ, въ своихъ Мошнахъ,
обыкновенную гору Святославою горою, съ которой будто бы этотъ
удалой варягъ любовался на свою дружину, пѣнвшую святой
Дибиръ своими разбойничьими ладьями. Я думаю это просто фан-
тазіи и ничего больше. Князю просто пожелалось украсить свой
великолѣпный паркъ башнею въ родѣ маяка; вотъ онъ и сочи-
нилъ народное преданіе, приравнивъ его къ мѣстности, и оляно-
ватую свою башню назвалъ башнею Святослава. А Михайло Гра-

бовскій (не въ осудъ будь сказано) чуть-чуть было документально не доказалъ народнаго преданія о Святославовой горѣ.

Капитанъ нашъ—спасибо ему—догадался сегодня изъ своей каюты ажуръ, сдѣлать посредствомъ *кошотъ* каюту-темищу, и учредилъ въ ней чугунную печь, и я теперь буквально нахожусь въ теплыхъ объятіяхъ друга.

Вотъ тебѣ и Волжскіе комары, которыхъ я такъ боялся.

8 сентября.

Утро ясное, тихое, съ морозомъ. Лѣвый берегъ Волги отъ самага Царскаго кургана замѣтно понижается и сегодня рано я его увидѣлъ такимъ точно, какъ и до Самары, ровный, плоскій: однообразный. Правый берегъ по прежнему угрюмо возвышенъ и покрытъ мелкимъ лѣсомъ. Если бы и можно было рисовать, то совершенно рисовать нѣчего, кромѣ развѣ огромной расшивы, стоящей на якорѣ посреди вѣ Волги какъ на зеркалѣ.

Я рассчитывалъ, что казенные смотровые сапоги послужатъ мнѣ по крайней мѣрѣ до Москвы, а они и до Симбирска не дотянутъ; измѣшилъ проклятые, Иванъ Никифоровичъ Явлевскій замѣтилъ этотъ ущербъ въ моемъ весьма щегольскомъ костюмѣ, и предложилъ мнѣ свои сапоги изъ числа запасныхъ, за что я ему сердечно благодаренъ. Сапоги его пришлось мнѣ по ногѣ, и я теперь щеголяю почти въ новыхъ сапогахъ, въ добавокъ на высокихъ каблучкахъ, что мнѣ не совѣмъ нравится, но дареному коню въ зубы не смотреть.

9 сентября.

Симбирскъ—отъ видишь,
А педѣлю вдешь.

Бурлацкая поговорка.

Съ восходомъ солнца, далеко, на пологой возвышенности, упирающейся въ Волгу, показался Симбирскъ, т. е. нѣсколько бѣлыхъ пятишекъ неопредѣленной формы. Матросъ вахтенный, указывая мнѣ на бѣленькіе пятнушки, проговорилъ бурлацкую поговорку, которую я тутъ же и записалъ. Отъ Селенга до Симбирска 50 верстъ и это пространство мы проплыли не вырѣдженіи недѣли,

во впродолженіи битыхъ девяти часовъ. Князь Пожарскій сегодня какъ-то особенно медленно двигался впередъ. А можетъ быть, мнѣ это такъ показалось, потому что Симбирскъ не сходилъ съ горизонта, въ которомъ мнѣ хотѣлось побывать. засвѣтло, взглянуть на монументъ Карамзина. Симбирскъ, вмѣсто того, чтобы приблизиться ко мнѣ, увы! совершенно скрылся за непрошцаемой завѣсой, сотканной изъ дождя и снѣга. Морзость эта усиливалась, вечеръ быстро близился и я терилъ надежду видѣть на мѣстѣ музу исторіи, которую я видѣлъ только въ мастерской незабвеннаго Ставассера. Чего я боялся, — то и случилось. Едва къ пяти часамъ князь положилъ свой якорь, у какой-то досчатой пристани. Прочая декорация была закрыта дождемъ и снѣгомъ. Не смотря на все это, я рѣшился выйти на берегъ. Черноземная моя родная грязь по колѣна, и ни одного извозчика. Промочивши въ лужѣ и грязи ноги, я возвратился, нельзя сказать благополучно, на пароходъ.

Другой разъ я проѣзжаю мимо Симбирска, и другой разъ не удается мнѣ видѣть монументъ исторіографа. Первый разъ въ 1847 г. меня провезли мимо Симбирска; тогда было не до монумента Карамзина. Тогда я едва успѣлъ пообѣдать въ какой-то харчевнѣ, или вѣрнѣе сказать, въ кабакѣ. Во мнѣ была, (какъ я послѣ узналъ), экстренная надобность въ Оренбургѣ и потому-то — изъ Питера на осьмые сутки поставили меня въ Оренбургъ. — — Теперь же, въ 1857 г., вмѣсто экстренности, ночь — и съ такими отвратительными варіаціями, что глупо бы и думать о монументѣ Карамзина.

По случаю двадцатилѣтней супружеской жизни Катерины Никфоровны Козаченко, за завтракомъ поборолъ мы двухъ великановъ, подъ именемъ — прогнъ съ разными удивительными внутренностями, и по этому-то необыкновенному случаю обѣдали поздно, ровно въ 7 часовъ и ровно въ 7 часовъ положили, рядомъ съ княземъ, якорь пароходъ *Сусанинъ*. Капитанъ Сусанинъ, Яковъ Осиповичъ Воз — былъ приглашенъ самимъ хозяиномъ къ обѣду. Послучаю неудачи видѣть Симбирскъ и монументъ Карамзина, у меня родился и быстро выросъ великолѣпный проэктъ: за обѣдомъ наняться пьянымъ, но весь этотъ великолѣпный проэктъ удался только въ половину.

Послѣ обѣда зашли мы въ капитанскую свѣтелку (такъ называютъ волжскіе плаватель-матросы напалубную капитанскую каюту), и принялись за чай. Между прочими интересными разговорами за чаемъ, Воз—ынъ сказалъ, что онъ послѣ закрытія Волжской навигаціи ѣдетъ въ свое помѣстье (Тверской губерніи), по случаю освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Онъ хотя и либераль, но какъ самъ помѣщикъ проговорилъ эту великолѣпную новость весьма съ неудовольствіемъ. Замѣтя сіе филантропическое чувство въ помѣщикѣ Тверской губерніи, я почелъ лишнимъ завести разговоръ съ помѣщикомъ о столь-щекотливомъ для него предметѣ. И не раздѣливъ восторга, пробужденнаго этой великой новостью, я закутался въ свой чапанъ и заснулъ сномъ праведника.

10 сентября.

Вчерашній мой великолѣпный, вполонину удавшійся проэктъ, сегодня, и то уже слава Богу только вечеромъ, удался, и удался съ мельчайшими подробностями, — съ головою болью и прочимъ тому подобнымъ.

11 сентября.

(Записано другою рукой:)

»Такъ-какъ отъ глумленія пьянственнаго у Тараса колеблется десница, и просяи шуйцу, но и она въ твердости своей поколебася (тожъ отъ глумленія тогожъ пагубнаго пьянства), вслѣдствіе чего изъ состраданія и любви къ немощному, приѣмлю трудъ описать донь исчезающей изъ памяти ослабѣвающей.

»Тарасъ зашелъ-таки далеко, уподобясь тому богопріятному состоянію, какимъ не всѣ сыны Божіи награждаются — иже, на языкѣ порока и лжи тлетворной, *мухою* зовется. И бѣ свирѣпъ въ семъ положеніи, не давая сомкнуть мнѣ зѣницы въ ночи — ча-са одного и вѣщая неподобные изреки грѣшному міру сему, изрыгая ему проклятія, выстуная съ постели своей босъ и въ единомъ рубищѣ» (и т. д. Въ концѣ, тою же рукой, добавлено:)
P. S. Далѣе не жди отъ Тараса, о, бѣдное, имъ любимое чело-

вѣщество, никакого толку, и большого величія, и мудраго слова, ибо, опохмѣлившійся, — и т. д.

12 сентября.

Погода отвратительная. Князь Пожарскій и Сусанпъ положили, на ночь, якорь въ Спасскомъ затонѣ. Это зпмняя стоянка Меркуріевской компаніи. Здѣсь устроены мастерскія, квартиры для капитановъ, помѣщеніе для мастеровъ, школа и кабакъ. Мѣстность прекрасная, окруженная дубовыми рощами и, не смотря на холодную погоду, въ рощахъ сохранилась свѣжая зелень и нѣкоторые цвѣты, изъ которыхъ я набралъ маленькій букетъ, и какъ истинный Терпсъ Посошковъ, приподнесъ его милѣйшей баронессѣ М—мъ, одной изъ пассажирокъ князя Пожарскаго и жевѣ одного изъ капитановъ Меркуріевской компаніи. Милая, привлекательная женщина.

Утро ясное съ морозомъ до пяти градусовъ. Къ 12 часамъ дня погода по вчерашнему измѣнилась въ перемежающійся дождь съ снѣгомъ. Князь Пожарскій благополучно перешелъ Красновидовскій перекалъ (мели) и въ 11 часовъ вечера положилъ якорь въ 10 верстахъ отъ Казани.

13 сентября.

Казань—городокъ
Москвы уголокъ.—

Эту поговорку слышалъ я въ первый разъ въ 1847 г. на почтовой станціи въ Симбирской губерніи, когда препровождался я въ Оренбургъ. Какой-то упитанный Симбирскій степнякъ, описывая великолѣпніе города Казани, замкнулъ свое описаніе этою ловкою поговоркою. Сегодня поутру увидѣлъ я издали Казань, и давно слышанная поговорка сама собою вспомнилась и невольно проговорилась. Едва пароходъ успѣлъ положить якорь, какъ я выскочилъ на берегъ, помѣстился за четвертакъ въ татарской телѣжкѣ и пустился въ городъ. Какъ издали, такъ и вблизи, такъ и внутри, Казань чрезвычайно живо напоминаетъ собою уголокъ Москвы: начиная съ церквей, колоколенъ до саякъ и калачей, вездѣ, на каждомъ шагѣ, видишь вліяніе бѣлокаменной

Москвы. Даже башня Сумбеки, несомнѣнный памятникъ временъ татарскихъ, показался мнѣ единоутробною сестрою Сухаревой башни. Большая улица (конечно, Московская), ведущая въ Кремль, смахиваетъ на Невскій проспектъ своею чопорностью и торцовой мостовою. Улица эта начинается великолѣпнымъ зданіемъ университета, украшеннаго грандіозными тремя іоническими портиками. Жаль: этому прекрасному зданію не достаётъ площади. Оно бы много выиграло, и монументъ пѣвца Екатерины не красовался бы на дворѣ въ миниатюрномъ палисадникѣ, меланхолически созерцаемый рудою коровою.

Полюбовавшись, вмѣстѣ съ рудою коровою, статуею сплетателя торжественныхъ одъ, я, проходя черезъ дворъ, встрѣтилъ студента съ порядочно синимъ подбородкомъ, — почему и заключилъ, что онъ, не новичекъ въ здѣшней аудиторіи. На этомъ основаніи, я обратился къ нему, не помнить ли онъ Посяду и Андрускаго, переведенныхъ въ 1847 году изъ Кіевскаго университета въ Казанскій. Онъ сказалъ, что не помнить и совѣтовалъ мнѣ обратиться къ старому сторожу Игнатьеву. Я вѣжливо поблагодарилъ его за наставленіе, но, не находя нужнымъ примѣнить къ дѣлу это милое наставленіе, вышелъ на улицу. Выбдя на улицу, я услышалъ глухой шумъ барабана и увидѣлъ густую толпу народа, провожавшаго на казнь преступника. Чтобы не встрѣтить эту процессію, я своротилъ въ переулокъ, и въ числѣ бѣгущихъ смотрѣть эту процессію, я увидѣлъ молодую дѣвушку съ шармавкой за плечами и ободраннаго мальчика съ тамбуриномъ въ рукахъ. Мнѣ сдѣлалось не грустно, а какъ-то особенно скверно, и я опять взялъ за четвертакъ татарскую телѣжку и возвратился на пароходъ.

Возвращаясь на пароходъ, я увидѣлъ съ правой стороны отъ дороги памятникъ, воздвигнутый надъ костями убитыхъ при взятіи Казани царемъ Иваномъ Грознымъ. Это—усѣченная пирамида съ портиками, поставленная будто бы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ шатеръ царя грознаго. Печальный памятникъ.

14 сентября.

По случаю привятія новаго груза, пароходъ нашъ простоялъ до 11 часовъ утра у казанскаго берега. Пользуясь этимъ рѣ-

кимъ случаемъ и хотя пасмурною, но не мокрою погодою, я вышелъ на берегъ и сдѣлалъ два абриса: общій видъ Казани, и видъ на Волгу противъ Казани и села Услоуъ. Возвращаясь на пароходъ, купилъ я у смазливой перекупки соленого отваренаго ляща, и придя на пароходъ, задалъ себѣ настоящій плебейскій пиръ. Кромѣ ляща и новопетровской ветчины, заключилъ я свой пиръ головкой чесноку, съ чернымъ хлѣбомъ, и провонялъ не только капитанскую свѣтелку, но всего князя Пожарскаго. Спутники мои бѣгали отъ меня какъ чортъ отъ ладаву. Одна только милая хозяйка и добрѣйшая ея мамаша, Катерина Никифоровна Козаченко, нашли, что чеснокъ, хоть и воняетъ, но не такъ несносно, чтобы при встрѣчѣ со мною необходимо было закрывать носъ, и еще болѣе, чтобы доказать имъ, господамъ нелюбящимъ чесноку, что чеснокъ вещь не только не противная, но даже пріятная, обѣщавшись заказать обѣдъ съ чеснокомъ и обкормить хулителей. Милѣйшая Катерина Никифоровна!

Противъ города Свіяжска прошли благополучно Васильевскій перекалъ (мель) и встрѣтили пароходъ *Адашевъ* Меркуриевской же компании. Онъ буксируетъ двѣ баржи съ дровами и одну изъ нихъ посадилъ на мель. Князь Пожарскій попытался было стащить ее съ мели, но безуспѣшно, и пройдя нѣсколько верстъ впередъ, положилъ якорь на ночь, изъ опасенія съѣсть на Вязовскомъ перекалъ. Выше устья Камы, Волга змѣтно сдѣлалась уже и мельче.

15 сентября.

Проспалъ я ровно до 9 часовъ утра. Надо думать, что это случилось со мною подъ глухой шумъ князя Пожарскаго, потому что со мною этого прежде не случалось ни даже подъ нетрезвую руку. Это на диво долгое спаніе заключилось отвратительнымъ сновидѣніемъ. Меня разбудилъ громъ падающаго якоря, т. е. цѣпи, передъ Ураковскимъ перекаломъ.

Пользуясь сей непродолжительной стоянкой и продолжительнымъ тихимъ переходомъ черезъ сей Ураковскій перекалъ, я нарисовалъ, бѣлымъ и чернымъ карандашомъ, довольно удачно, портретъ Михайла Петровича Комаровскаго, будущаго капитана будущаго парохода; а Сапожникова, за то, что онъ подарилъ мнѣ свои бархатные теплые сапоги.

Въ 10 часовъ вечера князь Пожарскій положилъ якорь передъ Гремячевскимъ перекатомъ.

16 сентября.

Вчера мнѣ ничто не удалось. Поутру началъ рисовать портретъ Е. А. Панченка, домашняго медка А. Сапожникова. Не успѣлъ сдѣлать контуры, какъ позвали завтракать. Послѣ завтрака пошелъ я въ капитанскую свѣтелку съ твердымъ намѣреніемъ продолжать начатый портретъ, какъ началъ открываться изъ-за горы городъ Чебоксары. Ничтожный, но картинный городокъ. Если не больше, такъ покрайней мѣрѣ на половину, будетъ въ немъ домовъ и церквей. И все старинной Московской архитектуры. Для кого и для чего онѣ построены?

Когда скрылися отъ насъ живописные грязные Чебоксары, я снова принялся за портретъ. Но принялся вяло, неохотно. Принялся для того, чтобы его кончить и кончить, разумѣется, скверно.

Отъ этой первой неудачи я съ досады легъ спать, и проспалъ прекрасный видъ села Ильинскаго. Ввечеру, когда князь Пожарскій положилъ на ночь якорь, и все успокоилось, я, чтобы хоть чѣмъ-нибудь вознагражить двѣ неудачи, принялся переписывать *Собачій Пиръ*, какъ вошелъ въ свѣтелку А. С. съ К. и Н. и ни съ сего ни съ того составилъ у насъ литературный вечеръ. Капитанъ нашъ вытащилъ изъ подъ спуда Полярную Звѣзду 1824 году и прекрасно прочиталъ намъ отрывки изъ поэмы Наливайко, а Сапожниковъ отрывки изъ поэмы Войнаровскій. Потомъ А. А. пригласилъ насъ ужинать, и какъ это случилось въ 12 часовъ, то за ужиномъ оказалась именница, а именно бабушка Любовь Григорьевна Явленская. Поздравили и, не одинъ и не два, а три раза поздравили. Потомъ начали отсутствующихъ именницъ поздравлять, и я таки порядкомъ напоздравлялся.

Не смотря на послѣднее вчерашнее событіе, я сегодня проснулся рано и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялся за свой журналъ и пока братія еще въ объятіяхъ морфея, буду продолжать *Собачій Пиръ* до новой *перепойки*.

Съ зажженнымъ фитилемъ, приложеннымъ къ орудію, и проч.

17 сентября.

Вчера праздновали именины милѣйшей бабушки Любовь Григорьевны Явленской. Сегодня празднуемъ день рожденія ея милѣйшаго внука, А. А. Сажопикова. А пока еще грозитъ завтракъ, то я по вчерашнему воспользуюсь безмятежнымъ утромъ и перепису еще одно стихотвореніе изъ заветной портфели нашего обязательнѣйшаго капитана.

Спасибо Ивану Никифоровичу Явленскому за то, что онъ отъказался отъ завтрака и помогъ мнѣ кончить превосходную прелюдію къ превосходнѣйшему стихотворенію, которое и, если Богъ поможетъ, перепису завтра.

18 сентября.

Не хвалися, идучи на рать...

Вчера вечеромъ путешественники и путешественницы съиграли по послѣдней пулкѣ преферанса въ каютъ-компаніи кн. Пожарскаго, рассчитались и расплатились до денешки за всѣ пулвки, съигранныя впродолженіи рейса, т. е. отъ 22 августа. Покончивши эту статью, сѣли за ужинъ, приготовленный изъ послѣдней провизіи. Поужинали, разумѣется — въ послѣдній разъ, въ каютъ-компаніи. Выпили послѣдній хересъ, мадеру и, кажется, шампанское, составили проектъ завтрашняго обѣда въ Нижнемъ-Новгородѣ и разошлись спать. Хорошо. Съ разсвѣтомъ князь Пожарскій поднялъ якорь, свиснулъ, фыркнулъ и весело захопалъ своими огромными колесами. Хорошо. Берега быстро мѣняются свои контуры. Пролетаемъ мы мимо красиваго по мѣстоположенію села Зименки, помѣщика Дадьинова. Вотъ, летимъ мы во весь духъ мимо этого замѣчательнаго села, какъ вдругъ лѣвое колесо перестало вертѣться и изъ К. Пожарскаго—дельфина сдѣлалась черепаха. Что случилось? раздался общій голосъ. *Шатунг* лопнулъ, раздался въ отвѣтъ одинокій голосъ машиниста. Я смекнулъ, что прежде вечера мы не будемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ т. е. прежде вечера не будемъ обѣдать; смекнувши дѣломъ, я пошелъ въ капитанскую свѣтелку, выпилъ добрую чару лимонки, закусилъ ос-

таткомъ новопетровской ветчины, взялъ какую-то газету, легъ да и заснулъ себѣ съ Богомъ. Просыпаюсь, а нашъ К. Пожарскій топтѣ себѣ, тоже съ Богомъ, на Телячьемъ бродѣ: Собачій бродъ кое-какъ перешолъ, а Телячій не выготу стало. Чтѣ дѣлать? Паузитья, т. е. перегружаться. Пауза эта длится до сихъ поръ, т. е. до перваго часу ночи. А путешественницы и путешественники пробавляются натоцакъ въ сралашъ, въ ожиданіи Нижегородскаго обѣда.

19 сентября.

Пауза продолжалась за полночь. Съ разсвѣтомъ К. Пожарскій поднялъ якорь и, какъ подстреленный орелъ, захлопалъ однимъ колесомъ своимъ. Взошло солнце и освѣтило очаровательныя окрестности Нижняго-Новгорода. Я хотѣлъ было хотѣ что впбудь начертить, но увы, дрожаніе палубы при одномъ колесѣ еще ощутительнѣе, а сѣрыя сырыя тучки не замедлили закрыть животворящее свѣтило и задернуть прозрачнымъ сѣрымъ туманомъ живую декорачію. Декорачія отъ тумана сдѣлалась еще очаровательнѣе, но рисовать ее рѣшительно невозможно: тучки, небесныя вѣчныя странницы, пустили изъ себя такую мерзость, что я укрылся въ капитанскую свѣтелку и принялся за свои *чуалы* (торбы).

Въ 11-ть часовъ утра К. Пожарскій положилъ якорь противъ Нижняго-Новгорода. Тучки разошлись и солнышко привѣтливо освѣтило городъ и его прекрасныя окрестности. Я вышелъ на берегъ и безъ помощи извозчика, мимо красавицы 17 столѣтія — церкви св. Георгія, поднялся на гору. Зашелъ въ гимназію къ Бобржицкому, бывшему студенту Кіевскаго университета; не найдя его дома, я пошелъ въ Кремль. Новый соборъ отвратительное зданіе. Это огромная квадратная ступа съ пятью короткими толкачами. Неужели это дѣло рукъ Константина Тона? невѣроятно. Далѣе. Приношеніе благодарнаго потомства гражданину Минину и К. Пожарскому — комбечное, позорящее неблагодарное потомство, приношеніе! угѣшительно, что этотъ грошовый обелискъ уже переломился.

Изъ Кремля зашелъ я опять къ Бобржицкому и опять не засталъ его дома. Изъ гимназіи пошелъ я искать въ Покровской

улицѣ, домъ Сверчкова, квартиру А. А. Сапожникова. Нашелъ. И только что успѣлъ поздравить съ временнымъ новосельемъ хозяйна, хозяйку и вообще спутницъ и спутниковъ; какъ является Николай Александровичъ Брылкинъ (главный управляющій компаніею пароходства Меркурій) и по секрету отъ другихъ объявляетъ—сначала хозяйну, а потомъ мнѣ, что онъ имѣеть особенное предписаніе полиціймейстера дать знать ему о моемъ прибытіи въ городъ. Я хотя и тертый калачъ, но такая неожиданность меня сконфузила. Позавтракавши кое-какъ, я отправился на пароходъ, поблагодарилъ моего доброго друга-капитана за его обязательности, взялъ свой паспортъ и передалъ его, вмѣстѣ съ вещами, Н. А. Брылкину. Успокоившись немного, я въ третій разъ пошелъ къ Бобржицкому и на сей разъ нашелъ его дома съ широкораспростертыми объятіями. Въ 8 часовъ вечера я отправился къ Н. А. Брылкину, провелъ у него часа два времени въ дружеской бесѣдѣ, взялъ у него для прочтенія... изданіе и отправился къ Павлу Абрамовичу Овсянникову, на мою временную квартиру.

20 сентября.

До перваго часу лежалъ. читалъ — А въ первомъ часу и отправился къ Сапожниковымъ. Послѣ обѣда проводилъ моихъ старыхъ милыхъ спутниковъ и спутницъ до почтовой конторы, и простился съ ними. Онѣ въ почтовыхъ каретахъ отправились въ Москву. Когда увижусь я съ вами, прекраснѣйшіе люди? Просилъ Комаровскаго и Явленскаго цѣловать въ Москвѣ моего старога друга Щепкина, а Сапожникова просилъ въ Петербургѣ цѣловать мою святую заступницу графиню Н. П. Т — ую. Вотъ тебѣ и Москва! вотъ тебѣ и Петербургъ! и театръ и академія и эрмитажъ и сладкія дружескія объятія земляковъ, друзей моихъ Лазаревскаго и Гулака-Артемовскаго!

Въ 7 часовъ вечера зашелъ я къ Н. А. Брылкину, встрѣтилъ у него Овсянникова и Кишквина и дружеской откровенной бесѣдой заглушилъ вопли такъ внезапно уязвленнаго сердца. Если бы не эти добрые люди, мнѣ бы пришлось теперь сидѣть за рѣшеткой и дожидать указа объ отставкѣ или просто броситься въ объятія красавицы Волги. Последнее, кажется, было бы легче.

21 сентября.

— Сегодня, как и вчера, погода, — дрянь, слякоть и мерзость. На улицу выйти — нет возможности. Изъ-за стѣны Кремля показывается соборъ свои безобразные толкачи съ рѣповидными верхушками, и ничего больше не видно изъ моей квартиры. Скучно. Пошелъ къ Н. А. Брылкину обѣдать. Послѣ обѣда, какъ и до обѣда, лежалъ и читалъ Богдана Хмельницкого, Костомарова. Прекрасная книга, вполне изображающая этого гениальнаго бунтовщика. Поучительная, назидательная книга! Историческая литература сильно двинулася впередъ въ продолженіи послѣдняго десятилѣтія. Она освѣтила подробности, започвенныя дымомъ фамиама усердно кадинаго передъ — — идолами.

22 сентября.

Погода постоянно скверная. Я постоянно лежу и читаю Зиновія Богдана. Прекрасная, современная книга! Отъ нѣчего дѣлать нарисовалъ сегодня портретъ В. В. Кншкіна удовлетворительно. Обѣдалъ, по обыкновенію, у Н. А. Брылкина, и по обыкновенію послѣ обѣда читалъ и спалъ.

23 сентября.

Н. А. Брылкинъ ѣздилъ въ Балахну съ мистеромъ Стремомъ, американскимъ инженеромъ, посмотрѣть на строящійся тамъ пароходъ и баржи для компаніи Меркурій. Отъ нѣчего дѣлать и я напросился имъ сопутствовать. Щегольской, новенькой пароходъ *Лоцманъ*, въ полдень, поднялъ якорь и понесъ насъ вверхъ по Волгѣ. Съ разными остановками, въ 5 часовъ вечера, мы наконецъ остановились у Балахны. Едва успѣлъ вскарабкаться на кучу бревенъ и взглянуть на эту родительницу безчисленныхъ живописныхъ расшивъ, какъ инспекція кончилась и я пошелъ къ лоцману.

Изъ рассказовъ я узналъ, что Балахна одна изъ главныхъ верфей на берегахъ Волги, тоже что на Окѣ Дѣдново, гдѣ строился голандскими мастерами первый русскій корабль Орелъ. Въ

десятомъ часу возвратились въ Нижній, пообедали или поужинали и разошлись спать.

24 сентября.

Утро было хотя и неясное, по крайней мѣрѣ безъ вѣтру и дождя. Воспользовавшись сею безцвѣтною погодою, я съ крѣпечка моей квартиры начертилъ верхушку церкви св. Георгія. Хотя что нибудь да дѣлалъ.

25 сентября.

Опять дождь, опять слякоть. Настоящее безвыходное положеніе. Старинныя Нижегородскія церкви меня просто очаровали. Онѣ такъ милы, такъ гармонически пестры, а отвратительная погода не дастъ мнѣ рисовать ихъ. И, однакожь, сегодня перехитрилъ упрямую погоду. Рано поутру пошелъ въ трактиръ, спросилъ себѣ чаю и нарисовалъ изъ окна Благовѣщенскій соборъ. Древнѣйшая въ Нижнемъ церковь. Нужно будетъ узнать время ея построенія. Но отъ кого? Къ пьянымъ не хочется мнѣ обращаться, а больше не къ кому. Нижній-Новгородъ во многихъ отношеніяхъ иностранннй городъ и не имѣетъ печатнаго указателя. Дико! по-татарски дико!

26 сентября.

Нарисовалъ портретъ мамзель Анхенъ Шауббе, гувернантки Брыкпныхъ; очень милая молодая нѣмочка, рѣзвая, напвная, настоящій мальчикъ въ юбкѣ.

Прочиталъ комедію Островскаго «Доходное Мѣсто». Не понравилась. Много лишняго, ничего неговорящаго, и вообще аляповато; особенно женщины пенатуральны. Въ скоромъ времени ее будутъ давать на здѣшней сценѣ. Нужно будетъ посмотреть.

27 сентября.

Солнце сегодня взошло свѣтло и весело. Я пошелъ въ Кремль и началъ рисовать соборную колокольню, но руки такъ озябли, оконченѣли, что и едва могъ сдѣлать общій абрисъ. Пользуясь улыбкою осенняго дня, я послѣ завтрака отправился къ Печерскому мона-

стырю съ намѣреніемъ нарисовать эту живописную обитель. Выбралъ точку. Прилежъ отдохнуть. И легѣмый теплыми лучами солнца, задремалъ и такъ плотно задремалъ, что проснулся уже передъ закатомъ солнца. Возвращаясь на квартиру мимо Георгіевскаго публичнаго сада, я зашелъ въ садъ встрѣтилъ много гуляющей публики обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ. Между женщинами, какъ на подборъ ни одной не только красавицы или хорошенькой, даже сносною не встрѣтилъ. Кажется, большою частію, старыя дѣвы. Бѣдныя старыя дѣвы!

28 сентября.

Я предложилъ сеансъ моему доброму хозяину Павлу Абрамовичу Овсянникову. Портретъ былъ оконченъ къ двумъ часамъ довольно удачно. Погода прекрасная, я вышелъ на бульваръ. Между прочей публикой встрѣтилъ я на бульварѣ дѣтей, — три дѣвочки и мальчикъ. Прехорошенькія дѣти. Костюмъ ихъ показался и страннымъ и жалкимъ. На дѣвочкахъ были какія-то коротенькія легенькія дырявыя мантильки нѣмецкаго покроя. Ручонки нагія в почти босякомъ. На мальчикѣ поярковая сѣрая шляпа съ перомъ, мантилька такая же, какъ и на дѣвочкахъ, а башмаки еще хуже. Вообще показались мнѣ онѣ похожими на труппу младенцевъ-комедіантовъ. Я дошелъ съ ними до кондитерской, купилъ имъ сладкихъ пирожковъ на полтину и познакомился. Зовутъ ихъ Катя (самая бойкая), Надя и Дуня, а мальчика Сеней; дѣти онѣ нѣкого Арбеньева, театральнаго музыканта. Значитъ, я не многимъ ошибся. На разставаніи онѣ просили меня къ себѣ въ гости, и я разумѣется общалъ прибѣти.

Разставшись съ дѣтьми, вспомнилъ я Алексѣя Панфиловича Панова, крѣпостнаго Паганини, на князѣ Пожарскомъ; онъ зимуетъ въ Нижнемъ, и квартируетъ гдѣ-то противъ архіерейскаго дома. Съ георгіевской набережной пошелъ я къ архіерейскому дому съ цѣлію найти квартиру и навѣстить моего возлюбленнаго виртуоза. Квартиры виртуоза я однако жъ не нашолъ, а мимоходомъ зашелъ въ архіерейскій садъ. Это преимущественно липовая роща, обнесенная деревяннымъ заборомъ, посрединѣ которой красуется въ родѣ казармы, огромное трехъ-этажное зданіе (архіерейская келья). Недалекъ отъ зданія между деревьями, бесѣдка съ

колоколами, и въ другой сторонѣ также между деревьями четырьмя улья, обдѣланные на подобіе надгробныхъ памятниковъ. Вездѣ пусто и уныло, и нравственный застой на всемъ отражается. Скверно. Прийдя на квартиру, я, на совѣтъ градуцій, прочиталъ *Разсказъ маркера*, графа Толстаго. Поддѣльная простота этого разсказа слишкомъ очевидна.

1 октября.

Грязь, туманъ, слякоть и протчая атмосферическая гадость. Вслѣдствіе чего я предложилъ сеансъ г. Грассу, зятю Н. А. Брылкина.

Съ сегодняшняго дня начинаются здѣсь спектакли и послѣ обѣда Н. А. Брылкинъ пригласилъ меня въ свою ложу. Давали народную сантиментально-патріотическую драму Потѣхина. — *Судъ Людской не Божій*. Драма дряннъ съ подробностями. Г-жа Мочалова, независимо отъ своей бѣдной ватянутой роли, мнѣ понравилась. У ней движенія настоящей артистки. Т. Климовскій, какъ и роль его, приторенъ. Водевиль, *Коломенскій нахлѣбникъ*, — водевиль балаганный, и исполненъ былъ соотвѣтственно своему назначенію. Маленькій оркестръ въ антрактахъ игралъ нѣсколько номеровъ изъ Донъ-Жуана, Моцарта прекрасно, можетъ быть потому, что это очаровательное созданіе трудно сыграть непрекрасно. Зала театра небольшая, но отдѣлана просто и со вкусомъ. Публика, въ особенности женская, замѣчательно неблестящая и не многочисленная.

2 октября.

Утро ясное. тихое, съ морозомъ, нужно было вчера начатый портретъ г. Грасса сегодня кончить. я и принялся за работу съ тѣмъ, чтобы скорѣе кончить и итти къ Печерскому монастырю, съ цѣлію нарисовать его. Но, увы, монастырь этотъ мнѣ не дается. Кончивши портретъ, я нечаянно, но нелицемѣрно позавтракалъ, прилегъ на минутку вздохнуть и проспалъ ровно до двухъ часовъ. Непростительное свинство! Едва успѣлъ я проснуться, какъ вошелъ Н. А. Брылкинъ и предложилъ мнѣ итти съ нимъ на бульваръ погулять передъ обѣдомъ. На бульварѣ встрѣтили мы нѣкоего господина Я—и. Н. А. откомендовалъ меня сему го-

сподину Я—и. Онъ просилъ насъ къ себѣ обѣдать и мы не отказались. Г. Я—и одинъ изъ Нижегородскихъ арестократовъ, весьма любезный и довольно ѣдкій либераль и вдобавокъ любитель живописи. Онъ показалъ мнѣ свой альбомъ, ни чѣмъ особенно не замѣчательный, и картину плохо освѣщенную. Картина съ большими достоинствами, изображающую молящагося какого-то молодого святаго; выраженіе лица прекрасно. По увѣренію хозяина, эта драгоценность принадлежитъ кисти Гверчино, а потому она больше похожа на хорошую копию съ Доменикино Цампьерри. Но я хозяину не сказалъ моего мнѣнія, по опыту зная, какъ трудно противорѣчить знатокамъ живописи. На разставаньи онъ взялъ съ насъ слово быть завтра вечеромъ въ клубъ, при выборѣ старшинъ, гдѣ общалъ меня познакомить съ своими товарищами и угостить музыкой; я не прочь и отъ музыки и отъ знакомства, въ-особенности отъ знакомства. Мнѣ необходима денежная работа, а иначе я долженъ буду обратиться опять за святыми финансами къ моему искреннему М. Лазаревскому. Попробую не удастся ли устранить эту необходимость.

3 октября.

Русскіе люди, въ томъ числѣ и Нижегородцы, многими одолжились отъ европейцевъ и, между прочимъ, словомъ клубъ. Но это слово совершенно не къ лицу русскому человѣку. Имъ бы лучше было одолжиться подобнымъ словомъ, — а оно вѣрно существуетъ въ китайскомъ языкѣ—одолжиться бы у Китайцевъ и Японцевъ, если они отринули свое родное слово *посидѣлки*, удивительно вѣрно изображающее русскія дворянскія сборища. У европейцевъ клубъ имѣетъ важное политическое значеніе, а у русскихъ дворянъ это даже и не яврская сходка, а просто посидѣлки. Они собираются посидѣть за ломберными столами, помолчать, поѣсть и выпить.

Послѣ выбора старшинъ, любезнѣйшій г. Я—и представилъ меня своимъ товарищамъ, въ томъ числѣ генералу Веймарну и г. Кудлаю (полицеймейстеръ № 2). Генералъ Веймарнъ замѣчательнъ тѣмъ, что онъ похожъ вообще на прекраснаго простаго человѣка, а г. Кудлай кромѣ того, что не похожъ на полицеймейстера, какъ и товарищъ его Лааа, замѣчательнъ тѣмъ, что онъ другъ и

дальный родственникъ моего незабвеннаго друга и товарища, покойнаго Петра Степановича Петровскаго. Много и многое разбудилъ онъ въ моемъ сердцѣ своимъ живымъ воспоминаніемъ о прекрасныхъ минувшихъ дняхъ. Мы съ нимъ до того увлеклись минувшимъ, что незамѣтили какъ настоящія посидѣлки кончились: въ заключеніе усовѣтовали, писать къ брату покойнаго моего друга, Павлу Степановичу Петровскому, чтобы онъ, отложивъ всякое пооченіе, навѣститъ бы насъ въ Нижнемъ Новѣградѣ и, если можно, захватилъ бы съ собою и моего искренняго Михаила Лазаревскаго.

Per. 277 ^d / 1862, 3.4

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛІТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочю братья и Русьскій Земли «
Владиміръ Мономахъ.

1862

БЕРЕЗІЛЬ

(МАРТЪ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕЦКА.

Девятый отрывокъ.

4 октября 1857.

До 12 часовъ я велъ себя хорошо. Не кончивши портретъ Аделаиды Алексѣевны Брылкиной, попросилъ я, у Николая Александровича Брылкина, экипажа, съ намѣреньемъ сдѣлать визиты, пришелъ домой, вырядился, съ помощью Павла Абрамовича Овсянникова, какъ первостатейный фрагтъ, и началъ свою визитацию съ г. В—рна. Г. В—рнъ, на первый разъ, показался мнѣ, въ домашнемъ быту, человѣкомъ аккуратнымъ, но не чопорнымъ; вели мы рѣчь о томъ, что у насъ пути сообщенія больше нежели гнусны; напримѣръ, въ Черниговѣ, въ 1843 году, на базарѣ продавали муку 20 к. ср. пудъ, а въ мѣстечкѣ Гомели ту же самую муку продавали 1 р. ср. пудъ. Поговоривши о путяхъ сообщенія, мы слегка коснулись и военнаго сословія, однимъ словомъ: «совсѣмъ незавидное», — что, конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнью. Заключивши наше обоюдное любезничество такимъ мнѣніемъ о военномъ сословія, я простился съ г. генераломъ и поѣхалъ къ доктору Гардвигу. (Написано чужой рукой: Далѣе слѣдуетъ рукою Тараса Григорьевича:)

5 октября.

Михайло — хорошій слуга, но въ секретари не годится, малограмотенъ. Я хотѣлъ по примѣру Юлія Цезаря и работать, т. е. рисовать, и диктовать; но мнѣ ни то, ни другое не удалось. За двумя зайцами погоняться — ни одного не поймашь. Пословица очень справедлива. Не знаю, умѣлъ ли Юлій Цезарь рисо-

вать, а диктовать, говорить, онъ могъ разомъ письма о пяти совершенно разныхъ предметахъ, — чему я почти не вѣрю. Но не о томъ рѣчь, а рѣчь о томъ, что у меня еще и сегодня колеблется десница отъ позавчерашняго глумленія пьянственнаго, и я вчера только видъ показывалъ, что я будто бы рисую, а гдѣ тамъ! и фонъ не могъ *конопатить*... Такъ только, абп-то.

Остановились мы на томъ, какъ я приѣхалъ къ доктору Гартвигу.

6 октября.

Вчера только я успѣлъ обмокнуть перо въ чернило, описать визитъ мой доктору Гартвигу и перейти къ нецеремонному визиту г. Кудлаю, какъ дверь съ шумомъ растворилась и вошелъ въ комнату самъ Кудлай. Разумѣется, я положилъ омоченное въ чернило перо, встрѣтилъ дорагаго свѣтскаго гостя въ подштаникахъ и послѣ лобызаній, *вдарились* сначала въ обыкновенный пустой разговоръ, а потомъ перешли къ воспоминаніямъ о Питерѣ, о покойномъ Петровскомъ и о великомъ Брюловѣ. Воспоминанія наши были прерваны приходомъ слуги отъ Н. А. Брылкина съ предложеніемъ обѣда. Я проводилъ моего гостя, одѣлся и отправился къ Н. А. обѣдать. Послѣ обѣда, рѣзвухка мамзель Авхенъ Ш-бе предложила соучествовать ей въ театрѣ; я съ удовольствіемъ принялъ ея предложеніе, и во второй разъ слушалъ музыку Моцарта изъ Донъ-Жуана, а въ первый разъ видѣлъ драму Коцебу *Сынъ Любви*, — о существованіи которой я зналъ по слуху. Драма моей рѣзвой соучицѣ очень понравилась, какъ произведеніе Коцебу, а мнѣ, къ ужасу моей дамы, тоже понравилась — *только не совсемъ*, за что я получилъ изъ улыбающихся устъ восторженной нѣмки названіе грубаго варвара, неспособнаго сочувствовать ничему прекрасному и моральному. Роль Амаліи, дочери барона, исполняла артистка Московскаго театра госпожа Васильева, натурально и благородно; а прочіе, кромѣ г. Платонова (роль барона) — лубочно. За драмою послѣдовала *Путаница*; по здѣшнему — хорошо, а по моему — тоже лубочно. Спектакль кончился въ первомъ часу къ удовольствію публики вообще и моей спутницы въ особенности.

7 октября.

Морозъ закалилъ наконецъ непроходимую грязь; это хорошо. Нехорошо только то, что если онъ установится, то лишитъ меня возможности нарисовать здѣшнія старинныя церкви, которыя мнѣ такъ понравились. Въслѣдствіе-уже не слякоти, а преждевременнаго гостя-мороза, я сидѣлъ дома, написалъ Махайлу Лазаревскому о притчѣ, случившейся со мною въ Нижнемъ Новѣгородѣ, и просилъ прислать мнѣ сколько-нибудь денегъ, потому что я на публику здѣшнюю плохо надѣюсь.

8 октября.

Пользуясь хорошею погодою, я позавтракалъ сыто и пошелъ гулять. Обогнувши два раза Кремль и полюбовавшись окрестными видами и коническими старинными колокольнями, какъ липца виноградомъ, зашелъ къ моему поставщику чтенія, къ милѣйшему Константину Антоновичу Шрейдерсу, бывшему студенту Кіевскаго университета и, въ нѣкоторомъ родѣ, земляку моему. Встрѣтилъ у него нѣкоего барона Торнау, полковника генеральнаго штаба, человѣка либеральнаго, прекрасно и неутомимо говорящаго. Во время послѣдней войны онъ былъ при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, военнымъ агентомъ; слѣдовательно ему есть о чемъ говорить. Жалѣю, что разговоръ его длился не болѣе получаса; онъ здѣсь проѣздомъ и, кромѣ того, торопился на обѣдъ къ губернатору.

Баронъ Торнау, между прочимъ, рекомендовалъ мнѣ на всякій случай своего близкаго пріятеля, извѣстнаго путешественника Ег. П. К — го, человѣка много-могущаго.

9 октября.

Сегодня поутру любезный Н. А. Брылкинъ принесъ мнѣ давно-жданное «краткое историческое описаніе Нижняго Новгорода», составленное нѣкимиъ Н. Хранцовскимъ. Но такъ какъ сегодня погода довольно сносная, то я, оставя сію интересную (книгу) до-вечера, отправился къ Печерскому монастырю. Кое-какъ набросавъ видъ монастыря, я съ окочевѣлыми руками прибѣжалъ домой. Позавтракалъ, поотогрѣлся и принялся за книгу. Книга хо-

рошая и достаточно знакомить съ исторією края и города. Жаль, что г. Хранцовскій объ архитектурныхъ памятникахъ, и вообще о памятникахъ старины, говоритъ слишкомъ скромно. Но и за то спасибо. Печерскій монастырь, что я сегодня рисовалъ, построенный при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ въ 1597 г. вмѣсто разрушившагося древняго монастыря, основаннаго архимандритомъ Діонисіемъ.

10 октября.

Сегодня погода не поблагопріятствовала моему доброму намѣренію рисовать Архангельскій соборъ въ Кремлѣ, и я предложилъ сеансъ Н. А. Брылкину и нарисовалъ его портретъ.

11 октября.

А сегодня, съ горемъ пополамъ, отправился поутру рисовать Архангельскій соборъ, озябъ до слезъ и ничего бы не сдѣлалъ, еслибы не попался на глаза генералъ Веймарнъ, командиръ учебнаго карабинернаго полка и, разумѣется, главный хозяинъ въ казармахъ, подъ которыми я расположился рисовать. Я рассказалъ ему о своемъ горѣ, и онъ обязательно позволилъ мнѣ помѣститься у любого окна въ казармахъ, чѣмъ я и воспользовался съ благодарностью. Поработавши, отправился я обѣдать къ Н. К. Якоби. Вмѣсто десерта онъ угостилъ меня одной брошюрой. Сердечное, задшевное, человѣческое слово!

12 октября.

Окончилъ вчера начатый рисунокъ Архангельскаго собора. Оригинальное, красивое и самое древнее, прекрасно сохранившееся, зданіе въ Нижнемъ Новгородѣ, соборъ этотъ построенъ во время великаго князя нижегородскаго Юрія Всеволодовича, въ 1227 году.

13 октября.

Рисовалъ карандашами портретъ Анны Николаевны П—ой, слывающей здѣсь красавицей первой стати. Первый портретъ рисую

за деньги, за 25 р.; посмотримъ, что дальше будетъ. Не худо бы, еслибы такихъ тароватыхъ красавицъ было погуще въ Нижнемъ. Хоть бы на портного заработалъ.

Послѣ сеанса, отправился обѣдать къ Н. К. Якоби, а послѣ обѣда отправился въ театръ. Спектакль былъ хоть куда: Васильева, въ особенности Піунова, были естественны и граціозны. Легкая, игривая роль ей къ лицу и по лѣтамъ. Увертюра изъ *Вильгельма-Телля* была исполнена прекрасно, словомъ—спектакль былъ блестящій.

Каковы-то теперь спектакли въ Птерѣ, на Большомъ Театрѣ! Хоть бы однимъ глазомъ взглянуть, однимъ ухомъ послушать.

14 октября.

Къ величайшему удовольствію, сегодня портретъ окончилъ, отдалъ, и весело вечеръ провелъ съ моимъ милымъ капитаномъ В. В. Кошкинымъ. На дняхъ онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Когда же я поѣду въ Петербургъ? Огвратительное положеніе. Немногимъ лучше чѣмъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи.

15 октября.

При вѣтрѣ и морозѣ нарисовалъ видъ двухъ безыменныхъ башень, часть Кремлевской стѣны и видъ на Заочье. Въ цѣломъ вышелъ порядочный рисунокъ. Я тороплюся сдѣлать побольше эскизовъ, на случай если придется мнѣ здѣсь зазимовать, такъ чтобы была хоть какая-нибудь работа. Обѣдалъ у Н. К. Якоби. Первую часть вечера провелъ у Брылкиныхъ, а вторую-съ Овсяниковымъ въ клубѣ, за *Пчелой* и бутылкой эля. Въ клубѣ познакомился съ г. Варенцовымъ. Это инспекторъ Института благороднаго при здѣшней гимназій, и товарищъ по университету Н. И. Костомарова. Отъ него я узналъ, что Костомаровъ еще не возвращался-изъ за границы въ Саратовъ, и что Кулишъ издалъ второй томъ *Записокъ о южной Руси*.

16 октября.

Отъ нечего дѣлать зашелъ я сегодня къ Варенцову. Заговоривъ, разумѣется, о Костомаровѣ, и онъ сообщилъ мнѣ (по из-

вѣстимъ. полученнымъ имъ изъ Москвы), что будто бы въ Москвѣ, между молодежью, ходитъ письмо Костомарова, исполненное всякой истины, и вообще пространнѣе и разумнѣе письма Г—на, адресованнаго тому же лицу. Письмо Костомарова якобы написано изъ Лондона. Если это правда, то — благослови его, Господи, на семь великомъ поприщѣ!

Отъ Варенцова зашелъ я къ новому знакомому Петру Петровичу Голиховскому, милому и любезному человѣку. Онъ здѣсь мимоѣздомъ изъ Питера въ Екатеринбургъ. Онъ отрекомендовалъ меня своей красавицѣ женѣ. Она — мужественная брюнетка, родомъ молдованка. — — П. П. Голиховскій, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что въ Парижѣ образовался русскій журналъ, подъ названіемъ *Посредникъ*, редакторъ *Сазоновъ*. Главная цѣль журнала быть посредникомъ между Лондонскими періодическими изданіями и рускимъ правительствомъ, и еще — обличать *Пчелу, le Nord* и вообще наши газеты. Прекрасное намѣреніе! Жаль, что это не въ Брюсселѣ или не въ Женевѣ. Въ Парижѣ какъ разъ подружески прихлопнуть это поворожденное дитя.

Послѣ обѣда у Поповыхъ, зашелъ я къ Н. К. Якоби, и познакомился у него съ нѣкимъ Симбирскимъ барономъ Киндяковымъ, родственникъ Т—шева. Такъ-какъ Киндяковъ ѣдетъ въ Петербургъ, то я и просилъ его узнать отъ своего родственника, долго ли еще продлится мое изгнаніе, и могу ли я когда-нибудь надѣяться на совершенную свободу?

У Якоби же встрѣтился и благоговѣбно познакомился съ возвращающимся изъ Сибири Иваномъ Александровичемъ А—овымъ. Сѣдой, вслнчественный, кроткій изгнанникъ, въ рѣчахъ своихъ не обнаруживаетъ и тѣни ожесточенія, — даже добродушно подтруниваетъ. —

Говорили о возвратившемся изъ изгнанія Николаѣ Т—евѣ, о его книгѣ, говорилъ о многомъ и о многомъ и, въ первомъ часу ночи, разошлись, сказавши: до свиданья.

17 октября.

Сегодня получилъ письмо отъ М. Лазаревскаго и два письма отъ милаго моего, неизмѣннаго Залесскаго. Лазаревскій пишетъ, что онъ видѣлся съ графиней Настасіей Ивановной, и что онъ

усовѣтовали, въ случаѣ воспрещенія мнѣ въѣзда въ столицу, просить письмомъ графа Ѡ. П., чтобы онъ всходайствовалъ мнѣ это разрѣшеніе черезъ президента нашего, для академіи художествъ, классы которой я буду съ любовію посѣщать, какъ было во время оно. Добрые, благородные мои заступники и совѣтники!

Залесскій, кромѣ обыкновеннаго своего сердечнаго искренняго прелюдія, пишетъ, что рисунки мои получалъ все сполна, что нѣкоторые изъ нихъ уже привстроилъ въ добрые руки и денегъ 150 р. переслалъ на имя Лазаревскаго. Неутомимый другъ! Знакомитъ онъ меня еще съ какой-то своей землячкой-Литвинкой, недавно возвратившейся изъ Италіи, съ огромнымъ грузомъ изящныхъ произведеній. Для меня и за глаза подобныя явленія очаровательны, и я сердечно благодарю моего друга за это письменное знакомство.

Что значить, что Кухаренко мнѣ не пишетъ? Неужели онъ не получилъ моего *Палія* и мою *Москалёву Крилицу*? Это было бы ужасно досадно. Упившись чтеніемъ этихъ дружескихъ милыхъ посланій, вечеромъ, вмѣстѣ съ Овсянниковымъ, отправились мы въ красавицѣ Молдованкѣ. Страшная, невиданная женщина! Мы пожелали ей счастливой дороги до нелюбимаго ею Екатеринбургга, и расстались, быть можетъ, навсегда. Чудная женщина! Неужели кровь древнихъ сабинянокъ такъ всемогуще, безконечно жива? Выходить, что такъ.

18 октября.

Написалъ и отослалъ письма моимъ милымъ друзьямъ, М. Лазаревскому и Б. Залесскому.

19 октября.

Въ клубѣ великолѣпный обѣдъ съ музыкою и повальная гомерическая попойка.

20 октября.

Ночь и слѣдующіе сутки провелъ въ очаровательномъ семействѣ мадамъ Г — е.

22 октября.

Вздумалось мнѣ просмотрѣть рукопись моего *Матроза*. На удивленіе безграмотная рукопись! а писалъ ее някто иной, какъ

прапорщикъ Ор. корпуса, лучшій изъ воспитанниковъ Неплюевского кадетскаго корпуса. Что же посредственные и худшіе воспитанники, если лучшій изъ нихъ безграмотный?

23 октября.

При свѣтѣ великолѣпнаго пожара, вечеромъ, часу въ 9-мъ, встрѣтился я съ А. К. Шрейдерсомъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что обо мнѣ получена форменная бумага на имя здѣшняго военнаго губернатора, отъ командира Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса. Для прочтенія сей бумаги, зашли мы въ губернаторскую канцелярію, къ правителю канцеляріи, милѣйшему изъ людей Андрею Кирилловичу Кадинскому. Бумага гласитъ о томъ, что мнѣ воспрещается въѣздъ въ обѣ столицы и что я обрѣтаюсь подѣ надзоромъ полиціи.—

Что же я теперь буду дѣлать безъ моей академіи? безъ моей возлюбленной акватинты, о которой я такъ сладко и такъ долго мечталъ? Что я буду дѣлать? Обратится опять къ моей святой заступницѣ, графинѣ Настасѣ Ивановнѣ Толстой? Совѣстно. Подожду до завтра. Посовѣтуюсь съ моими искренними друзьями, съ П. А. Овсянниковымъ и съ Н. А. Брылкинымъ. Они люди добрые, сердечные и разумные. Они научатъ меня, что мнѣ предпринять въ этомъ безвыходномъ положеніи.

24 октября.

Сегодня мы усовѣтовали такъ: на неопредѣленное время остаться мнѣ здѣсь, по случаю мнимой болѣзни, а тѣмъ временемъ писать графу Ѳ. П. Толстому и просить его ходатайства о дозволеніи мнѣ жительства въ Петербургъ, хотя на два года. Впродолженіи двухъ лѣтъ я, съ помощію Божіею, успѣю сдѣлать первоначальные опыты въ моей возлюбленной акватинтѣ.

25 октября.

Продолжаю по складамъ прочитывать и поправлять *Матроза* и ругать безграмотнаго переписчика. Прочитывая по складамъ мое твореніе, естественно, что я не могъ слѣдить за складомъ рѣчи. Убѣдился только въ одномъ, что названіе этого разсказа

необходимо переимѣнить. Пока не придумаю моему *Матрозу* другого, болѣе приличнаго, имени, назову его такъ: *Прогулка съ пользою и безъ морали*.

26 октября.

Заходилъ къ Варенцову и взялъ у него для прочтенія два номера 2 и 3 *Русской Бесѣды*. Въ эпиграфѣ къ *Черной Радѣ*. П. А. Кулпшъ, говоря о Гоголѣ, Квиткѣ и о мнѣ грѣшномъ, указываетъ на меня, какъ на великаго самобытнаго народнаго поэта. Не изъ дружбы ли это?

Во 2 номерѣ *Русской Бесѣды*, я съ наслажденіемъ прочиталъ трехъ-куплетное стихотвореніе Э. Тютчева.

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпѣнья,
Край ты Рускаго народа!

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплемennyй —
Что скользятъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный ношею крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ царь небесный
Исходилъ благословляя!

27 октября.

Нѣсколько дней сряду хорошая ясная погода, и я сегодня не утерпѣлъ: пошелъ на улицу рисовать. Нарисовалъ церковь пророка Іліи, съ частію Кремля, на второмъ планѣ. Церковь пророка Іліи построена въ 1506 г., въ память огненнаго стрѣлянія, спасшаго Нижній отъ Татаръ и Ногаевъ.

28 октября.

Сегодня погода тоже почти позволила мнѣ выйти рисовать на улицу. Нарисовалъ я кос-какъ церковь Николая за Почайной, построенную въ 1372 г., вѣроятно тоже въ ознаменованіе какого нибудь кровопролитія. По дорогѣ зашелъ я къ моему любезному

доктору Гартвигу, засталъ его дома, позавтракалъ, выпилъ отличѣйшей вишневки собственнаго приготовленія, и въ старомъ изорванномъ Нижегородскомъ адресъ—календарѣ прочиталъ, что въ Княжинскомъ уѣздѣ Н. губерніи, въ селѣ Вельдемановѣ, отъ крестьянина Мины и жены его Марьяны, въ 1605 г. въ маѣ мѣсяцѣ, родился знаменитый патріархъ Никонъ.

29 октября.

Ходилъ къ Трубецкому, весьма милому князю-человѣку, и не засталъ его дома. Обѣдалъ у Н. К. Якоби, а послѣ обѣда, въ театрѣ, слушалъ между прочимъ увертюру изъ *Роберта*, *Мейербера*, въ антрактахъ какой-то кровавой драмы. Возможно ли двадцати-инструментнымъ, вдобавокъ нетрезвымъ, оркестромъ исполнять какую бы то ни было увертюру, а тѣмъ болѣе увертюру *Роберта*, *Мейербера*. Прости мнѣ, не вѣдятъ бо, что творять. Къ концу кровавой драмы, половина лампъ въ залѣ погасла, и тѣмъ кончился великолѣпный спектакль.

30 октября.

Пользуясь погодой, я совершилъ прогулку вокругъ города съ удовольствіемъ и не безъ пользы. Въ заключеніе прогулки нарисовалъ Благовѣщенскій монастырь, старое, искаженное новыми пристройками, зданіе. Главная церковь, колокольня, несовѣмъ уцѣлѣли отъ варварскаго возобновленія. Остался только двѣ башни надъ трапезой неприкосновенными. И какія онѣ красавицы! Точно двѣ сосны, прекрасныя, чистыя отроковицы, подняли свои головки къ подателю добра и красоты, и какъ бы благодарятъ его, что онъ заступилъ ихъ отъ руки новѣйшаго архитектора. Прекрасное, ненаглядное зданіе!

Благовѣщенскій монастырь основанъ въ XIV столѣтіи св. Алексѣемъ митрополитомъ; къ этому времени принадлежатъ и прекрасныя башни. Соборная церковь монастыря построена въ 1649 г. Мѣстоположеніе монастыря очаровательное.

31 октября.

Сегодня только наконецъ дочиталъ своего *Матроза*. Онъ казался мнѣ слишкомъ растянутымъ. Можетъ быть отъ того, что

я по складамъ его читалъ. Прочитаю еще разъ въ новомъ экземпляръ, и если окажется сноснымъ, то пошлю къ М. С. Щепкину: пускай гдѣ захочетъ, тамъ его и приютить.

Вечеромъ Н. П. Грасъ познакомилъ меня съ Марьей Александровной Дороховой, директриссой здѣшняго Института. Вышешная, симпатическая женщина! Несмотря на свою аристократическую породу, въ ней такъ много сохранилось простаго, незаписимаго человѣческаго чувства и наружной силы и достоинства. — Ова еще мнѣ живо напомнила, своей отрывистой прямою рѣчью, жестами и вообще наружностію, моего незабвеннаго друга, княгиню Варвару Николаевну Р—ну. О. если бы побольше подобныхъ женщинъ-матерей!

1 ноября.

Рисовалъ портретъ М. А. Дороховой, и послѣ удачнаго сеанса, по дорогѣ зашелъ къ Шрейдерсу, встрѣтилъ у него милѣйшаго М. И. Попова и любезнѣйшаго П. В. Лапу. Выпилъ съ хорошими людьми рюмку водки, остался обѣдать съ хорошими людьми и съ хорошими людьми за обѣдомъ чуть-чуть не нализался, какъ Селфавъ. Шрейдерсъ оставлялъ меня у себя отдохнуть послѣ обѣда, но я отказался и пошелъ къ мадамъ Г — е, гдѣ и положилъ якорь на ночь.

2 ноября.

Возвращаясь домой съ благополучнаго ночлега, зашелъ я проститься къ Варенцову. Онъ сегодня ѣдетъ въ Петербургъ. У меня было намѣреніе послать съ нимъ въ Москву своего *Матроза*, но переписчикъ мой тоже съ добрыми людьми загулялъ и рукопись остановилась. Досадно. Придется подождать Овсянникова. Когда я сбуду съ рукъ этого несноснаго *Матроза*!

Прийда, я, отъ нѣчего дѣлать, раскрылъ генварскую книжку Отеч. Записокъ, и какая прелесть случайно попалась мнѣ на глаза! Это стихотвореніе безъ названія З. Туръ.

Во время сумерокъ, когда поля и лѣсъ
 Стоять окутаны полупрозрачной дымкой,
 Съ воздушныхъ ступеней темнѣющихъ небесъ
 Спускается на землю невидимкой

Богиня стройная съ задумчивымъ лицомъ.
 Для ней нѣтъ пчени. Она пугливѣй грезы;
 Печальный взоръ горитъ привѣтливимъ огнемъ,
 А на щекахъ замѣтны слезы.
 Съ корзиною цвѣтовъ, съ улыбкой на губахъ,
 Она украдкою по уллицамъ проходить,
 И озирается на шумныхъ площадяхъ,
 И около дворцовъ пугливо бродить;
 Но увидавъ подъ крышею окно,
 Гдѣ одинокая свѣча горитъ мерца,
 Гдѣ юноша себя и всѣхъ забывъ давно,
 Сидитъ, въ мечтахъ стихъ жаркій повторя,
 Она порхнетъ туда и, просіявъ, войдетъ
 Въ жилище бѣдное, какъ мать къ родному сыну,
 И сядетъ близъ него, и счастье разошьетъ,
 И высыплетъ надъ нимъ цвѣтовъ корзину.

3 ноября.

Сегодня воскресенье, и я, какъ поридочный человекъ, *причинился* и вышелъ изъ дому съ намѣреніемъ навѣстить моихъ добрымъ знакомыхъ. Зашелъ я къ первому мистеру Гранду—англичанину, отъ волоска до ноготка, и у него, у англичанина, я въ первый разъ увидѣлъ сочиненія Гоголя, изданныя моимъ другомъ П. Кулишомъ. Здѣсь портретъ автора до того плохъ, что я удивляюсь, какъ знаменитый Іорданъ позволялъ подписать подъ нимъ свое прославленное имя.—

4 ноября.

Кончилъ сегодня портретъ одной дѣвушки — побочной дочери П—а. — Удивительно милое и рѣзвое созданіе! Но мнѣ какъ-то грустно дѣлается, когда я смотрю на подобныхъ дѣтей. Я никому, и тѣмъ болѣе заступнику свободы, не извиняю этой безнравственной независимости, такъ туго связывающей этихъ бѣдныхъ побочныхъ дѣтей. Простительно какому-нибудь забубенному гусару, потому что онъ только-гусаръ, но никакъ не человекъ; или какому нибудь помѣщику-собачнику, потому что онъ собачникъ — и только. Но гражданину, понесшему свой крестъ въ пустынную Сибирь во имя человѣческой свободы, подобная независимость не простительна. Если онъ не могъ стать выше обыкновеннаго человека, то не долженъ и унижать себя передъ обыкновеннымъ человекомъ.

5 ноября.

Сегодня окончательно проводилъ Варенцова въ Петербургъ и сегодня же черезъ него получилъ письмо отъ Костомарова изъ Саратова. Ученый чудакъ пишетъ, что напрасно прождалъ меня двѣ недѣли въ Петербургѣ и не хотѣлъ сдѣлать ста верстъ кругу, чтобы посѣтить меня въ Нижнемъ. А сколько радости привезъ бы своимъ внезапнымъ появленіемъ! ничего не пишетъ мнѣ о своихъ глазахъ и вообще о своемъ здоровьѣ.

6 ноября.

Написалъ письмо Костомарову и моимъ астраханскимъ землякамъ-друзьямъ. Хотя погода и несовсѣмъ благопріятствовала, но я все-таки отправился на улицу. Съ нѣкотораго времени, мнѣ, чего прежде не бывало, правится уличная жизнь, хотя нижегородская публка, ни даже въ воскресный ясный день, не показывается на улицѣ, и Большая Покровка, здѣшній Невскій проспектъ, постоянно изображаетъ собою однообразный, длинный карантинъ, а я все-таки люблю побродить часъ, другой, вдоль этого пустынного карантинна. Откуда же эта нелѣпая любовь къ улицѣ? Послѣ десятилѣтняго поста, я разомъ бросился на книги, объѣлся и теперь страдаю несвареніемъ въ желудкѣ. Другой причины я не знаю этому томительному, нравственному бездѣйствію. Рисовать ничего порядочнаго не могу, не придумаю, да и помещеніе мое не позволяетъ. Рисовалъ бы портреты, за деньги — не съ кого, а даромъ работать совѣстно. Нужно что-нибудь придумать для разнообразія, а что — не знаю.

Погрузившись въ это мудрое размышленіе или сочиненіе, я нечаянно наткнулся на домъ Якоби. Зашелъ пообѣдать, и послѣ обѣда отправился въ гостинную, на чай, къ старушкамъ, т. е. къ т—те Якоби и ея сестрицѣ. Въ числѣ разныхъ, по ея мнѣнію, чрезвычайно интересныхъ приключеній быстро-минувшей юности, она рассказала мнѣ о Лабзинѣ, о томъ самомъ конференцъ секретарѣ академіи художествъ, который предложилъ Илью Байкова, царскаго кучера, выбрать въ почетные члены академіи, потому что онъ ближе Аракчеева къ государю. За эту остроту Аракчеевъ сослалъ его въ Сибирскъ, гдѣ онъ и умеръ на рукахъ

моей почтенной собесѣдницы. Мнѣ пріятно было слышать, что этотъ замѣчательный мистикъ-массонъ до самой могилы сохранилъ независимость мысли и христіанское незлобіе.

Послѣ Лабзина, рѣчь перешла на П. А. Анненкова, и я изъ разсказа моихъ собесѣдницъ узналъ, что происшествіе, такъ трогательно разсказанное въ воспоминавіяхъ про Ивашева, случилось съ супругою П. А. Анненкова, бывшей некогда гувернанткой мадмуазель Поль.

Она жива еще и теперь; меня обѣщали старушки познакомиться съ этою достойнѣйшею женщиною. Не знаю, скоро ли я удостоюсь счастья взглянуть на эту безпримѣрную, святую геронню.

Дюма, кажется, написалъ сантиментальный романъ на эту богатырскую тему. — —

7 ноября.

— — Интересно знать, что дальше будетъ.

8 ноября.

Рисовалъ сегодня до обѣда портреты М-г и М-те Якоби, а вечеромъ пошелъ къ Веймарну: у него сегодня полковой праздникъ и, слѣдовательно, шурушка. Войдя въ первую комнату, я совершенно растерялся: меня поразила (толпа) военныхъ людей. Я этихъ почтенныхъ господъ давно уже не встрѣчаю. Въ-особенности одинъ между ними такъ живо напомнилъ мнѣ К—рева, что я чуть-чуть не вытянулъ руки по швамъ и не возгласилъ: здравія желаю, ваше благородіе! Изъ этого отвратительнаго состоянія вывелъ меня самъ гостепріимный хозяинъ, пригласивъ меня въ гостиную. Между прочими гостями, въ гостинной встрѣтилъ я П. А. Анненкова, и, продолженіе вечера, я не расставался съ нимъ.

9 ноября.

Окончилъ портреты Якоби.

10 ноября.

Получилъ отъ Кулиша книги: *Записки о Южной Руси* два тома, и *Черну Ряду*. — Какой милый оригиналъ долженъ быть этотъ А. Жемчужниковъ! Какъ бы я счастливъ былъ увидѣть человѣка, который такъ искренно, нелицемѣрно полюбилъ мой милый родной языкъ и мою прекрасную, бѣдную родину!

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛІТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Русьскій Земли.»
Владиміръ Мономахъ.

1862

К В І Т Е Н Ъ

(АПРѢЛЬ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Десятый отрывокъ.

11 ноября 1857.

Сегодня у меня день великій, торжественный, радостный день! Сегодня я получилъ письмо отъ моей святой заступницы гр. Н. И. Толстой: дружеское, родственное, письмо. За что она меня удостоиваетъ этого неизреченнаго счастья? И чѣмъ я воздамъ ей за этотъ нечаянный, свѣтлый, сердечный праздникъ? Слезы радости и чистая молитва—твоя единая награда. моя благородная, святая заступница.

Она совѣтуетъ мнѣ написать графу Ѡ. П. письмо и просить его ходатайства о разрѣшеніи явиться мнѣ въ столицу. Это была моя первая мысль, но мнѣ совѣстно было безпокоить старика, а теперь рѣшительно рѣшаюсь. Еще проситъ она передать поклонъ Вл. Ив. Далю, отъ нея самой и отъ какого-то П. Жадовскаго. Съ Далемъ я здѣсь не видѣлся, хотя съ нимъ прежде и былъ знакомъ, а теперь придетца очима лунать.« И по-дѣломъ.

12 ноября.

Отвѣтивши на письмо моей святой заступницѣ, я *приченурился* и отправился къ В. И. Далю. Но почему-то, не знаю, прошелъ мимо его квартиры и зашелъ къ адъютанту здѣшняго военнаго губернатора — Владимиру Федоровичу князю Г — ыну, весьма милому молодому человѣку, раненному подъ Севастополемъ. Вслѣдъ за мной зашла къ нему сестра его—чернобровое, милое, задушевное созданіе. О чемъ грустить, о чемъ задумывается эта едва развернувшаяся сантимолія?

Отъ князя зашелъ я къ его зятю, Александру Петровичу В—ову, пообедалъ, послушалъ машинной музыки, и отправился въ театръ. Все было порядочно кромѣ одной госпожи. Она, бѣдняжка, думала очаровать зрителей своихъ фандаго и совсѣмъ не надѣла панталонъ. Какое варварское понятіе объ искусствѣ! Климовскій, въ роли Филиппа IV, былъ прекрасенъ, одѣтъ изящно и вѣрно портрету этого испанскаго государя. А вообще, драма *Мать-Испанка* — такъ-себѣ: дюжинная драма.

13 ноября.

Сегодня написалъ, а завтра отошлю просительное письмо гр. О. П. Толстому. Прошу его просить кого слѣдуетъ о дозволеніи мнѣ жить въ Петербургѣ и посѣщать классы академіи. Письмо, гажется, мнѣ удалось. Овсянниковъ говоритъ, что при нуждѣ я могъ бы занять видное мѣсто между кропателями просьбъ. Посмотримъ, пожнемъ ли желаемые плоды отъ сего хитраго сочиненія.

Сегодня же написалъ письмо М. С. Щепкину: прошу свиданія съ нимъ гдѣ-нибудь на хуторѣ въ окрестностяхъ Москвы. Какъ бы я радъ былъ (видѣть) этого славнаго артиста-ветерана.

14 ноября.

Началъ портретъ m-me Варенцовой. — — —

15 ноября.

Получилъ письмо отъ моего милого Бронислава; жалуется, что его отецъ захворалъ, и рекомендуетъ мнѣ какую-то свою пріятельницу Ел. Ск., любительницу изящныхъ искусствъ, мечтательницу, и вообще женщину эксцентрическую. Это тоже нехорошо. — — —

16 ноября.

17 ноября.

Сдѣлалъ визитацію В. И. Далю, и хорошо сдѣлалъ, что я наконецъ рѣшился на эту визитацію. Онъ принялъ меня весьма

радушно, спрашивалъ о своихъ Оренбургскихъ знакомыхъ, которыхъ я не видѣлъ съ 1850 г. и въ-заключеніе просилъ заходить къ нему запросто, какъ къ старому пріятелю. Не премину воспользоваться такимъ милымъ предложеніемъ, тѣмъ болѣе, что мои Нижегородскіе знакомые начали по-немногу посылать.

18 ноября.

Послѣ неудачнаго вялого сеанса, зашелъ я, по сосѣдству, къ князю Г—л—ну, и засталъ у него его меньшую, милую, задумчивую сестру. Впечатлѣніе неудачнаго сеанса какъ вѣтромъ свѣяло. Полюбовавшись на это кроткое созданіе, я во весь день былъ счастливъ. Какое животворно-чудное вліяніе красоты на душу человѣка!

19 ноября.

— — —

(20, 21, 22, 23, 24 и 25 ноября не записаны).

26 ноября.

Я хотѣлъ-было совѣтъ оставить свой монотонный журналъ, но сегодня совершилось со мною то, чего прежде никогда не совершалось. Шрейдерсъ, Кадвинскій и Фрейлихъ просили меня нарисовать ихъ портреты и предложили деньги впередъ. Я никогда не бралъ денегъ впередъ за работу, а сегодня взялъ. И «добре помогоричовавши», отправился въ очаровательное семейство т-ше Г—е, и тамъ переночевалъ, и тамъ украли у меня деньги, 125 р. И по дѣломъ! впередъ не беру незаработанныхъ денегъ. Поутру прихожу домой,—другое горе: ночью проѣхалъ Осдоръ Лазаревскій. Былъ у Даля, пошелъ искать меня по всему городу и, разумѣется, меня не нашелъ. И теперь его карточка лежитъ у меня на столѣ какъ страшный упрекъ на совѣсти.

27 ноября.

Волей-неволей сегодня я долженъ былъ обѣдать у Даля и сочинять необыкновенное происшествіе случившееся со мною про-

шедшей ночью. Но вмѣсто фигурной лжи, я сказалъ ложь законическую: я сказалъ, что вѣдпль въ Балахну съ Брылкинымъ такъ, ради собственнаго удовольствія, и тѣмъ покончилъ дѣло.

28 ноября.

Жаль мнѣ стало незаработанныхъ денегъ; въ такой досадѣ отправился я къ Кудлаю — просить полицейскаго участія въ моемъ горѣ. Кудлай самъ нездоровъ, не можетъ выйти изъ квартиры, но обѣщався мнѣ завтра прислать одного изъ своихъ сподручниковъ, какого-то отъявленнаго доку. Посмотримъ, сотворить ли чудо вышереченный дока.

29 ноября.

Сегодня поутру, въ ожиданіи полицейскаго доки, написалъ я къ М. Лазаревскому письмо, и на счетъ роковой ночи повторилъ ему ту же самую ложь, что и Далу. Одна ложь ведетъ за собою другую: это въ порядкѣ вещей.

Часу въ первомъ явился ко мнѣ дока. Я рассказалъ ему, въ чемъ дѣло, и посулилъ за труды 25 р. Но увы, при всемъ его стараніи, результату никакого. »Что съ воза упало, то пропало.« Слѣдовательно, объ этомъ скверномъ анекдотѣ и думать больше нечего. Я такъ и сдѣлалъ. Пошелъ къ Шрейдерсу обѣдать, — съ досады чуть опять не нализался. Послѣ обѣда зашелъ къ той же коварной мадамъ Г—де (какое христіанское незлобіе!). Отдохнулъ немного въ ея очаровательномъ семействѣ, и въ семь часовъ вечера пошелъ къ князю Г—ну; у него встрѣтилъ я львовъ здѣшней сцены, актеровъ Климовскаго и Владимірова. Болтунѣ и, можетъ-быть, славные малые.

Князь прочиталъ намъ свое *впечатлѣніе послѣ боя*. Неважное впечатлѣніе. Послѣ впечатлѣнія, запла рѣчь о переводахъ Курочкина изъ Беранже, и я прочиталъ пмѣ наизусть — не переводъ, а собственное его произведеніе; а чтобы не забыть это прекрасное созданіе поэта, то я вношу его въ мой журналъ.

»Какъ въ наши лучшіе года,« и проч.

30 ноября.

Сегодня началъ портреты въ группѣ своихъ щедрыхъ пріятелей. Не знаю, будетъ ли толкъ изъ этой затѣи: пріятели не-

акуратны въ сеансахъ—обстоятельство важное при работѣ. Посмотрю, что дальше будетъ, и если сеансы затянутся, то парисую отдѣльно каждаго карандашомъ и тѣмъ покопчу мой счетъ въ пріятелями,—чего бы мнѣ больно не хотѣлось, и тѣмъ болѣе, что предполагаемый рисунокъ сеіюю очень удачно сгруппировался, и мнѣ бы хотѣлось достойно заплатитъ имъ свой долгъ.

1 декабря.

Получилъ письмо отъ М. С. Щепкина, въ которомъ онъ предлагаетъ мнѣ свиданіе въ селѣ Никольскомъ (имѣніе его сына) или же, если я не имѣю лишнихъ денегъ на эту поѣздку (125 р. были у меня совершенно лишніе), то онъ обѣщаетъ самъ пріѣхать ко мнѣ въ Нижній. Какъ бы онъ возвеселилъ и меня и своихъ нижегородскихъ поклонниковъ! Напишу ему, пускай ѣдетъ сюда, и пускай на здѣшней бѣдной сценѣ тряхнетъ старинною. Тенеръ же, кстати, здѣсь дворянскіе выборы.

Послѣ сеанса у Шрейдерса, и послѣ обѣда у Фрейлиха, случайно попалъ я на полупьяный музыкальный вечеръ къ путейскому офицеру Ул — къ и услышалъ тамъ виртуоза на фортепьяно, какого я и не подозревалъ услышать здѣсь въ захолустьи. Виртуозъ этотъ нѣкто господинъ Татариновъ. Между прочимъ онъ сыгралъ нѣсколько номеровъ изъ »Пророка» и изъ »Гугенотовъ» Мейербера, и вознесъ меня на седьмое небо.

2 декабря.

Сегодня сдѣлалъ я визитъ вдохновенному моему виртуозу Татаринову, и видѣлъ у него, чего я также не воображалъ увидѣть въ Нижнемъ, — я увидѣлъ у него настоящаго великолѣпнѣйшаго Гюдена. Такія двѣ прекраснѣйшія нечаянности разомъ—наслажденіе рѣдкое и высокое. И какіе же варвары Нижегородцы! они знаютъ Татаринава только какъ чиновника при компаніи, строящей желѣзную дорогу, а о картинѣ Гюдена, и даже о самомъ Гюдентѣ, никто и не слыхалъ, кромѣ старика Улыбышева, съ которымъ я сегодня познакомился въ театрѣ. Это пзвѣстный біографъ и критикъ Бетговена (Моцарта:) и самый неизмѣнный посѣтитель здѣшняго театра.

3 декабря.

Три дня сряду нечаянности, и самая приятная нечаянность. Это великая рѣдкость въ здѣшней монотонной жизни. Сегодня посѣтилъ меня Густавъ Васильевичъ Кеберъ. Гость совершенно неожиданный. Онъ большой пріятель Ѳ. Лазаревскаго, и тотъ, уѣзжая изъ Нижняго, поручилъ ему увидѣться со мною, и добрый-шій Густавъ Васильевичъ сегодня исполнилъ порученіе своего и моего друга. Если бы больше подобныхъ нечаянностей, какъ прекрасно текли бы дни нашей жизни.

4 декабря.

Написалъ письма Щенкину и Кулишу и прошу ихъ, друзей моихъ великихъ, отложить всякое житейское или служебное попеченіе, и пріѣхать ко мнѣ недѣля на двѣ, а эще совѣсть не зазрится, то и больше. Какъ бы я счастливъ былъ еслибъ сбылось мое желаніе. Авось либо и збудется.

(5, 6 и 7 декабря не записаны.)

8 декабря.

Впродолженіи этихъ четырехъ дней писалъ поэму, названія которой еще не придумалъ. Кажется, я назову ее *Илофиты* или первые христіане. Хорошо, если бы не обманулъ меня Щенкинъ: я ему посвящаю это произведеніе, и мнѣ бы ужасно хотѣлось ему прочесть и услышать его вѣрные дружескія замѣчанія. Не знаю, когда я примусь за *Дервиша* и *Сатрана*, а поползновеніе большое чувствую къ писанію.

9 декабря.

Въ компаніи честныхъ артистовъ Климовскаго, Владимірова и Платонова, праздновалъ именины общей, и въ-особенности театральнoй, красавицы, по имени Анны Дмитріевны, а по прозванію—не знаю, и праздновалъ безъ хитрости, т. е. съ приличнымъ случаемъ и мѣсту продолженіемъ,—ясяѣе, въ ущербъ очаровательному семейству мадамъ Г—е.

10 декабря.

Сегодня вечеромъ Варенцовъ возвратился изъ Петербурга и привезъ мнѣ отъ Кулиша письмо и только-что отпечатанную его *Грама́тку*. Какъ прекрасно, умно и благородно составленъ этотъ совершенно новый букварь. Дай Богъ, чтобы онъ приваялся въ нашемъ бѣдномъ народѣ. Это первый свободный лучъ свѣта, могущій проникнуть въ давленную панами невольничью голову.

Изъ Москвы Варенцовъ привезъ мнѣ поклонъ отъ Щепкина, а отъ Бодянского поклонъ и дорогой подарокъ — его книгу *о времени происхожденія славянскихъ письменъ*, съ образчиками древняго славянскаго шрифта. Сердечно благодаренъ О. М. за его безцѣнный подарокъ. Эта книга удивительно какъ пополняла современную нашу историческую литературу.

Еще привезъ онъ для Н. Н. Якоби свинцовымъ карандашемъ нарисованный портретъ одного извѣстнаго изгнанника — — Портретъ, должно быть, похожъ, потому-что непохожъ на рисунки въ этомъ родѣ, да еслибы и не похожъ, то я все-таки скопирую для имени этого человѣка.

(11 декабря не записано.)

12 декабря.

Сегодня я видѣлъ на сценѣ »Станціоннаго зрителя,« Пушкина. Я былъ всегда противъ передѣлокъ, и эту передѣлку пошелъ смотреть отъ-вечего-дѣлать. И что же? передѣлка оказалась самою мастерскою передѣлкою, а исполненіе—неподражаемо, въ-особенности сцены втораго акта и послѣдняя сцена третьяго были такъ естественно трагически исполнены, что хоть бы и самому гениальному артисту такъ въ пору. Исполать тебѣ, господинъ Владиміровъ, исполать тебѣ и тетинька Тр — ва: ты такъ естественно-зло исполняла роль помѣщицы Лепешкиной, что сама Коробочка предъ тобой поблѣднѣла. Вообще, ансамбль драмы былъ превосходенъ, чего я никакъ не ожидалъ. И еслибы не усатые отставные гусары помѣщички, пьяные, шумѣли въ ложѣ, то я вышелъ бы изъ театра совершенно доволенъ.

Кстати о помѣщикахъ. Ихъ теперь нахлынуло въ Нижній на выборы видимо-невидимо и всѣ безъ исключенія — съ бородами и

усами, въ гусарскихъ, уланскихъ и другихъ кавалерійскихъ мундирахъ. Пѣхотинцевъ и флотскихъ незамѣтно. Говорятъ между собою только по-французски, пьянствуютъ и шумятъ въ театръ, и слышно—составляютъ оппозицію противу освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ! Настоящіе французы!

13 декабря.

Получилъ письмо отъ Щепкина и отъ Лазаревского. Старый дружка пишетъ, что онъ придетъ ко мнѣ «колядовать» на праздникъ. Добрый искренній другъ! онъ намѣренъ подарить нѣсколько спектаклей Нижегородской публикѣ. Какой великолѣпный подарокъ.

Лазаревскій между-прочимъ пишетъ, что онъ получилъ на мое имя 175 руб. черезъ Льва Жемчужникова, съ оговоркой — не объявлять мнѣ своего имени. Жертва тайная—великодушная. Чѣмъ же я заплачу вамъ, добрые великодушные земляки мои, за эту искреннюю жертву? Свободной искренней пѣсней, — пѣсней благодарности и молитвы!

Сегодня же принимаюсь за *Сатрана* и *Дервиша*, и если Богъ поможетъ окончить съ успѣхомъ, то посвящу его честнымъ, щедрымъ и благороднымъ землякамъ моимъ. Мнѣ хочется написать *Сатрана* въ формѣ эпопеи. Эта форма для меня совершенно новая. Не знаю, какъ я съ нею слажу?

14 декабря.

Вечеромъ отправился я къ старику Улыбышеву, съ благою цѣлью—послушать музыку. Старикъ прихворнулъ и не принималъ гостей. Возвращаясь домой, попалась мнѣ на улицѣ недавняя именинница и не совершенно противъ желанія затащила меня въ маскарадъ: явленіе рѣдкое и оригинальное въ Нижнемъ. Это танцъ-классъ Марцинкевича въ Петербургѣ, со всѣми подробностями, небольшая разница въ костюмахъ. Тамъ пьяные чоркесы заключаютъ спектакль, а здѣсь просто офицеры съ помощію приѣзжихъ помѣщиковъ-французовъ. Однимъ словомъ, блестящій маскарадъ!

15 декабря.

Черезъ В. И. Даля получилъ письмо отъ Федора Лазаревского. Пишетъ онъ, что «взабаромъ» поѣдетъ опять куды-то черезъ Нижній, и проситъ меня не ѣздить въ Балахну. Не поѣду, «цуръ ий!»

16 декабря.

Вечеру отправился я къ В. И. Дально засвидѣтельствовать ему глубокое почтеніе отъ Ф. Лазаревского. Послѣ поздорованья и передачи глубочайшаго почтенія, одна изъ дочерей его сѣла за фортепяно и принялася угощать меня малороссійскими пѣснями. Я, разумѣется, былъ въ восторгѣ отъ ея наивной вѣжливости. Замѣтивъ, что она довольно смѣло владѣетъ инструментомъ, я попросилъ ее сыграть что-нибудь изъ Шопена. Но такъ-какъ моего любимца на-лицо не оказалось, то она замѣнила его увертюрою изъ *Гугенотовъ*, Мейербера, и къ немалому удивленію моему, исполнила это гениальное произведеніе лучше, нежели я ожидалъ. Скромная артистка удалилась во внутренніе апартаменты, а мы съ В. И. между разговоромъ коснулись какъ-то нечаянно псалмовъ Давида и вообще библіи. Замѣтивъ, что я неравнодушенъ къ библейской поэзіи, В. И. спросилъ у меня, читалъ ли я Апокалипсисъ. Я сказалъ, что читалъ, но, увы, ничего не понималъ; онъ принялся объяснять смыслъ и поэзію Апокалипсиса и, въ-заключеніе, предложилъ мнѣ прочитавъ собственный переводъ Откровенія съ толкованіемъ, и по прочтеніи просилъ сказать свое мнѣніе. Послѣднее мнѣ больно не по душѣ: безъ этого условія можно бы и не прочитавъ поблагодарить его за одолженіе, а теперь необходимо читать. Посмотримъ, что это за переводъ?

17 декабря.

Получилъ письмо отъ П. Кулиша. Онъ отказывается отъ свиданія со мною здѣсь, не по недостатку времени и желанія, но во избѣжаніе толковъ, которые могутъ замедлить мое возвращеніе въ столицу. Я съ нимъ почти согласенъ. Отъ журнала, о которомъ и ему писалъ, онъ на-отрѣзъ отказался. Готовитъ матеріалы для третьяго тома *Записокъ о Южной Руси* и что-то началъ писать серьезное, но что такое — не говорить.

Вечеромъ былъ на бенефисѣ Климовскаго, и не смотря на порядочное исполненіе, все-таки дообѣденный сонъ Островскаго миѣ не понравился. Повтореніе — и повтореніе вялос. Прочее такъ-себѣ шло, кромѣ понури, пропѣтаго въ антрактѣ бенефеціантомъ, вдобавокъ — собственнаго сочиненія...

18 декабря.

Чтала и сердцемъ сокрушался,
Зачѣмъ читать училась.

Читая подлинникъ, т. е. славянской переводъ Апокалипсиса, приходитъ въ голову, что апостолъ писалъ это откровеніе для своихъ неофитовъ извѣстными имъ иносказаніями, съ цѣлю скрыть настоящій смыслъ проповѣди отъ своихъ приставовъ. — — —

19 декабря.

М—г. Брасъ (учитель французскаго языка въ гимназій) разсказалъ миѣ сегодня недавно случившееся ужасное происшествіе въ Москвѣ. Трагедія такого содержанія.

Ловкій молодой гвардеецъ, по желѣзной дорогѣ привезъ въ Москву дѣвушку, прекрасную какъ ангелъ, — привезъ ее въ какой-то не слѣшкомъ публичный трактиръ. Погулялъ съ нею нѣсколько дней что называется на-славу, и скрылся, оставивъ ее расплатиться съ трактирщикомъ, — а у нея ни денегъ, ни паспорта. Она убѣжала изъ дому съ своимъ обожателемъ, съ цѣлю обвиняться въ Москвѣ — и концы въ воду. Трактирщикъ посмотрѣлъ на красавицу, и, какъ человѣкъ бывалый, смекнулъ дѣломъ: подослалъ съ ней тетеньку. Ловкая тетенька приласкала ее, приголубила, заплатила трактирщику долгъ, и взяла ее къ себѣ на квартиру. На другой или на третій день она убѣжала отъ обязательной старушки, и явилась къ частному приставу, а вслѣдъ за нею явилась и ея покровительница, подмазала частнаго пристава, а тотъ, не смотря на ея доводы, что она благородная, выскѣкъ ее розгами и отправилъ въ рабочій домъ на исправленіе, гдѣ она черезъ нѣсколько дней умерла. Ужасное происшествіе! И все это падаетъ на военное сословіе. Отвратительно!

20 декабря.

Съ благотворительною цѣлью составляется спектакль изъ благородныхъ субъектовъ, подъ непосредственной дирекціей г-жи Голынской и г-на Варенцова. Спектакль составятъ живые картины и концертъ.

Г. Варенцовъ меня, какъ живописца, пригласилъ сегодня на репетицію собственно для живыхъ картинъ, т. е. для освѣщенія этихъ безтолковыхъ картинъ. Я, по простотѣ души, и попробовалъ освѣтить одну изъ нихъ такъ, что главная фигура въ свѣту, а прочіе въ полутонѣ. Освѣщеніе вышло довольно эффектно. Но жалкіе маменьки подняли шумъ, — почему одна такая-та освѣщена, а наши дочки развѣ хуже ея, что ихъ совѣтъ невпдно, что ихъ только по афишѣ будутъ знать. Я плюнулъ и хотѣлъ уйтти, но меня остановила Марья Александровна Дорохова, и просила поставить и освѣтить ея Ниночку. Ниночка — не красавица являлася въ картинѣ очаровательною. Чадолюбивыя маменьки хотя и незамѣтили — въ чемъ дѣло, но все-таки не согласились оставить своихъ дочерей въ полутонѣ.

Сегодня долженъ выѣхать изъ Москвы Щепкинъ. Ахъ, какъ бы онъ хорошо сдѣлалъ, если бы выѣхалъ! Послѣ-завтра я имѣлъ бы радость поцаловати моего стараго, моего единаго друга!

21 декабря.

Сегодня получилъ письмо отъ М. С. Щепкина. Онъ сегодня выѣхалъ изъ Москвы, и послѣзавтра я обниму моего стараго, моего искренняго друга. Какъ я счастливъ этой нелицемѣрной дружбой! Не многимъ изъ насъ Богъ посылаетъ такую полную радость, и весьма немногіе изъ людей, доживъ до семидесяти лѣтъ, сохранили такую поэтическую свѣжесть сердца, какъ М. С., счастливый патріархъ и артистъ!

Сегодня же получилъ письмо отъ моей святой заступницы, отъ графини Настасіи Ивановны Толстой. Она пишетъ, что письмо мое, адресованное графу Ѳ. П., на праздникахъ будетъ передано М. Н. и сообщаетъ мнѣ адресъ Н. О. Осипова. Боже мой! Скоро ли я увижу мою академію? скоро ли поклонюсь моей святой заступницѣ?

Спектакль съ благотворительной цѣлью сошелъ хорошо. Кроме живыхъ картинъ и народнаго гимна. Ниночка П—ва была очаровательна.

(22, 23, 25, 26, 27 и 28 декабря не записаны.)

24 декабря.

Праздникамъ праздникъ и торжество есть изъ торжествъ! въ три часа ночи приѣхалъ Михайло Семеновичъ Щепкинъ.

29 декабря.

Въ 12 часовъ ночи уѣхалъ отъ меня М. С. Щепкинъ. Я, Овсянниковъ, Брылкинъ и Олѣйниковъ проводили моего великаго друга до первой станціи, и ровно въ три часа возвратились домой. Шесть дней, шесть дней полной радостно-торжественной жизни! И чѣмъ я заплачу тебѣ, мой старый, мой единый друже? Чѣмъ я заплачу тебѣ за это щастіе? за эти радостные сладкіе слезы? Любовью! но я люблю тебя давно, да и кто, зная тебя, не любить? Чѣмъ же? Кроме молитвы о тебѣ, самой искренней молитвы, я ничего не пью.

30 декабря.

Я все еще не могу прийти въ нормальное состояніе отъ волшебнаго очаровательнаго видѣнія. У меня все еще стоитъ передъ глазами городничій, Матрозъ, Михайло Чупрунъ и Любимъ Торцовъ. Но ярче и лучезарнѣе великаго артиста стоитъ великій человекъ кротко улыбающійся, другъ мой единый, искренній мой незабвенный Михайло Семеновичъ Щепкинъ.

1 января 1858.

Дружески весело встрѣтилъ новый годъ въ семействѣ Н. А. Брылкина.

Какъ весело встрѣтили мы новый годъ, а прийдя домой, мнѣ скучно сдѣлалось. Поскучавши немного, отправился я въ очаровательное семейство мадамъ Г—е. Но скука и тамъ меня нашла. Изъ храма Пріана пошелъ я къ заутрени,—еще хуже: дьячки съ

похмелья такъ раздрачительно пѣлъ, что я заткнулъ уши и вышелъ вонъ изъ церкви. Прийдя домой, я нечаянно взялся за Библию, раскрылъ, и мнѣ попался ласкутовъ бумага, на которомъ О—овъ записалъ одну прелюбопытную басню. Эта находка такъ меня обрадовала, что я сейчасъ же принялся ее переписывать. Вотъ она:

На улицѣ в длинной и широкой, и проч.

Сочиненіе этой басни приписываютъ одному московскому актеру. Это не похоже на водевильный куплетъ. Басня эта такъ благотѣтельно на меня подѣйствовала, что я, дописывая послѣдній стихъ, уже спалъ.

Сегодня же познакомилъ я въ семействѣ Брылкина милѣйшую Катерину Борисовву Піунову (актрису). Она въ восторгѣ отъ этого знакомства, и не знаетъ какъ меня благодарить.

Какъ благотѣтельно подѣйствовалъ Михайло Семеновичъ на это милое и даровитое созданіе! Она выросла, похорошѣла, поумнѣла послѣ Москаля-Чарівника, гдѣ она сыграла роль Тетяны, и такъ очаровательно сыграла, что зрители ревѣли отъ восторга. А М. С. сказалъ мнѣ, что она первая артистка, съ которой онъ съ табуиъ наслажденіемъ игралъ Михайла Чупруна, и что знаменитая С—лова передъ скромной Піуновой — солдатка.

2 января.

Обязательнѣйшій Олейниковъ сегодня сообщилъ мнѣ стихотвореніе Курочкина *на смерть Беранже*, но такъ скверно переписано, что я едва могъ прочесть. Прочиталъ однакожъ и записалъ на память. Прекрасное, сердечное стихотвореніе.

16 іюля 1857 г.

Зачѣмъ Парижъ волнуется опять,
На площадяхъ и улицахъ солдаты? и проч. и проч.

3-го января.

Получилъ отъ Кулиша письмо со вложеніемъ 250 р. Деньги эти выручены имъ за рисунки, которые я послалъ изъ Новопетровскаго укрѣпленія Залесскому для продажи. Залесскій передалъ ихъ Сиряковскому; отъ Сиряковского я не имѣлъ объ нихъ никакого извѣстія и совершенно потерялъ ихъ изъ виду. Не знаю,

какъ онѣ попали въ руки Кулиша, и тотъ нашелъ имъ какого то щедрого земляка любителя, и мнѣ какъ будто подарокъ 250 р. къ новому году. Спасбо ему.

4 января.

Весь день былъ посвященъ писанію писемъ: обязанность скучная, но неизбѣжная. Написалъ подложныя посланія, въ томъ числѣ и автору «Семейной Хроникѣ», приславшему мнѣ съ Михайломъ Семеновичемъ экземпляръ своей очаровательной хроники. Кулишу, при письмѣ, послалъ свои *Неофиты*. Интересно мнѣ знать его мнѣніе о семъ новомъ моемъ произведеніи.

Въ 8 часовъ вечера проводилъ своего хозяина, Овсянникова, въ Петербургъ, и отправился на балъ-маскарадъ къ Варенцову, директору театра, и познакомился тамъ съ докторомъ Рейковскимъ, ученымъ и весьма интереснымъ человѣкомъ.

5 января.

Возвратился почталіонъ изъ Москвы, который сопровождалъ Михаила Семеновича; привезъ мнѣ отъ него письмо и четыре экземпляра своего портрета, для раздачи своимъ Нижегородскимъ друзьямъ; письмо свое заключаетъ онъ печальнымъ извѣстіемъ, полученнымъ на порогѣ своего дома о смерти сына Дмитрія, умершаго за границей.

6 января.

Пиунова сегодня, въ роли Проступки (водевилъ Ленского) была такая мплочка, что не только Московскимъ, Петербургскимъ — Парижскимъ бы зрителямъ въ носъ бросилась. Напрасно она румянится. Я ей скажу объ этомъ. Съ роли *Гетаны* (въ Москалѣ Чарівникѣ) она видимо совершенствуется, и если замужество ей не попрепятствуетъ, изъ нея выработается самостоятельная великая артистка,

7 января.

Круликевичъ, возвращаясь на родину изъ изгнанія (съ береговъ Сыръ-Дарьи), узналъ случайно о моемъ пребываніи въ Ниж-

немъ и сегодня посѣтилъ меня, и между многими неинтересными степными новостями онъ сообщилъ отвратительно-интересную новость. Побочный сынъ одного вельможи собственноручно зарѣзалъ своего деньщика, за что былъ только разжалованъ въ солдаты; но мелкая душонка не вынесла и этого милостиваго наказанія: онъ вскорѣ умеръ или отравилъ себя. Туда й дорога. Выходить, яблоко недалеко отъ яблоки ушало. — — —

8 января.

Съ сегодняшняго числа я занимаю двѣ квартиры: прежнюю у Овсянникова и новую у Шрейдерса. Остается надѣлать долговъ, а спрятаться есть куда.

9 января.

На новосельи у Шрейдерса нарисовалъ сегодня портретъ Олейникова, съ условіемъ, чтобы онъ написалъ фельетонную статью для «Московскихъ Вѣдомостей» о пребываніи М. С. Щепкина въ Нижнемъ. Хорошо, еслибы не совралъ.

10 января.

Нарисовалъ портретъ Шрейдерса, и довольно удачно. Часть долга, значить, уплачена. Нужно еще нарисовать Фрейлиха и Кадявского, и тогда — квиты. Но когда это случится — не знаю.

Per. 277 ^d/_{1862, 5}

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛІТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочу братья и Русьскій Земл.«
Владиміръ Мономахъ.

1862

ТРАВЕНЬ

(МАЙ)

С.-ПЕТЕР БУРГЪ.

ВЪ ТИПОГ РАФІИ П. А. КУЛІША.

155^а

ДНЕВНИКЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Одиннадцатый отрывокъ.

11 января 1858 г.

Сегодня суббота. По субботамъ я и милѣйшая К. Б. П—ва объѣдаемъ у М. А. Дороховой. Но сегодня я долженъ отказаться отъ этой радости, и моя милая компаньонка отправилась самъ-другъ съ портретомъ М. С. Щепкина, имъ присланнымъ въ подарокъ Марьи Александровнѣ, а я поѣхалъ провожать до первой станціи, по Казанской дорогѣ, моего привлекательнаго, благороднаго капитана, В. В. Кишкина.

Грустно разставаться съ такими добрыми людьми, какъ этотъ симпатическій Кишкинъ. Я, возвратившись домой, чувствовалъ себя совершеннымъ сиротой. Но тягостное мое одиночество не долго дллось; я вскорѣ вспомнилъ, что я одинъ изъ счастливицевъ міра сего. М. С. Щепкинъ, уѣзжая изъ Нижняго, просилъ меня полюбить его милую П—ву, и я буквально исполнилъ его дружескую просьбу. А сегодня, прощаясь со мною, Кишкинъ со слезами на глазахъ просилъ меня полюбить его кроткую любимицу В—ку О—ву. И послѣ такихъ милыхъ обязанностей я скучаю! *Дурень, дурень, а въ школѣ очился.* О—ва выѣхала куда-то изъ города, и я, въ 6 часовъ вечера, отправился къ П—вой, засталъ ее дома, продиктовалъ ей стихи Курочкина: »Какъ въ наши лучшіе годá«,—а она прочитала мнѣ нѣкоторыя вещи Кольцова, и потомъ чуть-чуть не всѣ басни Крылова. Я въ восторгѣ былъ отъ этого импровизированнаго литературнаго вечера, и пришелъ домой совершенно счастливъ. Она любитъ чтеніе: значитъ, она далеко пойдетъ въ своемъ искусствѣ. Дай Богъ, чтобы сбылось мое пророчество.

12 января.

Не ради воскресенья и свѣтскаго пошлаго визита, пошолъ я къ П. М. Г—ской (племянницѣ здѣшняго губернатора), а по просьбѣ моего искренняго Михаила Семеновича, пошелъ я передать ей его портретъ и пріятельскій поклонъ. Въ огромной гостиной, старушку Ш—скую и Г—скую окружали холодныя, официальные, чопорныя фигуры, что, послѣ привѣтствія и самаго коротенькаго присѣста, и на меня пахнуло холодомъ отъ этой честной компаніи. Вышелъ самъ губернаторъ, я поздравилъ его съ полученіемъ черезъ плечо Анны, раскланялся и вышелъ вмѣстѣ съ Э. А. Бабкинымъ. Заѣхалъ къ Бабкину на квартиру, взялъ у него Пушкина и Гоголя и повезъ къ П—вой. Прочиталъ ей *Сцены изъ рыцарскихъ временъ* и отогрѣлъ губернаторскимъ холодомъ обвѣянную душу. Она прочтала мнѣ *Каменнаго Гостя*, и потомъ мы поѣхали къ Брылкинымъ обѣдать: послѣ обѣда М. А. Грасъ повезла ее въ театръ, куда послѣдовалъ и я, совершенно довольный такимъ теплымъ, прекраснымъ окончаніемъ холодно-начавшагося дня.

13 января.

Бабкинъ подарилъ мнѣ прекрасную акватинту, изображающую смерть Людовика XVI, а я сегодня за это изобразилъ его собственную персону, и довольно удачно. Вечеръ провелъ у милѣйшаго юноши—виртуоза-виолончелиста, Веселовскаго, и возвратясь домой, нашелъ у себя на столѣ письмо Сергѣя Тимофеевича Аксакова. Самое любезное, самое сердечное письмо! Въ заключеніе любезностей, онъ пишетъ, что *Матрозъ* мой наконецъ пошелъ въ ходъ. Онъ передалъ его Каткову, редактору *Русскаго Вѣстника*. Въ ожиданіи будущихъ благъ, принимаюсь переписывать вторую часть *Матроза*.

14 января.

Сегодня случайно зашелъ я къ П—вой; рѣчь зашла о концѣ ея театральнаго года, о возобновленіи контракта; ей, обдѣняжкѣ, ужасно не хочется оставаться въ Нижнемъ, а не знаетъ, куда

дѣвать себя. Въ Казань ей и хотѣлось бы, но она боится тамъ какой-то П—вой, —не соперницы, но ужасной интригантки. Въ такомъ ея горѣ, я предложилъ ей посильныя услуги. Я напишу письмо директору Харьковскаго театра и буду просить М. С. Щепкина о ея заступничествѣ. Какъ бы это хорошо было, если бы удалось ей переселиться въ Харьковъ.

15 января.

Не откладывая въ дальній мѣшокъ, сегодня же я написалъ в директору Харьковскаго театра и моему великому другу. Какое-то будетъ результатъ изъ моихъ нехитрыхъ затѣй.

16 января.

Только-что хотѣлъ заключить письмо моему великому другу, да вспомнилъ, что сегодня не почтовый день. Оставилъ посланіе и принялся за *Матроза*. Несносно-скучная работа! Литераторамъ должны платить не за писаніе, а за переписываніе собственныхъ произведеній.

Вечеромъ возвратился изъ театра и нашелъ у себя письмо моего гениальнаго друга. И хорошо, что я своего письма не кончилъ. Между прочимъ, онъ пишетъ мнѣ, что рисунки мои онъ уже пустилъ въ ходъ. Спасибо ему, неутомному.

17 января.

Окончилъ неоконченное письмо, отправилъ на почту и принялся за *Матроза*. Несносная работа! когда я ее кончу?

18 января.

Къ немалому моему удивленію, сегодня встрѣтилъ я у Брылкина давнишняго и нелицемѣрнаго своего поклонника, В. Н. Погожева. Онъ здѣсь по дѣламъ службы и завтра ѣдетъ въ Москву.

19 января.

Сегодня повторилась моя любимица въ роли *Тетяны*. Очаровательно, какъ и въ первый разъ. Но Климовскій, въ роли *Чуп-*

руна, и по выговору, и по мимикѣ — вандаля: лапти плёлъ, варваръ, и только мѣшалъ моей милой Тетяси.

20 января.

Проводилъ въ Петербургъ доктора Кутерема, Кебера, Шрейдера, Фрейлиха и Н. А. Брылкина въ Казань, на компанейскій заводъ близъ Казани. Сегодня у меня день проводъ.

21 января.

Бенефисъ милочки П—вой; полнонь театръ зрителей и очаровательная бенефициантка — прекрасная тема для газетной статейки. Не попробовать ли? Попробуемъ на-удалую.

22 января.

Проѣздомъ изъ Петербурга въ Вятку на службу, посѣтилъ меня сегодня Яковъ Лазаревскій. Онъ недавно изъ Малороссіи; рассказалъ о многихъ свѣжихъ гадостяхъ въ моемъ родномъ краю, въ томъ числѣ и о грустномъ Екатериновскомъ событіи 1856 г., и про своего сосѣда и родственника. Этотъ филантропъ-помѣщикъ такъ оголилъ крестьянъ, что они сложили про него пѣсню...

Наивное, невпипное мщеніе!

Дочь втораго вѣка — глубѣйшее произведеніе Доницети. Либретто тоже нехудо и неестественно. — —

Старуха Шмитгофъ, въ роли Маріи, безобразна, а мой любимецъ Владиміровъ, въ роли старика, дворецкаго маркиза, былъ тоже безобразенъ.

24 января.

Получилъ письмо отъ Куляша и отъ М. Лазаревскаго.

25 января.

Получилъ письмо отъ К — рова съ выговоромъ за молчаніе. Я дѣйствительно виновать передъ нимъ на сей разъ. Но что пи-

сать? о чемъ писать? Что я здѣсь скучаю — и ничего не дѣлаю? И не могу наконецъ ничего дѣлать? Лучше молчать, нежели переливать изъ пустого въ порожнее.

26 января.

Встрѣтилъ масленицу катаньемъ за городъ. Я предложилъ это удовольствіе милѣйшей П — вой съ семействомъ. Она согласилась, и мы поѣхали въ село Боръ, напилися чаю въ какомъ-то кабакѣ, а на обратномъ пути она все пѣла извѣстную свадебную, или святошную, пѣсню:

Меня мненькой онъ журиль-браниль,
Онъ журиль-браниль, добромъ говорилъ,
Ай люди люди выговаривалъ!
Не ходи, дѣвка, молода замужъ,
Наберись, дѣвка, ума-разума,
Ума-разума да сундукъ добра,
Да сундукъ добра, коробокъ холста.

Жидовское начало въ русскомъ человѣкѣ. — Онъ безъ приданаго не можетъ даже полюбить.

27 января.

Въ церкви Покрова отпѣли тѣло Д. А. Улыбышева — знаменитаго критика и біографа Бетговена и Моцарта.

28 января.

Николай Петровичъ Болтинъ, губернской дворянской предводитель, изъявилъ желаніе познакомиться со мною. Я удовлетворилъ его любезному желанію и не раскаиваюсь. Онъ человѣкъ здраво и благородно мыслящій, горячо ссучувствующій вопросу о крѣпостныхъ крестьянахъ, и усердно хлопочетъ о составѣ комитета, который долженъ порѣшить это дѣло въ Нижегородской губерніи.

29 января.

Оляповатый бенефисъ г-жи Васильевой и сплетни.

30 января.

(Иною рукою): Любимая и многоуважаемая К—а Б—вна! Я самъ принесъ вамъ книги и принесъ ихъ съ тѣмъ, чтобы вы ихъ прочитали. Но вы не прочитавши ихъ прислали мнѣ назадъ. Какъ объяснить мнѣ вашъ поступокъ? Онъ ставитъ меня рѣшительно втупикъ, особенно если принять въ соображеніе нашъ сегодняшній разговоръ. Ужъ не отвѣтъ ли это на мое предложеніе? Если это такъ, то я прошу васъ высказать мнѣ его яснѣе. Дѣло слишкомъ для меня важно. Я васъ люблю и говорю это вамъ прямо, безъ всякихъ возгласовъ и восторговъ. Вы слишкомъ умны для того, чтобы требовать отъ меня пылкихъ изъясненій въ любви; я слишкомъ люблю и уважаю васъ, чтобы употреблять въ дѣло пошлости, такъ принятая въ свѣтъ. Сдѣлаться вашимъ мужемъ — для меня величайшее счастье, и отказаться отъ этой мысли будетъ трудно. Но если судьба рѣшила иначе, если я имѣлъ несчастье не понравиться вамъ и если возвращенныя мнѣ вами книги выражаютъ отказъ, то нечего дѣлать: я долженъ покориться обстоятельствамъ. Но, во всякомъ случаѣ, ни чувства мои, ни уваженіе къ вамъ не измѣнятся, а если вы не можете, или не хотите, быть моею женою, то позвольте мнѣ оставить себѣ хоть одно утѣшеніе — остаться вашимъ другомъ, и постоянною преданностью и почтительностью заслужить ваше доброе расположеніе и уваженіе.

Въ ожиданіи отвѣта, который долженъ рѣшить мою участь, остаюсь преданный вамъ и глубоко любящій *Тарасъ Шевченко*.

31 января.

Я совершенно не годусь для роли любовника. Она, вѣроятно, приняла меня за помѣшаннаго или, просто, за пьянаго и, вдобавокъ, за мерзавца... Какъ растолковать ей, что я ни то, ни другое, ни третье, и что я не пошлый театральнй любовникъ, а искренній, глубокосердечный ея другъ? Самъ я ей этого не умѣю рассказать. Обращуся къ моему другу М. А. Д — вой. Если и она не вразумитъ ее, — тогда я самый смѣшной и несчастный женихъ...

1 февраля.

Получилъ письмо отъ М. С. Щепкина съ 200 рублей и самой сердечной готовностію переселить мою прекрасную П—ву въ Харьковъ. Онъ желаетъ знать ея условія, а она не желаетъ свиданія со мной. Но такъ-какъ это свиданіе — не любовное, а дѣловое, то оно и необходимо. Дѣлать нечего: принимаюсь опять за посланіе...

2 февраля.

Дѣло мое не такъ плохо, какъ я думалъ. Она приняла мое внезапное предложеніе за театральную сцену. Настоящая актриса! она во всемъ видитъ свое любимое искусство, — даже во мнѣ она открыла сценическаго артиста, тогда какъ я менѣе всего былъ похожъ на актера. Я дѣйствительно тогда былъ похожъ на помѣшаннаго или, скорѣе, на пьянаго, а она, бѣдняжка, приняла меня за лицедѣя. Но — перемелется — мука будетъ.

Все это объяснилъ мнѣ ея отецъ, которой явился на мое приглашеніе по-поводу письма Михаила Семеновича. Старикъ не высказалъ прямо своего мнѣнія насчетъ моего сватовства, но согласился со мною, что ей необходимо чтеніе, и взялъ у меня *Губернскіе Очерки* и нѣсколько ливрезоновъ *Гоарта*. Добрый знакъ!

Въ заключеніе спектаклей, дана была драма *Парижскіе Нищія*. Роль Антуанеты исполнила она, и исполнила лучше нежели въ первый разъ; но я не аплодировалъ; а почему — и самъ не знаю. Мнѣ казалась она выше всякихъ аплодисментовъ. Но я этого никому не сказалъ.

3 февраля.

Н—а П—а — именинница. Вчера я увѣдомилъ П—ву объ этомъ, съ намѣреніемъ увидѣться и поговорить съ нею, но полтвка мнѣ не далась. Возлюбленная моя явилась, поздравила именинницу и черезъ полчаса уѣхала, я успѣлъ, и то уже въ передней пожать и поцаловать ей руку, и не проговорилъ ни

слова. Лукавое созданіе! Теперь я тебѣ не западню, а капканъ поставлю. Посмотримъ, кто кого перехитритъ?

Тутъ же, при ней, прочиталъ я вслухъ уже напечатанную статейку собственнаго издѣлія о ея бенефисѣ. Быть-можетъ, ей не понравилось мое вельстивое рукодѣлье, и она поторопилась уѣхать... Да не броситъ ли мнѣ эту сердечную затѣю?.. Не плюй въ колодезь — придется воду пить.

4 февраля.

Лучше хоть что-нибудь, нежели ничего. Другой день нѣтъ спектаклей, бѣдныхъ нижегородскихъ спектаклей! И будто чего-то необходимаго недостаетъ.

5 февраля.

Я видѣлъ ее во снѣ. Къ добру ли это? Будто бы она слѣпая, нищая, но такая молодая и хорошенькая! Стоитъ у какой-то ограды, или забора, и протягиваетъ руку Христа-ради. Я хотѣлъ подойти съ какою-то мелкою монетою, но она внезапно исчезла. Это продолженіе роли Антуанеты, — ничего больше.

Вечеромъ былъ у Татаринова. Бѣловъ и Татариновъ играли въ четыре руки увертюру изъ *Вильгельма-Теля* и изъ *Фреймица*; а потомъ нѣкоторые вещи духовнаго содержанія, Гайдена. Божественный Гайдень! Божественная музыка!

Послѣ музыки зашла рѣчь о театрѣ и о талантѣ моей возлюбленной П—вой. Сначала слушалъ я съ удовольствіемъ расточаемая ей похвалы, но потомъ такъ мнѣ грустно стало, что я хотѣлъ уйти. Что бы это значило? Не ревность ли? Глупо, вѣлико ревновать актрису къ зрителямъ. Ея истинный любовникъ должна быть публика, а мужъ — другъ.

Въ заключеніе вечера, хозяинъ прочиталъ намъ пѣсню Беранже, переведенную Ленскимъ подъ названіемъ *Старый Холостякъ*. Мнѣ она очень понравилась, потому можетъ-быть, что я, если не *одружуся* съ моей возлюбленной артисткой, долженъ буду вступить въ эту непочтенную категорію.

6 февраля.

М. А. Д—ва сегодня репетировала предстоящій актъ выпускнымъ своимъ юнымъ питомцамъ. Юныя питомцы, въ зеленыхъ платьицахъ и бѣлыхъ перелинкахъ, чинно сидѣли на скамейкахъ, въ родѣ театральныхъ зрителей, и благоговѣнно внимали, какъ ихъ досужія подруги исполняли на фортепьяно руколомныя пьесы. Между-прочимъ была исполнена, на двухъ инструментахъ, весьма недурно, увертюра изъ *Вильгельма-Телля*. Потомъ прочитаны стихи пофранцузски, понѣмецки и, въ заключеніе, дѣвица Бѣяева прочитала собственные стихи, на тему—благодарность за воспитаніе: для ея возраста—стихи хороши, за что я ей обѣщался подарить сочиненія И. Козлова, если найду въ Нижнемъ. Въ-заключеніе, проиѣтъ былъ хоромъ такъ-называемый народный гимнъ, и репетиція тѣмъ кончилась.

Все это обыкновенно-дурно, но вотъ-что бросаетъ въ глаза: въ залахъ института, кромѣ скамеекъ и грязнаго лубочнаго ибображенія, ни одной картины, ни одной гравюры. Чисто, гладко, какъ въ любомъ манежѣ. Гдѣ же эстетическое воспитаніе женщины? а оно для нея, какъ освѣжающій дыханіе воздухъ, необходимо.

Послѣ этой театральной репетиціи, зашелъ къ М. А. и встрѣтилъ у нея стараго моего знакомаго, вѣскоого г. Шумахера; онъ недавно возвратился изъ-заграницы. Я въ первый разъ сегодня увидѣлъ газету и съ благоговѣніемъ облобызалъ.

7 февраля.

Сегодня получилъ письмо, да еще страховое, отъ директора Харьковскаго театра: онъ весьма любезно проситъ меня сообщить ему условія П—вой и еѣ-самоѣ поторопить пріѣздомъ. Сердечно радъ, что мнѣ удалось это дѣло. Вечеромъ пошелъ я обрадовать ее этимъ любезнымъ письмомъ, и поговорить окончательно объ условіяхъ и о времени выѣзда въ Харьковъ. Ея самой не засталъ дома, а мамаша такъ меня приняла, что я едва когда-нибудь рѣшуся переступить порогъ моей милой протезе. Необходимо прибѣгнуть къ письменнымъ объясненіямъ.

8 февраля.

Она прислала за мной, чтобы объясниться по-поводу Харьковского предложенія. Я, разумѣется, охотно согласился на это дѣловое свиданіе, имѣя въ-виду и любовное. Но увы! мамаша и одного шагу не ступила изъ комнаты, и я долженъ былъ ретироваться съ одними порученіями. Она предпочитаетъ съ отцомъ ѣхать въ Харьковъ. Это стѣснить ея денежные средства, потому что отецъ долженъ оставить контору, отъ которой онъ получаетъ 30 руб. въ мѣсяць.

9 февраля.

Послѣ безпутно-проведенной ночи я почувствовалъ стремленіе къ стихословію, попробовалъ—и безъ малѣйшаго усилія написалъ эту вещь. Не слѣдствіе ли это раздраженія нервъ?

I.

ДОЛЯ.

Ты не лукавила зо мною, —
 Ты другомъ, братомъ и сестрою
 Сіромі стала. Ты взяла
 Мене, маленького, за руку
 И въ школу хлопца одвела
 До пьяного дяка въ науку.
 — Учися, серденько: колпсы
 Зъ насъ будутъ люде,—ти сказала.
 А я в послухавъ, и учивсь,
 И вѣвчивси. А ти — збрехала...
 Які зъ насъ люде?... Та дарма!
 Ми не лукавили съ тобою,
 Ми просто йшли: у насъ нема
 Зерна неправди за собою.
 Ходімо жъ, доленько моя,
 Мій друже щирій, нелукавий!
 Ходімо дальше: дальше слава, —
 А слава — заповідь моя.

II.

МУЗА.

И ти, пречистая, святая,
 Ти, сестро Феба молодая!
 Мене ти въ пелену взяла
 И геть у поле однесла,
 И на могилі, середъ поля,
 Якъ тую волю на роздолі,
 Туманомъ сивимъ сповпла,—
 И колпчала, и співала,
 И чари діяла... И я....
 О, чарівниченько моя!
 Мені ти всюди помагала,
 И всюди, зоренько моя,
 Ти не марніла, ти сіяла...

Въ степу безлюднімъ, въ чужині,
 Въ далекій неволі,
 Ти въ кайданахъ пшчалася
 Якъ квіточка въ полі;
 Изъ казарми смердячої
 Чистою, святою
 Вплітала, якъ пташечка,
 И понадо мною
 Поплнула — заспівала,
 Моя сизокрила,—
 Мовъ живущою водою
 Душу окропила...

И я живу — и надо мною
 Своею Божою красою
 Витаешь ти, мій херувимъ,
 Золотокрылий серафимъ,
 Моя порадонько святая,
 Моя ти доле молодая!
 Не повдавай мене въ-ночі,
 И въ-день, и въ-вечері, и рано —
 Витаи зо мною... и учи, —
 Учи неложними устами —
 Хвалити правду! — поможи
 Молитву діяти до краю.
 А якъ умру, моя святая,
 Моя ти мати! — положи
 Свого ти сина въ домовину,
 И хоть одну слезину
 Въ очахъ безсмертнихъ покажи.

III.

СЛАВА.

А ти задріпанко, шинкарко,
 Перекупко п'яна!
 Де ти в'ката забарилась
 Зъ своїми лучами?
 У Версалі надъ злодіємъ
 Наборъ розпустила?
 Чи съ кимъ вишнімъ мизкаєся
 Зъ нудьги та зъ похмілля?
 Горнись-лишень коло мене
 Та вітнемо зъ лиха!
 Гарнесенько обіп'ємось,
 Та любо та тихо
 Пожартуємъ — чмокнемося,
 Та й поберемося,
 Моя крає мал'євана ...
 Бо я такъ й досі
 Коло тебе мизкаюся:
 Ти хоча й ипшалась — — —
 Та мені про те байдуже...
 Мені, моя доле,
 Хочь на себе надивитись
 Дай, и пригорнутись
 Підъ криломъ твоімъ — и любо
 Зъ дороги заснути.

Т. ШЕВЧЕНКО.

Пер. 277 ^д / 1862, 6

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛІТЕРАТУРНО-УЧЕБНІЙ

ВѢСТНИКЪ

*«Добра хочю братья и Русскій Земля.»
Владимиръ Мономахъ.»*

1862

ЧЕРВЕЦЬ

(ІЮНЬ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША И ТИШЕНА И К^о.

ДНЕВНИКЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Двенадцатый отрывокъ.

10 февраля 1858.

Получилъ письмо отъ Кошоваго батька, Я. Г. Кухаренка, отъ 7 августа. Оно изъ Екатеринодара прогулялось черезъ Новопетровское укрѣпленіе и Оренбургъ, и только сегодня достигло своей цѣли. А все-таки лучше позже, нежели никогда. Кухаренко не зналъ о моей резиденціи; а я не зналъ, какъ растолковать себѣ его молчаніе. А теперь все объяснилось.

И. А. Усковъ изъ Новопетровскаго укрѣпленія пишетъ, что у нихъ все обстоитъ благополучно. Не завидую вашему благополучію.

В. Н. Погожевъ пишетъ изъ Владимира, что онъ на дняхъ видѣлся въ Москвѣ съ М. С. Щепкинымъ, и что онъ ему читалъ наизусть какую-то мою *Пустку*. Совершенно не помню этой вещи. А слышу объ ней уже не въ первый разъ.

11 февраля.

М. С. Щепкинъ съ сокрушеніемъ сердца пишетъ о моемъ безалаберномъ и нетрезвомъ существованіи. Интересно бы знать, изъ какого источника онъ почерпнулъ эти свѣдѣнія. Стало быть и у меня не безъ добрыхъ людей. Все же лучше, нежели ничего.

Благодарю тебя, мой старый, мой добрый; но чѣмъ тебя разувѣрить — не знаю.

Далѣе онъ пишетъ о перемѣщеніи П — вой въ Харьковъ. Онъ сомнѣвается, чтобы ей дали тамъ требуемое ею содержаніе.

• Будеть досадно, если не состоится это перемѣщеніе. Подождемъ, что скажетъ Иванъ Александровичъ Щербина.

Боже мой, какъ бы мнѣ хотѣлось вырваться изъ этой тухлой грязи!

• 12 февраля.

Сегодня нарисовалъ портретъ Кадницкаго. Остается нарисовать Фрейлиха, — и квиты.

(13 февраля не записано въ *Дневникъ*.)

14 февраля.

Кончилъ наконецъ вторую часть *Матроза*. Переписыванье— это самая несносная работа, какую я когда-либо испытывалъ. Она равняется солдатскому ученью. Нужно будетъ прочитатъ это рукодѣлье; что изъ него выйдетъ? Какъ прийметъ его С. Т. Аксаковъ? Мнѣ ужасно хочется ему нравиться, и только ему... Странное чувство!

15 февраля.

Приглашалъ запиской свою мучительницу обѣдать у М. А. Дороховой... сказалась больной... несносная лгувья! Мнѣ необходимо съ ней поговорить наединѣ до выѣзда изъ Нижняго; а какъ это устроить, не придумаю. Писать не хочется, а кажется, придется писать. Опять видѣлъ ее во свѣ слѣпою нищею, — только уже не у церковной ограды, какъ въ первый разъ, а въ живою картинѣ, въ малороссійской бѣлой свиткѣ и въ красномъ очипкѣ.

16 февраля.

Отправивши на почту письма Кухаренку и Аксакову, зашелъ въ соборъ послушать архіерейскихъ пѣвчихъ. — Какое противорѣчіе!

Нерукотворенный чудотворный образъ находится въ соборѣ и замѣчательнѣе какъ древность. Онъ перенесенъ изъ Суздаля княземъ Константиномъ Васплевичемъ, въ 1351 г. Очень можетъ быть, что это — оригинальное византийское чудо.

Вечеромъ были живыя картины въ театрѣ, которыя я не пошелъ смотрѣть, несмотря даже на то, что въ нихъ участвуетъ моя несравненная. Я боялся увидѣть византійскій стиль въ этихъ картинахъ. Опасенія мои основательны. Г. М — ровъ малѣйшаго понятія не имѣетъ въ этомъ простомъ дѣлѣ. Въ театральномъ кафе или, какъ его здѣсь называютъ, въ *кабакъ*, встрѣтилъ старика П — ова, которому, какъ онъ мнѣ сказалъ, очень хотѣлось, чтобы его Катя что-нибудь прочитала въ слѣдующее воскресенье на сценѣ. Я обѣщалъ порыться въ руссiйской поэзiи. Порылся, — и выборъ мой палъ на послѣднюю сцену изъ Фауста, Гёте, переводъ Губера. Она прочитаетъ хорошо: только нужно будетъ одѣть ее сообразно съ мѣстомъ и временемъ. Жаль, что нѣтъ подъ рукою Ретша! Да достану ли еще и книгу Губера въ этомъ затхломъ городѣ?

17 февраля.

Не безъ труда, однакожъ досталъ Фауста, Губера, послалъ книгу моей артисткѣ и часа черезъ три являюся къ ней въ полной увѣренности, что она уже наизусть читаетъ роль Маргариты. Ничего не бывало. Она нашла почему-то неудобной эту сцену для чтенія. На зовъ матеря, вышла изъ комнаты; а я съ полчаса поболталъ съ отцомъ, и ушелъ какъ несолоно хлебалъ. Замѣчательная простота нравовъ!

18 февраля.

Проѣздомъ изъ Кіева въ Иркутскъ посѣтили меня земляки мои, Волконскій и Малога. Они ѣдутъ, въ званіи медиковъ, заслуживать казнѣ за воспитаніе. Мнѣ кажется неудобнымъ посылать молодыхъ медиковъ въ такую даль отъ центра просвѣщенія: гдѣ средства на будущее развитіе?

Малога сообщилъ мнѣ, что Марко Вовчокъ — псевдонимъ М. А. Марковичъ. Необходимо будетъ написать ей письмо, и благодарить ее за доставленную радость чтеніемъ ея вдохновенной книги.

19 февраля.

Въ шесть часовъ утра пріѣхалъ Шрейдерсъ изъ Петербурга привезъ мнѣ письмо отъ Лазаревского, и ѣсни Беранже, Курочкина,

и четыре экземпляра моего портрета, фотографированного съ моего же рисунка.

Въ 12 часовъ, въ залѣ дворянскаго собранія, происходило торжественное открытіе комитета, собраннаго для окончательнаго рѣшенія свободы крѣпостныхъ крестьянъ. Великое это начало благословлено епископомъ и открыто рѣчью военнаго губернатора, Н. А. Муравьева, — рѣчью одушевленною, христіанскою, свободою рѣчью. Но пзъ своекорыстныхъ помѣщиковъ никто не отозвался ни однимъ звукомъ на человѣческое святое слово. Будетъ ли начата эта рѣчь? Попрошу М. А. Дорохову, не можетъ ли она достать копію.

20 февраля.

Одинъ экземпляръ моего нерукотвореннаго образа подарилъ М. А. Дороховой; онъ ей не нравился; выраженіе находить слишкомъ жесткимъ. Просилъ достать копію рѣчи Муравьева; общала.

21 февраля.

Писалъ Лазаревскому, чтобы онъ свои письма ко мнѣ адресовалъ на имя М. С. Щепкина, въ Москву.

Началъ переписывать свою поэзію для печати, писанную съ 1847 по 1858 годъ. Не знаю, много ли выберутъ изъ этой половины добраго зерна?

22 февраля.

Третій разъ вижу ее во снѣ и все нищюю; а вслѣдствіе какихъ данныхъ, — не разумѣю. Сегодня представилась мнѣ она грязною, безобразною, оборванною, полунагою, и все-таки въ малороссійской свиткѣ, но не въ бѣлой, какъ прежде, а въ сѣрой, разорванной и грязью запачканной. Со слезами просила у меня и извиненія и извиненія за свою невѣжливость, послучаю Фауста, Губера. Я, разумѣется, простилъ ее и, въ знакъ примиренія, хотѣлъ поцѣловать, но она исчезла. Не предсказываютъ ли эти ночныя грезы намъ дѣйствительную нищету?

23 февраля.

Сонъ въ руку. Возвращаясь съ почты, зашелъ я къ Владимірову и услышалъ, что моя возлюбленная П — ова, не дождавшись письма изъ Харькова, заключила условіе съ здѣшнимъ новымъ директоромъ театра, съ г. Мирцовымъ. Если это правда, то въ какія же отношенія поставила она меня и Михайла Семеновича со Щербиною?

Вотъ она гдѣ нравственная нищета! а я боялся матеріальной. Дружба врозь и черти въ воду. Кто нарушилъ давнее слово, для того клятва не существуетъ.

24 февраля.

Получилъ письмо отъ Кулиша съ дороги въ Бельгію, съ хутора Матроновки, около Борзны. Онъ предлагаетъ мнѣ рисовать — изъ малороссійской исторіи, изъ пѣсень и изъ современнаго народнаго быта — рисунки, которые бы можно было вырѣзать на деревѣ, печатать въ большомъ количествѣ, раскрашивать и продавать по самой дешевой цѣнѣ. Мысль его та, чтобы замѣнить въ нашемъ народѣ суздальское издѣліе. Прекрасная, благородная мысль! Но она можетъ осуществиться только при большихъ деньгахъ, и принести даже матеріальную пользу. Теперь я не могу приняться за такую работу. Для этого нужно жить постоянно въ Малороссіи, чтобы была разница между моими рисунками и суздальскими, и потому еще, что я не теряю надежды быть въ академіи и заняться любимой акватинтой. —

Я такъ много перенесъ испытаній и неудачъ въ своей жизни, что, казалось бы, пора освоиться съ этими мерзостями. Не могу. Случайно встрѣтилъ я П — ову; у меня не хватило духу поклониться ей. А давно ли я видѣлъ въ ней будущую жену свою, ангела хранителя своего, за котораго готовъ былъ положить душу свою? Отвратительный контрастъ! Удивительное лекарство отъ любви — несостоятельность! У меня все какъ рукой сняло. Я скорѣй простилъ бы ей самое бойкое качество, нежели эту мелкую несостоятельность, которая меня, а главное — моего стараго знаменитаго друга, поставила въ самое неприличное положеніе.

Завтра Кудлай ѣдетъ во Владиміръ, — попрошу его взять и меня съ собой. Изъ Владиміра какъ-нибудь доберусь до Никольскаго и въ объятіяхъ стараго, искренняго друга, дастъ Богъ, забуду и П—ову, и всё мои горькія утраты и неудачи. Отдохну, и на досугъ займусь перепиской для печати моей невольнической поэзіи.

25 февраля.

Въ 7 часовъ утра получилъ письмо Лазаревскаго; онъ пишетъ, что мнѣ дозволено приѣхать и жить въ Петербургѣ. Лучшаго поздравленія съ днемъ ангела нельзя желать.

Въ три часа собрался къ обѣду: Н. Брылкинъ, П. Брылкинъ, Грасъ, Лапа, Кудлай, Кадинскій, Фрейлихъ, Климовскій, Владиміровъ, Поповъ, Товбичъ. За обѣдомъ было и шумно, и весело, и пязчно, потому что компанія была единодушна, проста и въ высокой степени благородна. За шампанскимъ я сказалъ спичъ, сначала поблагодарилъ гостей моихъ за сдѣланную мнѣ честь и въ-заключеніе прибавилъ, что я ни на кого не буду въ претензіи, если буду встрѣчать всюду такихъ добрыхъ людей какъ они, теперь сущіе со мною, и что память о нихъ навсегда сохраню я въ моемъ сердцѣ.

Праздникъ мой совершился въ квартирѣ добрѣйшаго К. Шрейдерса.

Вечеромъ пошелъ я проводить отъѣзжающаго въ Петербургъ Климовскаго, съ которымъ предполагалъ и самъ отправиться въ гости къ М. С. Щепкину, но письмо Лазаревскаго меня во время остановило.

26 февраля.

Товбичъ предложилъ мнѣ прогулку за 7½ верстъ отъ Нижнего; я охотно принялъ его предложеніе, съ цѣлію сократить длинное ожиданіе офіціального объявленія о дозволеніи жить мнѣ въ Питерѣ. Мы пригласили съ собой актера Владимірова и нѣкую дѣвицу — отчаянную особу. Скверно пообѣдали на мой счетъ въ трактирѣ Бубнова и пустился въ дорогу.

27 февраля.

Въ селѣ Мѣдновкѣ, цѣли поѣздки Товбича, пробыли мы до

8 часовъ вечера. Тутъ встрѣтился я съ путейскимъ капитаномъ Петровичемъ, приѣхавшимъ туда по одному дѣлу съ Товбичемъ. Петровичъ, по происхожденію Сербъ, образованный, прямой и сердечный человѣкъ, хорошо разумѣющій и глубоко сочувствующій всему современному. Мнѣ больно, что я прожилъ столько времени въ Нижнемъ и только сегодня встрѣтился съ этимъ рѣдкимъ человѣкомъ.

28 февраля.

Въ 7 часовъ утра возвратились мы благополучно въ Нижній. Поѣздка наша была веселая и несовсѣмъ пустая.

1 марта.

На имя здѣшняго губернатора, отъ министра внутреннихъ дѣлъ, получена бумага о дозволеніи проживать мнѣ въ Петербургѣ, но все еще — подъ надзоромъ полиціи. Это работа...

2 марта.

Получилъ письмо отъ графини Н. И. Толстой. Она пишетъ, что ея сердечное желаніе наконецъ исполнилось, и что она съ нетерпѣніемъ ждетъ меня къ себѣ. Доброе, благородное созданіе! Чѣмъ я воздамъ тебѣ за добро, которое ты для меня сдѣлала? Искреннею, безконечною молитвою.

Овсянниковъ проситъ, чтобы его здѣсь до 7 числа подождать. Подожду. А если обманетъ — прокляну и безъ денегъ уѣду.

3 марта.

Давно ожидаемую книгу — *Дѣтство Багрова-внука* — сегодня получилъ съ самою лестною надписью сочинителя. Книга была послана изъ Москвы 7 февраля и пролежала до-сегодня у сухого. — Могла и навсегда остаться у него, еслибы я сегодня случайно не зашелъ къ нему и не увидѣлъ ея. Онъ извиняется разсѣянностью и дѣлами. Чѣмъ хочешь извиняйся, а все-таки ты сухой нѣмецъ. И что вздумалось Сергѣю Тимофѣвичу дѣлать

его моимъ комисіонеромъ, тогда какъ ему мой адресъ извѣстенъ? Не думалъ ли онъ чрезъ это познакомить меня съ нимъ? Добрыйшій Сергій Тимофеевичъ!

4 марта.

Въ ожиданіи Овсянникова и полицейскаго пропуска въ Петербургъ, принялся переписывать *Видьму* для печати. Нашелъ много длиннаго и недодѣланнаго. И слава Богу! Работа сократитъ длинные дни ожиданія.

5 марта.

Послалъ письмо, Н. И. Толстой. Писалъ ей, что 7 числа, въ 9 часовъ вечера, оставлю Нижній Новгородъ. Сбудется ли это? Это будетъ зависѣть отъ Овсянникова, а не отъ меня.

Продолжаю работать надъ *Видьмою*.

6 марта.

Я слишкомъ плотно принялся за свою *Видьму*. Такъ плотно, что сегодня кончилъ. А работы было порядочно и, кажется, порядочно кончилъ. Переписалъ и слегка поправилъ *Лилію* и *Русалку*. Какъ-то примутъ земляки мою невольническую музу?

Часовъ въ 7 вечера явился ко мнѣ унтеръ-офицеръ и предложилъ довести меня за 10 р. до Москвы. Сердечно благодаренъ за предложеніе. Онъ отвозилъ въ Вятку какого-то непокорнаго отцу своему капитана и на обратномъ пути искалъ себѣ попутчика, и нашелъ меня въ Нижнемъ. Еще разъ — спасибо ему.

Условившись въ цѣнѣ и времени выѣзда, я пошелъ къ Кудлаю поторошить его насчетъ полицейскаго пропуска. Кудлай не засталъ дома, и по дорогѣ зашелъ къ Вильде, гдѣ встрѣтилъ Татарнова, мамзелей Шмйтгофъ и брата ихъ, молодого, весьма талантливаго скрипача и сценическаго артиста. Послѣ ужина, хозяинъ, прощаясь со мной, подарилъ мнѣ на память нѣсколько миниатюрныхъ медальоновъ, копій съ извѣстныхъ скульптурныхъ произведеній древнихъ и новыхъ, сдѣланныхъ разными художниками. Милый и умный подарокъ!

7 марта.

Отъ часу по-полудни до часу по-полуночи прощался съ моими Нижегородскими друзьями. Заключилъ разставанье у М. А. Дороховой, ужиномъ и тостомъ за здоровье моей святой заступницы, графини Н. И. Толстой.

(8 и 9 марта не записаны.)

10 марта.

Въ три часа по-полудни 8 марта оставилъ на саняхъ, а во Владимірѣ пріѣхалъ 9-го ночью на телегѣ. Кромѣ этого, весьма обыкновеннаго явленія въ настоящее время года, ничего особеннаго не случилось, кромѣ легкаго воспаления въ лѣвомъ глазѣ и зудъ на лбу. Во Владимірѣ я взялъ розовой воды и думалъ все покончить этимъ ароматическимъ медикаментомъ. А вышло не такъ, какъ я думалъ.

Во Владимірѣ на почтовой станціи встрѣтилъ А. И. Бутакова, подъ командою котораго плавалъ я два лѣта, 1848 и 1849, по Аральскому морю. Съ тѣхъ поръ мы съ нимъ не видались. Теперь онъ ѣдетъ съ женою въ Оренбургъ, а потомъ на берега Сыръ-Дарьи. У меня при одномъ воспоминаніи объ этой пустынѣ, сердце холодѣетъ, а онъ, кажется, готовъ тамъ навсегда поселиться. Повревилась сатана лучше яснаго сокола.

Въ 11 часовъ вечера пріѣхалъ въ Москву. Взялъ номеръ за рубль серебра въ сутки, въ какомъ-то великолѣпномъ отелѣ, и едва могъ добиться чаю, потому что уже было поздно. О Москва! о Караванъ-Сарай! подъ громкою фирмою — отель, да еще и съ швейцаромъ.

11 марта.

Въ 7 часовъ утра оставилъ я Караванъ-Сарай со швейцаромъ и пустился отыскивать своего друга, М. С. Щепкина. Нашелъ его у стараго Пшмена, въ домѣ Щепотьевой, и у него поселился и, кажется, надолго, потому что глазъ мой распухъ и покраснѣлъ, а на лбу образовался нѣсколько грушъ прыщей. Облобызавъ моего

великаго друга, отправился я къ доктору Ванъ Путерену, моему Нижегородскому знакомому. Онъ прописалъ мнѣ англійскую соль, зеленый пластырь, діету и, по крайней мѣрѣ, недѣлю не выходить на улицу. Вотъ тебѣ и столица! Сиди, да смотри въ окно на стараго безобразнаго Пимена.

12 марта.

Посѣтилъ меня докторъ Ванъ Путеренъ, прибавилъ еще два лекарства для внутренняго и наружнаго употребленія, и посулилъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, недѣлю заточенія в поста. Веселенькая перспектива!

Вслѣдъ за докторомъ, посѣтилъ меня почтеннѣйшій Михайло Александровичъ Максимовичъ. Молодѣетъ, женился, отпустилъ усы, да и въ усъ себѣ не дуетъ. Вечеромъ, по настоянію моихъ гостепріимныхъ хозяевъ, сошелъ я внизъ, въ гостиную, съ повязанной головой, гдѣ встрѣтилъ нѣсколько человекъ гостей и между ними Кетчера, Бабста и Афанасьева, съ которыми тутъ и познакомилъ меня хозяинъ. Время быстро прошло до ужина. Подали ужинъ, гости сѣли за столъ, а я удалился въ свою келію. Проклятая болѣзнь!

13 марта.

Докторъ Ванъ Путеренъ уѣхалъ сегодня въ Нижній, рекомендовалъ мнѣ своего пріятеля какого-то нѣмца, котораго я однакожь не дождался и просилъ М. С. пригласить медика, какого лучше знаетъ, потому что болѣзнь моя не шутя меня беспокоитъ. М. С. пригласилъ доктора Мина. Завтра я его ожидаю.

Навѣстилъ меня Маркевичъ, сынъ Н. Маркевича, автора *Исторіи Малороссіи*, и М. А. Максимовичъ, съ брошюрою: *Изслѣдованіе о Петрѣ Конашевичѣ - Сагайдачномъ*. Сердечно благодаренъ за визитъ и за брошюру.

14 марта.

Отправилъ Лазаревскому два рисунка, назначенные для поднесенія М. Н.

Послѣ обѣда явились ко мнѣ два доктора; хорошо еще, что не

вдругъ. Пріятель Ванъ Путерена прописалъ какую-то микстуру въ темной банкѣ, а Минъ пилнавскую воду и діету. Я рѣшился слѣдовать совѣту послѣдняго.

Дмитрій Егоровичъ Минъ—ученый переводчикъ Данта и еще болѣе ученый и опытный медикъ. Поэтъ и медикъ:—какая прекрасная дисгармонія!

У стараго друга моего М. С.—вездѣ и во всемъ поэзія, у него и домашній медикъ—поэтъ.

15 марта.

Вчера было у меня два доктора, а сегодня ни одного. Миѣ, слава Богу, лучше; скоро, можетъ-быть, они для меня будутъ совѣмъ не нужны. Какъ бы это хорошо было! Надоѣло смотрѣть въ окно на старога Пимена.

М. С. ухаживаетъ за мною какъ за капризнымъ больнымъ ребенкомъ. Добрѣйшее созданіе! Сегодня вечеромъ пригласилъ онъ для меня госпожу Грекову, мою полуземлячку, съ тетрадью мало-россійскихъ пѣсень. Прекрасный, свѣжій, сильный голосъ. Но наши пѣсни не дались, особенно женскія. Отрывисто, рѣзко,—національной экспрессіи она не уловила. Скоро ли услышу тебя, моя родная, задушевная пѣсня?

Петръ Михайловичъ, старшій сынъ моего великаго друга, подарилъ миѣ два экземпляра фотографическихъ портретовъ апостола....

16 марта.

Нарисовалъ портретъ, не совѣмъ удачно, М. С. Причиной неудачи были сначала Максимовичъ, а потомъ Маркевичъ. Пренавнныя посѣтителі! Имъ и въ голову не пришла поговорка, что не во-время гость хуже татарина, а кажется — люди умные, а простой вещи не понимаютъ.

Послѣ обѣда посѣтилъ меня Д. Е. Минъ и, кромѣ діеты и пилнавской воды, ничего не присовѣтовалъ. Дня черезъ три общаетъ выпустить на улицу. Ахъ, какъ было бы хорошо!

17 марта.

Сегодня опять посѣтили меня оба медика, и слава Богу; кромѣ діеты и сидѣнія въ комнатѣ, ничего не прописали. Я, однакожь, и

этого не исполнилъ. Вечеромъ, втихомолку, навѣстилъ давно-не-виданнаго друга моего, княжну Варвару Николаевну Ревинну. Она счастливо переѣвилась, пополнила и какъ-будто помолодѣла...

18 марта.

Кончилъ переписыванье или процѣживанье своей поэзіи за 1847 годъ. Жаль, что не-съ-гѣмъ толково прочитать. М. С. въ этомъ дѣлѣ мнѣ не судья. Онъ слишкомъ увлекается. Максимовичъ — тотъ просто благоговѣть передъ моимъ стихомъ. Бодянский тоже. Нужно будетъ подождать — а. Онъ хотя и жестко, но иногда скажетъ правду. За то ему не говори правды, если хочешь сохранить съ нимъ добрыя отношенія.

Въ первомъ часу поѣхали мы съ М. С. въ городъ. Заѣхали къ Максимовичу, застали его въ хлопотахъ около »Русской Бесѣды«. Хозяйки его не застали дома. Она была въ церкви; говѣеть. Вскорѣ явилася она, и мрачная обитель ученаго просвѣтлѣла. Какое милое, прекрасное созданіе! Но что въ ней очаровательнѣе всего, это чистый, нетронутый типъ моей землячки. Она проиграла для васъ на фортепьяно нѣсколько нашихъ пѣсень, такъ чисто, безманерно, какъ ни одна великая артистка играть не умѣетъ. И гдѣ онъ, старый антикварій, выкопалъ такое свѣжее, чистое добро? И грустно и завидно! Я написалъ ей на память свой *Весенній Вечоръ*, а она подарила мнѣ, для ношенія на шеѣ, кievскій образокъ. Навивный и прекрасный подарокъ!..

Разставшись съ милою, очаровательною землячкою, заѣхали мы въ Школу Живописи къ моему старому пріятелю, А. Н. Мокрицкому. Старый пріятель не узналъ меня. Немудрено: мы съ нимъ съ 1842 года не видались. Потомъ заѣхали въ книжный магазинъ Н. Щенкина, гдѣ мнѣ Якушкинъ подарилъ портретъ знаменитаго Николая Новикова. Потомъ пріѣхали домой и сѣли обѣдать.

Вечеромъ былъ у О. М. Бодянского. Наговорились досыта о Славянахъ вообще и о землякахъ въ-особенности. И гѣмъ я заключилъ свой первый выходъ изъ квартиры.

Per. 277 ^d / 1862, 7

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛІТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочу братья и Русскій Земин.«
Владиміръ Мономахъ.

1862

Л И П Е Ц Ъ

(ІЮЛЬ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛІША И ТИШЕНА И К^о.

ДНЕВНИКЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Отрывокъ тринадцатый.

19 марта 1858.

Въ 10 часовъ утра вышли мы съ Михайломъ Семеновичемъ изъ дому и, не смотря на воду и грязь подь ногами, обходили пѣшкомъ по-крайней-мѣрѣ четверть Москвы. Я не видалъ Кремля съ 1845 г. Видъ новаго дворца его много обезобразилъ, но онъ все-таки оригинально-прекрасенъ. Храмъ Спаса вообще, а главный куполъ въ-особенности, безобразенъ. Крайне-неудачное громадное произведение, точно толстая купчиха въ золотомъ по-войникѣ остановилася на-показъ среди Бѣлокаменной. Изъ Кремля прошли мы на Большую Дмитровку. Зашли къ Еленѣ Константиновнѣ Станкевичъ, моей старой знакомой, напился чаю, отдохнули и пошли въ книжный магазинъ Н. М. Щепкина. Изъ магазина возвратилися опять къ Станкевичъ, гдѣ я встрѣтилъ еще одну мою старую знакомую, Олимпіаду Ивановну Миницкую. Пообѣдали у Станкевичъ и въ 6 часовъ вечера благополучно, пѣшкомъ же, возвратилися во-свои, дваясь бывшему.

20 марта.

Мой неразлучный спутникъ в чичероне М. С. сегодня ставилъ себѣ банки, и я одинъ, отъ 10 до 4 часовъ, мѣсилъ Московскую грязь. Поутру велѣлъ я кучеру вымазать сапоги добрымъ дегтемъ; вооружился и по Тверской отправился въ Кремль. Любовавшись старымъ красавцемъ Кремлемъ, прошелъ я къ юному некрасавцу Спасу, съ цѣлю посмотрѣть скульптурныя работы.

Но меня и на дворъ не пустили. — »Не приказано», сказалъ сторожъ. Я ему не противорѣчилъ и возвратился въ Кремль. Полюбовавшись еще разъ старикомъ, вышелъ я на Ильинку и потомъ на Покровку. Зашелъ къ А. А. Сапожникову, моему спутнику изъ Астрахани до Нижняго. Боленъ — никого не принимаетъ. И хорошо дѣлаетъ, потому что я весь облѣпленъ грязью. Распросилъ у будочника дорогу къ почтамту и пошелъ тихонько къ Мокрицкому. Отдохнувъ у него, полюбовался эскизами незабвеннаго друга моего покойнаго Штернберга, и пошелъ къ уральскому козачинѣ Савичу. Взялъ у него »Лѣтопись Величка», которую онъ получилъ отъ О. М. Бодянского, два года тому назадъ, для пересылки (мнѣ) и держалъ у себя — самъ не знаетъ, съ какими намѣреніемъ. Отъ Савичева зашелъ въ харчевню, напился чаю съ кренделями, и Страстнымъ бульваромъ вышелъ на Дмитровку. Потомъ къ старому Пимену, и ровно въ 4 часа пришелъ домой.

Вечеромъ М. С. былъ готовъ на новые подвиги и мы отправились къ Станкевичамъ. Весело, нецеремонно поболтали о Малороссіи, о дняхъ минувшихъ, и на разставанье В. А. Станкевичъ подарилъ мнѣ экземпляръ стихотвореній Тютчева.

21 марта.

Въ 10 часовъ утра, не пѣшкомъ, а въ пролеткѣ, пустились мы съ М. С. Москву созерцать. По дорогѣ заѣхали къ сыну его Николаю. Выпили по стакану чаю и потягли далѣе. Заѣхали также по дорогѣ къ Кетчеру, встрѣтили тамъ Бабста. Кетчеръ подарилъ мнѣ всѣ изданія своей компаніи, кромѣ своего перевода Шекспира: онъ еще въ типографіи; а Бабстъ подарилъ свою рѣчь о умноженіи народнаго капитала, изданіе той же (типографіи) компаніи. Выпили у Кетчера по рюмкѣ сливки и поѣхали къ Якушкину. Хозяина не застали дома, а милѣйшая хозяйка подарила намъ по экземпляру портрета кн. Волконскаго, и мы раскланялись и поѣхали къ Краснымъ воротамъ къ Забѣяну. Это молодой еще человекъ, самой симпатической кроткой фізіономіи, обитающій не въ квартирѣ, а въ библиотекѣ. Онъ не совсѣмъ здоровъ, и я не рѣшился просить его показать мнѣ Оружейную палату, гдѣ онъ служитъ помощникомъ Вельтмана. Отъ Забѣяна

поѣхали мы въ книжный магазинъ Н. М. и тутъ разстался я съ моимъ путеводителемъ.

Грѣшно роптать мнѣ на судьбу, что она затормозила мой поѣздъ въ Питеръ. Впродолженіе недѣли я здѣсь встрѣтился и познакомился съ такими людьми, съ какими впродолженіе многихъ лѣтъ не удалось бы встрѣтиться. И такъ—нѣтъ худа безъ добра.

Вечеръ провелъ у своей милой землячки, М. В. Максимовичъ. И не смотря на страстную пятницу, она, милая, весь вечеръ пѣла для меня наши родныя задушевыя пѣсни. И пѣла такъ сердечно-прекрасно, что я вообразилъ себя на берегахъ широкаго Днѣпра. Восхитительныя пѣсни! Очаровательная пѣвица!

22 марта.

Радостнѣйшій изъ радостныхъ дней! Сегодня я видѣлъ чело-вѣка, котораго не надѣялся увидѣть въ теперешнее мое пребываніе въ Москвѣ. Человѣкъ этотъ—Сергѣй Тимофѣевичъ Аксаковъ. Какая прекрасная благородная старческая наружность! Онъ нездоровъ и никого не принимаетъ. Поѣхали мы съ М. С. сегодня поклониться его семейству. Онъ узналъ о нашемъ присутствіи въ своемъ домѣ, и вопреки заповѣди доктора, просилъ насъ къ себѣ. Свиданіе наше длилось нѣсколько минутъ. Но эти нѣсколько минутъ сдѣлали меня счастливецомъ на цѣлый день и навсегда останутся въ кругу моихъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній.

Послѣ постнаго обѣда въ Троицкомъ трактирѣ, отправился я домой съ намѣреніемъ приготовиться къ ночному Кремлевскому торжеству. Намѣреніе мнѣ не удалось, въ 11 часовъ я отправился въ Кремль. Еслибы я ничего не слышалъ прежде объ этомъ торжествѣ, то можетъ-быть оно бы на меня и произвело какое-нибудь впечатлѣніе, — теперь же ровно никакого. Свѣту мало, звуку много, отсутствіе малѣйшей гармоніи и ни гѣни пзящнаго.

Въ 3 часа возвратился домой и до 9 часовъ утра спалъ сномъ праведника.

23 марта.

Христось воскресъ!

Въ семействѣ М. С., торжественнаго обряда и урочнаго часа для разговѣнья не уставлено: кому когда угодно. Республика! Ху-

же—анархія! еще хуже—кощунство! Отвергнуть вѣками освященный обычай—обжираться и опиваться съ восходомъ солнца!

Въ 10 часу пришелъ къ М. С. съ праздничнымъ поклономъ актеръ Самаринъ и сообщилъ ему миленькую эпиграмму Щербины, которую присемъ и прилагаю.

Боже! въ какомъ я теперь упоеніи
Съ «Вѣстникомъ Русскимъ» въ рукахъ.
Что за прекрасныя стихотворенія —

Ахъ!

Тутъ Данилевскій, Плещеевъ таинственный,
Майковъ нашъ «люгеръ-поэтъ». —
Лучше же всѣхъ несравненный, единственный
Фетъ!

Много нелѣпостей здѣсь патетическихъ,
Множество «разъ» посреди.
Много и рифмъ... но красотъ поэтическихъ—
Жди!

24 марта.

Еще разъ видѣлся съ Сергѣемъ Тимофеевичемъ Аксаковымъ и съ его симпатическимъ семействомъ и еще разъ счастливъ. Очаровательный старецъ! Онъ приглашаетъ меня къ себѣ въ деревню, на лѣто, и я, кажется, не устою противъ такого искушенія. Развѣ воспрепятствуютъ.

Отъ Аксакова заѣхали къ В. Н. Репниной, а отъ нея къ актеру Шумскому. Вкусили священной пасхи съ вестфальской колбасой и поѣхали къ Станкевичамъ. Не застали дома. Отправились въ книжный магазинъ Н. М. Щепкина и Комп.; гдѣ и остались обѣдать. Обѣдъ былъ званый: Н. М. праздновалъ навоселье своего магазина и по этому случаю задалъ пиръ московской учено-литературной знаменитости. И что это за очаровательная знаменитость! Молодая, живая, увлекающаяся, свободная! Здѣсь я встрѣтилъ Бабста, Чичерина, Кетчера, Мина, Кроненберга-сына, Афанасьева, Станкевича, Корша. Круже и много другихъ; я встрѣтился и познакомился съ ними какъ съ давно-знакомыми родными людьми. И за всю эту полную радость обязанъ я моему знаменитому другу, М. С. Щепкину.

Въ 8 часовъ вечера отправились къ купцу Варенцову, музы-

канту и любителю искусствъ. Тутъ встрѣтился я съ нѣкоторыми московскими художниками и музыкантами, и послушавши Моцарта и Бетговена и другихъ великихъ представителей слышимой гармоніи, въ 11 часовъ удалился во-свояси дивясь бывшему.

25 марта.

Многоуважаемый М. А. Максимовичъ задалъ мнѣ обѣдъ, на который пригласилъ, между прочими, и ветхихъ доньми товарищей своихъ, Погодина и Шевырева. Погодинъ еще не такъ старъ какъ я его воображалъ себѣ. Шевыревъ старше. — — Сладкій старичекъ. Въ концѣ обѣда амфитріонъ прочелъ въ честь мою стихи собственного сочиненія. А послѣ обѣда милѣйшая хозяйка пропѣла нѣсколько малороссійскихъ пѣсень, и восхищенные гости разошлись кто куда, а я заѣхалъ къ Сергѣю Тимофеевичу Аксакову, съ намѣреніемъ проститься. Онъ спалъ и я не имѣлъ счастья облобызать его сѣдую прекрасную голову. До 9 часовъ пробылъ я у Аксаковыхъ и съ наслажденіемъ слушалъ мои родныя пѣсни, пѣтыя Надеждой Сергѣевной. Все семейство Аксаковыхъ непритворно сочувствуетъ Малороссіи и ея пѣснямъ и вообще ея поэзін. Въ 9 часовъ съ Иваномъ и Константиномъ Аксаковыми поѣхалъ я къ Кошелеву, гдѣ встрѣтился и познакомился съ Хомяковымъ и со старымъ кн. Волковскимъ. Кротко, безъ малѣйшей желчи, рассказалъ онъ мнѣ нѣкоторые эпизоды изъ своей 30-лѣтней ссылки.

26 марта.

Въ 9 часовъ утра разстался я съ М. С. Щопкинѣмъ и съ его семействомъ. Онъ уѣхалъ въ Ярославль, а я, забравши свою шизерію, поѣхалъ къ желѣзной дорогѣ и въ 2 часа, закупоренный въ ваговѣ, оставилъ я гостепрїимную Москву. Въ Москвѣ болѣе всего радовало меня то, что я встрѣтилъ въ просвѣщенныхъ москвичихъ самое теплое радушіе лично ко мнѣ и непритворное сочувствіе къ моей поэзін, — особенно въ семействѣ С. Т. Аксакова.

27 марта.

Въ 8 часовъ вечера, громогласный локомотивъ свиснулъ и остановился въ Петербургѣ. Въ 9 часовъ я былъ уже въ квартирѣ моего искрениѣйшаго друга М. М. Лазаревского.

28 марта.

По свѣгу и слякоти пѣшкомъ обѣгалъ я половину города почти безъ надобности. На перепутьи зашелъ въ гостиницу Клея и нашелъ тамъ только-что пріѣхавшаго изъ Москвы Григорія Галагана. Онъ передалъ мнѣ письмо Максимовича съ его стихами, читанными имъ за обѣдомъ 25 марта, записку на полученіе «Русской Бесѣды», и моего, въ Москвѣ обрѣтшагося, *Еретика*, т. е. Яна Гуса, котораго я считалъ невозвратно погибшимъ. Въ 3 часа возвратился я домой и обнялъ моего задушевнаго Семена Артемовскаго, а черезъ полчаса я былъ уже въ его домѣ, какъ въ своей родной хатѣ. Много и многое мы вспомнили и переговорили, а еще большаго не успѣли ни вспомнить, ни переговорить. Два часа мелькнули быстрѣе одной минуты; я разстался съ моимъ милымъ Семеномъ, и въ 6-ть часовъ вечера, вмѣстѣ съ Лазаревскимъ, отправились мы къ графинѣ Н. И. Толстой.

Сердечнѣе и радостнѣе не встрѣчалъ меня никто, и я никого, какъ встрѣлись мы съ моей святой заступницей и съ графомъ Федоромъ Петровичемъ. Эта встрѣча была задушевнѣе всякой родственной встрѣчи. Много хотѣлось мнѣ пересказать ей, и я ничего не сказалъ. Въ другой разъ. Бутылкой шампанскаго освятили мы святое радостное свиданіе, и въ 8 часовъ разстались.

Вечеръ провели мы у В. М. Б—л—з—рскаго, моего союзника-сосѣда въ 1847 г. У него встрѣтилъ я моихъ товарищей оренбургскихъ: Сѣраковскаго, Станевича и Сову. Радостная, веселая встрѣча! Послѣ сердечныхъ рѣчей и милыхъ родныхъ пѣсень мы разстались.

29 марта.

Въ 10 часовъ утра явился я казанскимъ сиротой къ правителю канцеляріи оберъ-полциіймейстера, къ земляку моему, И. Н. М. Онъ принялъ меня полуофициально, полуфамильярно. Старое знакомство сказалось въ скобкахъ. Въ-заключеніе, онъ мнѣ посоветовалъ сбрить бороду, чтобы не пропзвести непріятнаго впечатлѣнія на его патрона, къ которому я долженъ явиться какъ главному моему надзирателю.

Отъ М — цкаго я опять пошелъ гранить уже высушенную

мостовую и упражнялся въ семь хитромъ погодѣль до 12-ти часовъ, а въ 12 часовъ съ М. Лазаревскимъ поѣхали къ Василью Лазаревскому. На-удивленіе симпатическіе люди эти прекрасные братья Лазаревскіе, и всѣ шесть братьевъ, какъ одинъ. Замѣчательная рѣдкость. Василь принялъ меня какъ давно невиданнаго своего друга. А мы съ нимъ въ первый разъ въ жизни встрѣчаемся: отъ землякъ, такъ землякъ!

Вечеромъ отправились мы въ Циркъ-театръ, смотрѣть и слушать живописную лекцію геологіи профессора Роде. Лекція мірозданія прекрасна. И астрономическія картины почти не лишни, но къ чему эти аляповатые, суздальскіе виды городовъ и зданій, оскорбляющихъ искусство? и къ чему эти живые, вертящіе ситцевые узоры, оскорбляющіе науку? Странно! а еще болѣе странно то, что публика рукоплещетъ этой балаганной пошлости. Толпа. Да еще столичная толпа!

30 марта.

Заказалъ фотографическій портретъ въ шапкѣ и тулупѣ для М. А. Дороховой. Искалъ квартиру Бабста и не нашелъ. Жаль. Не смотря на возмутительную погоду, прошелъ на Васильевскій Островъ, зашелъ къ художнику Лаврову и отъ него узналъ о смерти Павла Петровскаго. Отвратительная новость! Бѣдная старуха-мать, она не переживетъ этой страшной новости.

Вечеромъ графиня Н. П. представила меня своимъ знакомымъ собравшимся у нея въ этотъ вечеръ порядочной толпой. Онѣ привѣтствовали меня, какъ давно ожиданнаго и дорогаго гостя. Спасибо имъ. Боюсь — какъ бы мнѣ не сдѣлаться модной фигурой въ Питерѣ. А на то похоже.

31 марта.

Съ художникомъ Лукашевичемъ былъ въ Эрмитажѣ. Новое зданіе Эрмитажа показалось мнѣ не такимъ, какъ я его воображалъ. Блескъ и роскошь, а изящества мало. — —

Въ три часа возвратился домой и привелъ себя въ горизонтальное положеніе, какъ вошелъ ко мнѣ мой старый незабытый, но изъ виду потерянный, знакомый и щирый землякъ Л. Н. Дзю-

бинъ. Вспомнили старину и отправились въ отель »Парижъ« объѣдать. Послѣ объѣда прошлись по Невскому и на сегодняшній день разстались.

Вечеръ провелъ у Семена.

1 апрѣля.

Обманываютъ и обманываются. Хорошо, еслибы это случилось только перваго апрѣля.... Откуда взялъ свое начало этотъ нелѣпный обычай?

Долго шлялся по Невскому Проспекту безъ всякой цѣли. Потомъ прошелъ на Бассейную, нашелъ квартиру Кокорева, а самого хозяина не нашелъ дома. Обѣдалъ у Б-л-з-рскаго. Послѣ объѣда получилъ записку отъ графини Н. И. и вечеромъ отправился къ ней. Никакой экстренности. Ей просто хотѣлось меня видѣть. Доброе созданіе! Къ графинѣ заѣхалъ Сошальскій и увезъ меня къ пмянниці, землячкѣ М. С. Кржисевичъ. Мы съ нею не видалися съ 1845 г. — едва замѣтно постарѣла. На-удивленіе землячка!

2 апрѣля.

Въ 1 часу Сошальскій повезъ меня къ землячкѣ Ю. В. С — вой. Я зналъ ее наввною, милою институткой въ 1845 году. А теперъ — барыня! — Отъ С — вой заѣхали къ Градовичу — тоже старый знакомый. Отъ Градовича зашелъ я, уже безъ Сошальскаго, въ Палкинъ трактиръ: пообѣдалъ и отправился домой.

Вечеромъ, въ Циркѣ-театрѣ смотрѣлъ и слушалъ »Бронзоваго Коня.« Великолѣпная постановка, и больше ничего. Одинъ старикъ Петровъ и Семенъ со славою поддержали Бронзоваго Коня. А прочее — чепуха.

3 апрѣля.

НАВУХОДНОСОРЬ.

(изъ Беранже, В. Курочкина.)

Въ давнопрошедшіе вѣка, и проч.

Только-что успѣлъ я положить перо, дописавши послѣдній куплетъ этого прекраснаго и мѣткаго стихотворенія, какъ вошелъ

ко мнѣ Каменецкій, за нимъ Сиряковскій, а за нимъ Круневичъ, въ заключеніе— Дзюбинъ, который и пригласилъ меня обѣдать. Вотъ тебѣ и письма! Нужно гдѣ нибудь спрятаться.

Послѣ не совсѣмъ умѣреннаго обѣда, вышли мы на улицу и пройдя нѣсколько шаговъ, встрѣтили мы вездѣсущаго, вѣчнаго— Элькана. Послѣ продолжительной прогулки, мы съ нимъ разстались, и по его указаніямъ, пошли искать квартиру актера Петрова и, разумѣется, не нашли. По дорогѣ зашли къ Бенедиктову. Встрѣтилъ онъ меня непритворно радостно и, послѣ разнородныхъ разговоровъ, онъ, по моей просьбѣ, прочиталъ намъ нѣкоторыя мѣста изъ *Собачьяго Пира* (Барбье), и теперь только я увѣрился, что этотъ великолѣпный переводъ принадлежитъ дѣйствительно Бенедиктову.

4 апрѣля.

Каменецкій сообщилъ мнѣ всѣ мои сочиненія, переписанныя Кулишемъ, кромѣ *Еретика*. Нужно будетъ сдѣлать выборъ и приступить къ изданію. Но какъ мнѣ приступить къ цензурѣ?

Въ 3 часа пообѣдалъ съ Дзюбинымъ, тоже не совсѣмъ умѣренно, и вечеръ провелъ у Семена.

5 апрѣля.

Пріѣзжіи Смаковскій просятъ меня обѣдать съ нимъ и съ Дзюбинымъ. Я спалъ; меня, спасибо, не будили. И я, подъ предлогомъ болѣзни, не поѣхалъ на лукулловскій обѣдъ. Богъ съ нами; съ непривычки можно серьезно захворать. Вечеръ провелъ у Галагана.

6 апрѣля.

Имѣлъ великое несчаствіе облачиться во фракъ и явиться къ своему главному надзирателю графу Ш. Онъ принялъ меня просто не форменно, а главное, безъ приличныхъ случаю назиданій, чѣмъ сдѣлалъ на меня выгодное для себя впечатлѣніе.

При этомъ удобномъ случаѣ познакомился съ женою правителя канцеляріи оберъ-полиціймейстера, И. Н. Мокрицкаго. Она урожденная Свичка и настоящая моя землячка. Мы съ нею встрѣтились, какъ старые знакомые

Разставшись съ милѣйшей землячкой, прошолъ я въ академію художествъ на выставку. Пейзажи, преимущественно передъ другими родами живописи, мнѣ бросились въ глаза. Каламъ имѣетъ сильное вліяніе на пейзажистовъ. Самого Калама двѣ вещи не перваго достоинства.

Вечеръ провелъ у графини Н. И., слышалъ въ первый разъ игру Автонія Контскаго, и лично познакомился съ поэтомъ Щербиною.

7 апрѣля.

Было намѣреніе съѣздить въ Павловскъ, къ старику Бюрно. Но этому доброму намѣренію невинно поперечилъ художникъ Соловьевъ, къ которому я зашелъ по дорогѣ, пробылъ у него до 4 часовъ и опоздалъ на желѣзную дорогу. Непростительная разсѣянность!

Вечеромъ пошли съ Михайломъ до Семена и не застали его дома.

8 апрѣля.

Воспользовавшись хорошею погодою, пустился я пѣшкомъ въ Семеновскій полкъ искать квартиру Олейникова. Квартиру нашелъ, а хозяина не нашелъ и прошелъ въ Бассейную къ Кокореву. И сего откупщика-литератора не нашелъ дома. По дорогѣ зашелъ на Литейную къ Василью Лазаревскому, отдохнулъ немного и пустился, пѣшкомъ же, въ большую Подъяческую, къ Семenu, обѣдать. Послѣ обѣда вышли на улицу и случайно зашли къ обѣдному безталанному генералу К.

Вечеромъ зашелъ къ Круневичу, къ моему соизгнаннику, и между многими поляками встрѣтилъ и людей русскихъ, между которыми и двѣ знаменитости, графа Толстого и защитника Севастополя, генерала Хрулева. Послѣдняя знаменитость мнѣ показалась приборкавою.

9 апрѣля.

10 апрѣля.

Посѣтилъ московскаго знакомаго, нѣкоего Безобразова. Потомъ Рамазанова и Михайлова. Хотѣлъ пройти на выставку, да

не удалось: помѣшали. Смотрѣлъ въ Циркъ-театрѣ *Москаля-Чаризника*. Очаровательный Семень! а прочіе — чужь.

11 апрѣля.

Поручилъ Каменецкому хлопотать въ цензурномъ Комитетѣ о дозволеніи напечатать *Кобзаря* и *Гайдамакъ*, подъ фирмою: »Поэзія Т. Ш.« Что изъ этого будетъ?

Зашелъ по пути къ пѣвцу-актеру Петрову. Овъ только потолстѣлъ. А она—увы! Изъ мильенкой Анны Яковлевны сдѣлалась почтенная, но все-таки милая старушка. Непрочный полъ! Забѣжалъ къ Семену, выпилъ рюмку водки и пошелъ къ К. обѣдать. Скучно и грязно, какъ у стараго холостяка и въ добавокъ у военнаго. Вечеромъ у Б-л-з-рскаго слушалъ новую драму Совы и съ успѣхомъ доказалъ Сѣраковскому, что Некрасовъ не только не поэтъ, но даже стихотворецъ аляповатый.

12 апрѣля.

Свѣгъ, слякоть, мерзость. Не взирая на все это, отправились мы, т. е. я, Семень и М. Лазаревскій, въ академію смотрѣть выставку. Во-избѣжаніе простуды завернули къ Смурову, выпили по рюмкѣ джину и проглотили по десятку устриць. Съ выставки пошли мы на званый обѣдъ къ графинѣ Н. И., данный ею своимъ близкимъ многочисленнымъ пріятелямъ, по случаю моего возвращенія. За обѣдомъ графъ О. П. сказалъ коротенькое слово въ честь милостиваго царя. А въ честь моего невольнаго долготерпѣнія сказалъ почти-либеральное слово Николай Дмитріевичъ Старовъ, потомъ Щербина и, въ-заключеніе, сама графиня Н. И. Мнѣ было и пріятно и вмѣстѣ неловко. Я не чаялъ себѣ такой великой чести. Для меня это было совершенно ново. Семень замѣтилъ, что за столомъ всѣ были блѣдны, тощи и зелены, кромѣ несчастнаго изгнанника, т. е. меня. Забавный контрастъ!

Послѣ обѣда, повезъ меня Сошальскій къ землячкѣ М. С. Кржисевичъ, а часу въ первомъ къ Борелю, а отъ Бореля къ А..., гдѣ я его и оставилъ.

13 апрѣля.

Отъ Н. Д. Старова поѣхали мы съ Семеномъ къ М. В. Остро-

градскому. Великій математикъ принялъ меня съ распростертыми объятіями, какъ земляка и какъ надолго-отлучившагося куды-то своего семьянина. Спасибо ему. Остроградскій съ семействомъ ѣдетъ на лѣто въ Малороссію, — пригласилъ бы, говоритъ, и Семена съ собою, но боятся, что въ Полтавской губерніи сала не хватитъ на его продовольствіе.

Обѣдалъ у Семена; вечеръ провелъ у графини Н. И. Слушалъ стихотворенія Юліи Жадовской. Несчастливая, бѣдная дѣвушка!

14 апрѣля.

Семенъ познакомилъ меня съ весьма приличнымъ юношею — съ В. П. Энгельгардтомъ. Многое и многое пошевелилось въ душѣ моей при встрѣчѣ — съ сыномъ моего бывшего помѣщика. Забвеніе прошедшему! Миръ и любовь настоящему!

Вечеромъ Грицько Галаганъ познакомилъ меня съ Черниговскими земляками — съ Карташевскими. Нежеманные, мылые, настоящіе земляки.

15 апрѣля.

По желанію графини Н. И., представлялся шефу жандармовъ. Выслушалъ приличное случаю, но вѣжливое, наставленіе, и тѣмъ кончилась аудіенція.

Вечеръ провелъ у земляка Трохима Тупиці, гдѣ встрѣтился съ Громекою, авторомъ статьи о *полиціи* и о *взяткахъ*, и познакомился съ старикомъ Персидскимъ.

16 апрѣля.

Грицько Галаганъ пріѣхать просить, записать ему мой *Весенній вечеръ*. (1) Я охотно исполнилъ его желаніе, а онъ, чтобы не остаться у меня въ долгу, записалъ прекрасное стихотвореніе Хомякова. (2)

И. Н. Дзюбна познакомилъ я съ Семеномъ, а онъ, чтобы

(1) Садокъ вишневій коло хати, и проч.

(2) Тебя (Россію) избралъ (Богъ) на брань святую, и проч.

тоже не остаться въ долгу, вздумалъ попотчивать меня какимъ-то молодымъ генераломъ.

Вечеромъ Мей прислалъ мнѣ тотъ самый «Весенній вечеръ», который я поутру записалъ для Галагана, въ русскомъ переводѣ собственнаго издѣлія. Спасибо ему.

Per. 277 ^d/_{1862, p}

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братья и Русьскій Земли.»
Владимиръ Мономахъ.

1862

СЕРПЕНЬ

(АВГУСТЪ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША И ТОВАРИЩА И К^о.

155 *de*

ca

ДНЕВНИКЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Отрывокъ четырнадцатый, и послѣдній.

17 апрѣля 1858.

Н. Д. Старовъ прислалъ М. М. Лазаревскому написанное слово, сказанное имъ въ честь мою на обѣдѣ у графини Н. И. Толстой. Какъ вещь дорогую для меня, заносу его въ мой журналъ ⁽¹⁾.

В. М. Б-л-з-рскій познакомилъ меня съ профессоромъ Кавелинымъ. Привлекательно-симпатическая натура.

Тотъ же Б-л-з-рскій познакомилъ меня съ тремя братьями Жемчужниковыми. Очаровательные братья!

Вечеромъ въ цркѣ-театрѣ слушалъ оперу *Жизнь за царя*. Гениальное произведеніе! Безсмертный М. И. Глинка! Петровъ въ роли Сусанина, по-прежнему хорошъ, и Леонова, въ роли Вани, хороша, но далеко не Петрова, которую я слышалъ въ 1845 году.

18 апрѣля.

Получилъ милѣйшее письмо отъ милѣйшаго С. Т. Аксакова, на которое буду отвѣчать завтра: сегодня я увлекся своею *Лунастикой* (?). Еслибы не мѣшалъ обязательный Сошальскій, то я кочилъ бы *Лунатику*. Но увы! нужно было оставить невещественное слово и приняться за вещественное дѣло, т. е. за увѣсистый обѣдъ.

⁽¹⁾ См. въ польской книжкѣ «Основы» статью: «Значеніе Шевченка, проводы тѣла его въ Украину» стр. 9-я. *Ред.*

Вечеромъ, съ тѣмъ же обязательнымъ Сошальскимъ, поѣхали мы къ милой и талантливо-голосистой пѣвицѣ, мадмуазель Гринбергъ. Тамъ встрѣтился я съ Бенедиктовымъ, Даргомыжскимъ и съ архитекторомъ Кузьминимъ—старымъ и хорошимъ знакомымъ. Музыкальное наслажденіе заключилось смѣшнымъ и приторнымъ мяуканьемъ Д—скаго. Точно мышонокъ въ когтяхъ кота; а ему аплодируютъ. Странные люди, эти меломаны! а еще страннѣе такіа пѣвцы, какъ Д—скій.

19 апрѣля.

Вчера Сошальскій пригласилъ меня съ Михайломъ А на борщъ съ сушенымъ карасями, и на вареники. А сегодня графиня Н. П. проситъ запиской къ себѣ обѣдать и обѣщаетъ познакомить съ барономъ Штенгелемъ. Мы предпочли барона борщу съ карасями, и за измѣну были наказаны; онъ не пришелъ къ обѣду. Одиачный баронъ!

За обѣдомъ познакомился я съ адмираломъ Голенвицевымъ. Адмиралъ—товарищъ графа Федора Петровича. Простой, и, кажется, хорошій человекъ.

Вечеръ провелъ у Галагана. Онъ прочиталъ описаніе своего будынка, збудованного имъ въ старомъ малороссійскомъ вкусѣ. въ Прилуцкомъ уѣздѣ. Барская, но хорошая и достойная подражанія, затѣя.

20 апрѣля.

Обѣдалъ у К. Д. Кавелина, и тамъ же познакомился съ Галаховымъ — составителемъ русской хрестоматіи.

21 апрѣля.

Безъ всякой цѣли, до обѣда, шлялся по городу. Вечеромъ пошелъ въ театръ. Спектакль вообще былъ хорошъ, а увертюра *Вильгельма Телля* — очаровательна. Хваленый теноръ С—въ ниже всякой посредственности; а ему аплодируютъ. Семень, въ роли отца Линды-ди-Шамуни, очень хорошъ.

Изъ театра зашелъ къ Б-л-з-рскому и засталъ у него К. Д. Кавелина. Съ разговора о минувшей и будущей судьбѣ Славянъ.

мы перешли къ психологiи и философiи, и просидѣли до трехъ часовъ утра. Школьничество... Но очаровательное школьничество!

22 апрѣля.

Тоже, безъ всякой цѣли, шлялся до обѣда, — только уже не одинъ, а съ Семеномъ. Вечеромъ, съ Семеномъ же, пошелъ къ землячкѣ М. Л. Мокрицкой, и до второго часу съ удовольствiемъ переливали изъ пустого въ порожнее.

23 апрѣля.

Вчера условились мы съ Семеномъ, чтобы сегодня, часу въ первомъ, ѣхать посмотрѣть дачи. Ровно до двѣнадцати часовъ была погода хорошая; потомъ пошелъ дождь — *затяжной*, какъ его называютъ. Мы просидѣли весь день дома, читали Гумбольдта *Космосъ*, и глядя въ окно, повторяли поговорку: «вотъ тѣ, бабушка, Юрьевъ день!»

24 апрѣля.

Предположенiя мнѣ никогда не удаются; а не могу отказать себѣ въ удовольствiи сочинять предположенiя. Сегодня, напри- мѣръ. Выходя изъ дому, я располагалъ провести время такъ: сначала зайти въ академiю посмотрѣть выставку; потомъ зайти къ Юрдану, своему будущему профессору; потомъ къ барону Клодту, и въ заключенiе, къ графинѣ Н. П. и у нея остаться обѣдать. Таковъ былъ проэктъ; а случилось вотъ какъ. Въ первой залѣ, въ академiи, встрѣтился мнѣ Зимбулатовъ и Бориснолецъ, — мои старые и искреннiе друзья. Наскорю обошли мы выставку, отправились къ Зимбулатову и время до обѣда провели въ воспоминанiяхъ. Я совершенно-доволенъ неудачею.

Вечеромъ собрался мы съ Михайломъ Л. къ брату его, Василю, да зашли къ Семену, и тамъ провели вечеръ. Тоже неудача.

25 апрѣля.

Въ 10 часовъ утра пошелъ проститься съ А. Н. Мокрицкимъ, отъѣзжающимъ въ Москву. По дорогѣ зашелъ къ М. П. Сухом-

липу, да по дорогѣ же зашелъ къ барону Клодту, полюбавался монументомъ и прошолъ въ академію. Въ первой залѣ встрѣтился съ Жемчужниковымъ, а въ послѣдней—съ Семеномъ. Изъ академіи поѣхали съ Семеномъ на Пестербургскую Сторону, искать дачу. Дачу нашли, оставили задатокъ, и въ 6 часовъ вечера пріѣхали домой. Вечеромъ, съ Семеномъ же, были у Н. П. Петрова, слушали безконечные и бесплодные толки о эманципаціи.

26 апрѣля.

На обѣдѣ у Сошальскаго лично познакомился съ поэтомъ Курочкинымъ и съ братомъ его, Николаемъ, достойнымъ молодымъ человѣкомъ. Поэтъ Курочкинъ многое общаетъ въ будущемъ. Дай Богъ, чтобы сбылись мои надежды.

27 апрѣля.

Общавая обѣдать у художника Л — ча и, по-разсѣянности, совралъ.

28 апрѣля.

Сошальскій подарилъ мнѣ часы стѣнные, а Василь Лазаревскій — термометръ. По милости добрыхъ людей, главные инструменты имѣю для опытовъ надъ аивантиной. Когда же пріймусь за самые опыты?

29 апрѣля.

Зашелъ къ Дзюбину. Не засталъ его дома, спросилъ завтракъ и оставилъ ему, за угощеніе, случившуюся со мною рукопись: *»Посланіе до мертвыхъ, живыхъ и ненарожденныхъ землякивъ»,* написавши — на память 1-го мая, тоже по разсѣянности.

30 апрѣля.

Пошелъ съ Семеномъ въ Лѣтній Садъ, съ намѣреніемъ посмотреть монументъ Крылова. По дорогѣ, зашли въ Казанскій соборъ посмотреть картину Брюлова. Но, увы! она такъ умно — удачно — поставлена премудрыми, что и кошачьи глаза видѣть

ея невозможно... По дорогѣ зашли въ Пассажъ полюбоваться шляющимися красавицами и Алеутскими болванчиками, и прошли въ Лѣтній Садъ. Монументъ Крылова, прославленный *Пчелой* и прочими газетами, ничѣмъ не лучше Алеутскихъ болванчиковъ. Безсовѣстные газетчики! Въсто величественнаго старца, баронъ Клодтъ посадилъ старичка въ нанковомъ сюртукѣ съ азбучкой и указкою въ рукахъ. Баронъ, безъ умысла, достигъ цѣли, вытѣпивши эту жалкую статую и барельефы — именно для дѣтей, — во никакъ не для взрослыхъ. Бѣдный баронъ! Оскорбилъ ты великаго поэта, и тоже безъ умысла.

Оскорбленные барономъ, мы взяли яликъ и поплыли на Биржу. Полюбовались величественной биржевой залой, прошли въ скверъ, посмотрѣли на обезьянъ и попугаевъ, и зашли на постоянную выставку художественныхъ произведеній. Бѣдный Тирановъ! онъ и свое болѣзненное мارانье тутъ же выставилъ. Грустное, тяжелое впечатлѣнiе!

Находившись до-ушаду, мы на яликѣ переплыли Неву, прошли часть бульвара, въ окнахъ магазина Дацiаро полюбовались акватинтами, взяли извозчика и отправились домой обѣдать.

Вечеромъ былъ у Б-л-з-рського и у Круневича.

1 мая.

Рѣшили мы съ Семеномъ провести день какъ-нибудь, а вечеромъ отправиться въ Екатерингофъ посмотрѣть праздничную публичку. Часу въ первомъ пошли мы въ академiю на выставку и зашли къ графини Н. П. Не застали ее дома и прошли къ Остроградскому съ намѣренiемъ тамъ и пообѣдать. Не удалось. М. В. и его благовѣрная В. Д. больны, а дѣти гулять ушли: мы послѣдовали ихъ примѣру и, пошлявшись по набережной Невы, возвратились домой.

Въ 8 часовъ вечера, вмѣсто Екатерингофа, зашли къ Б-л-з-рському и весело болтали до первого часу.

2 мая.

Были съ Семеномъ въ Эрмитажѣ, въ отдѣленiи древней и новой скульптуры. Я не воображалъ въ такомъ количествѣ остат-

ковъ древней и новой скульптуры въ Эрмитажъ; вѣроятно, онѣ собраны со всѣхъ дворцовъ. Прекрасная мысль. Въ отдѣленіи новой скульптуры, меня очаровалъ Танерини своей *Умирающей Душенькой*, и обидно разочаровалъ покойникъ Ставассеръ своей неуклюжей *Русалкой*. Смотрѣли музей древностей, бібліотеку, и, на первый разъ, тѣмъ кончили. Вниманіе утомилось. Залы музея отдѣланы съ бѣльшимъ вкусомъ, нежели картинная галерея.

Изъ Эрмитажа прошли мы на выставку цвѣтовъ. Изумительная роскошь цвѣтовъ и растений! Но густая толпа хорошенькихъ зрительницъ мѣшаетъ вполне наслаждаться произведеніями Флоры. Въ толпѣ посѣтителей встрѣтилъ старыхъ друзей моихъ — Маслова и толстѣйшаго Серёжу У—рова. Не графа, а просто — У—рова.

3 мая.

Былъ въ Эрмитажѣ, одинъ, безъ Семена. Его утомила вчера античная галерея и древности и онъ отказался мнѣ соупротоствовать. *Ледяцо!* Въ Эрмитажѣ встрѣтился и познакомился съ знаменитымъ граверомъ Иорданомъ. Онъ слышалъ о моемъ намѣреніи заняться акватинтой, и предложилъ мнѣ свои услуги въ этомъ новомъ для меня дѣлѣ. Обрадованный его милымъ искреннимъ предложеніемъ, я обошелъ два раза всѣ залы съ цѣлію выбрать картину для первой пробы избранного мною искусства. Послѣ внимательнаго обозрѣнія, остановился я на эскизѣ Мурильо—*Святое Семейство*. Навное, милое сочиненіе. Я не видалъ картины этого содержанія, которой бы такъ шло это названіе, какъ геніальному эскизу Мурильо. И такъ, съ Божіею и Иордановою помощію, принимаюсь за опыты, а потомъ и за Мурильо.

Въ 4 часа оставилъ я Эрмитажъ и зашелъ на выставку цвѣтовъ. Волшебный переходъ! Впродолженіе нѣсколькихъ часовъ внимательнаго созерцанія произведеній великихъ мастеровъ, я утомился, отяжелѣлъ духомъ, и вдругъ—живая, свѣжая предельная природа и искусства благотворно охватываетъ меня и обновляетъ. Разнообразная зелень, массы свѣжихъ роскошныхъ цвѣтовъ, музыка и, въ-довершеніе очарованія, толпы прекрасныхъ молодыхъ свѣжихъ, какъ цвѣты, женщинъ. Я общался въ 5 часовъ обѣдать у Уваровыхъ, и пробылъ въ этомъ раю до 6 часовъ. О столпца!

Вечеромъ передавалъ мои впечатлѣнія Семёну и его милѣйшей Александрѣ Ивановнѣ.

4 мая.

Былъ у Э. И. Иордана. Какой обязательный, милый человекъ и художникъ, и, въ-добавокъ, живой человекъ, — что между граверами большая рѣдкость. Онъ показалъ мнѣ, въ продолженіи часа, всѣ новѣйшіе приемы гравюры акватинты. Изъявлялъ готовность помогать мнѣ всѣмъ, что отъ него будетъ зависѣть. Я расстался съ нимъ вполонину будущимъ граверомъ.

Отъ Иордана зашелъ ненадолго къ графинѣ Н. П., а отъ нея пришелъ къ граверу и печатнику Служинскому, тоже за свѣдѣніями, засталъ его за обѣдомъ, и о дѣлѣ не было рѣчи. Зашелъ къ старымъ друзьямъ, Уваровымъ, съ цѣлью у нихъ обѣдать. Старикъ Уваровъ сообщилъ мнѣ, что спутникъ мой отъ Астрахани до Нижняго А. А. Сапожниковъ здѣсь и завтра уѣзжаетъ въ Москву. Я пустился къ нему, засталъ его дома, но онъ меня не принялъ по случаю скорого обѣда. Это меня немного сконфузило, я отряхнулъ прахъ отъ ногъ своихъ, и по дорогѣ зашелъ къ черниговскому земляку своему, Н. И. Петрову, гдѣ и пообедалъ на-распашку.

Вечеромъ поѣхали съ Семёномъ къ графини Н. П., гдѣ и пробыли до блага дня.

5 мая.

Въ Эрмитажѣ встрѣтилъ товарища по академіи, Михайлова, бывшаго фаворита К. П. Брюлова. Обойдя картинную и античную галерею, зашли мы въ Лондонъ позавтракать. До выѣзда своего изъ Рима въ Мадридъ, Михайловъ часто видѣлся съ К. П. Брюловымъ въ Римѣ и рассказалъ про его изумительное, неслышанное скардинчество. Великій Брюловъ великаго Рембрандта перереголялъ въ этомъ таинственномъ искусствѣ! Разставшись съ Михайловымъ, пошелъ я обѣдать къ Л — чу, — тоже ученикъ и любимецъ великаго Брюлова. Л — чъ повторилъ мнѣ слова Михайлова съ варіаціями. Кромѣ нравственнаго безсилія, нечѣмъ разтолковать подобное явленіе.

Съ Служинскимъ зашелъ къ Н. И. Уткину и не засталъ его

дома. Вечеромъ съ М. Лазаревскимъ попли къ Семену и тоже не застали дома.

6 мая.

Съ Семеномъ поѣхали мы къ Энгельгардту и не застали дома. Зашли къ Курочкину—тоже; зашли къ землячкѣ М. С. Кржи-севичъ, и она насъ встрѣтила—рѣзвая, веселая, молодая, какъ и десять лѣтъ назадъ. Чудная женщина! ея и горе не беретъ. А горя у нея немало. Она, на-дняхъ, возвратилась изъ Москвы и привезла мнѣ три короба поклоновъ отъ моихъ московскихъ друзей. Гостеприимная землячка предложила намъ завтракъ, а мы не отказались. Позавтракавши и весело поболтавши, мы взялись за шапки, какъ вошелъ Громека и съ нимъ еще какой-то кievскій землякъ.

Семень, за какой-то надобностию, зашелъ къ Юзефовичу, оберъ-секретарю синода, и меня потащилъ съ собою.

Разставшись съ новымъ знакомымъ, поѣхали мы обѣдать тоже къ новымъ знакомымъ—къ Степановымъ, изъ Харькова. После обѣда, Семень пошелъ въ театръ, а я—къ Сухомлинову, гдѣ встрѣтилъ старого знакомаго и земляка, академика Никитенка. Изъ декламатора-профессора Никитенко превратился въ простого любезнаго старика, въ разговорѣ не избѣгающаго даже малороссійскихъ выраженій. Приятное превращеніе!

7 мая.

Отъ 10 до 12 часовъ, Семень, съ своимъ ученикомъ, пѣлъ разные дуэты, А. П. имъ аккомпанировала на фортепьяно, а я слушалъ и, по-временамъ, анюдировалъ... Съ какимъ трепетнымъ наслажденіемъ я воображалъ подобную сцену въ Новопетровскомъ укрѣпленіи; а теперь, когда осуществилось мое лихорадочное ожиданіе, я смотрю и слушаю какъ самую обыкновенную вещь. Странный — человекъ вообще, въ томъ числѣ и я. После дуэтовъ вышли мы съ Семеномъ на улицу, безъ всякой цѣли. Зашли случайно въ музыкальный магазинъ Пецца поболтать, а потомъ зашли къ художнику Соколову, полюбовались рисованными на шипи земляками и землячками, и пошли къ Дзюбину; не застали дома. Возвратились къ Семену и, дождавшись Юзефовича съ семействомъ, принялись обѣдать.

8 мая.

Написалъ письмо Н. А. Брылкину, отослалъ на почту, и собрался ити въ Эрмитажъ работать, какъ вошелъ Н. Курочкинъ и Вильбуа. Планъ мой внезапно измѣняется. Въсто Эрмитажа, пошли мы къ Семену потолковать насчетъ постановки на сцену оперы Вильбуа. Семена не застали дома. Зашли къ Софьѣ Федоровнѣ — тоже самое. Зашли въ трактиръ, пообедали и разошлись.

9 мая.

Было намѣреніе вытащить Дзюбина въ Павловскъ. Онъ не согласился и я пустился пѣшкомъ на Крестовскій къ Старову. Въ ожиданіи обѣда, обошелъ съ Ноздровскимъ половину Крестовскаго и Петровскаго острова. Пообѣдалъ и пѣшкомъ же возвратился домой.

Вечеромъ были съ Семеномъ у m-elle Гринбергъ. Она много и прекрасно пѣла. Какая славная, пламенная была бы актриса!...

10 мая.

Началъ работать въ Эрмитажѣ. Въ добрый часъ сказать, въ худой помолчать. Во второмъ часу пошелъ на англійскую набережную проводить Сухомлина за границу. Простившись съ Сухомлиновымъ, зашелъ къ Н. П. Петрову; у него случился билетъ для входа въ Исаіевскій Соборъ, и мы отправились, и насъ не впустили, потому что билетъ подписанъ Васильчиковымъ, а не Гурьевымъ. Китайскій резонъ.

11 мая.

Работалъ въ Эрмитажѣ до трехъ часовъ. Обѣдалъ съ Антономъ Совой у Б—рського, и за успѣкъ будущаго журнала *Слово* выпилъ бутылку шампанскаго. Вечеромъ съ Семеномъ отправились къ графинѣ Н. П. Толстой и возвратились въ 4 часа утра. Къ великой радости хозяйки, послѣдній весенній вечеръ былъ оживленъ какъ-обыкновенно, и необыкновенно весель. Семень и мадамъ-зель Гринбергъ были душою общей радости.

12^о мая.

Проводилъ Грицька Галагана въ Малороссію, а потомъ пошелъ къ графинѣ Н. Н. съ цѣлью устроить себѣ постоянную квартиру въ академіи. Она общается, и я вѣрю ея обѣщанію. Разставшись съ Н. П., зашелъ ненадолго къ художнику Макѣшину, и потомъ къ Глѣбовскому. Счастливые юноши и паки счастливые художники!

По приглашенію Троцины и прочихъ земляковъ, пришелъ я къ Дюсо, въ 5 часовъ, обѣдать, и неожиданно встрѣтилъ Нижегородскихъ моихъ пріятелей — Лацу и Бабкина. Послѣ обѣда ѣздили съ Троциною и Макаровымъ кое-куда—неудачно.

13 мая.

Заказалъ мѣдную доску. По дорогѣ зашелъ къ Курочкину и не засталъ дома. Зашелъ къ землякѣ Кржисѣвичъ — тоже самое. Зашелъ къ Градовичу, и въ дверяхъ встрѣтилъ сестру Троцины, сегодня возвратившуюся изъ-за границы. Свѣжая и здоровая. Поѣздку за границу должно принять за нормальное лѣкарство.

Вечеромъ былъ у поэта *А. Сова* и онъ мнѣ записалъ свое прекрасное стихотвореніе (*Do poety ludu*), а Каменецкій записалъ малороссійскую пѣсню: первая пѣсня, которую я знаю, безъ рифмы.

* * *

Забілія сніги,
Заболіло тіло,
Ще я головонька.
Ніхто не заплаче
По білому тілу
По бурлацькому:
Ні отець, ні мати,
Ні братъ, ні сестриця,
Ні жона ёго;
Ой тільки заплаче
По білому тілу
Товаришъ ёго.
«Прости мене, брате,
Вірний товаришу!
Можеть я я умру;

Зроби мині, брате,
 Вірний товаришу,
 Съ кипль-древа труну;
 Поховай мене, брате,
 Вірний товаришу,
 Въ вишневімъ саду, —
 Въ вишневімъ садочку,
 На жовтімъ пісочку
 Підь рябнюю.»
 Рости, рости, древо,
 Тонке, високе,
 Кучерявее;
 Та й роспусти гилля
 Зь верху до коріння,
 Листь до долоньку;
 Покрий тее тіло
 Бурлацькее біле
 Ще й головоньку,
 А щобь тее тіло
 Бурлацькее біле
 Та й не чорнію,
 Одъ ясного сонця,
 Одъ буйного вітру
 Та й не марнію!

14 мая.

Дни нечаяннхъ встрѣчъ: третьяго дня съ Лапой, вчера съ Троциной, а сегодня прихожу къ графинѣ Н. П. обѣдать и встрѣчаюсь съ моимъ единымъ, моимъ незабвеннымъ другомъ, М. С. Щепкинымъ. Онъ прїѣхалъ сюда по случаю юбилея Гедеонова. И не зная моего адреса, искалъ меня въ академіи, и зашелъ къ графинѣ, зная что я тамъ бываю. Догадливый мой великий другъ!

Послѣ обѣда, графиня, со всѣмъ семействомъ и мы съ нею, отправились къ адмиралу А. В. Голенщеву. Старикъ былъ въ восторгѣ отъ неожиданнаго гостя. Тутъ же встрѣтилъ я и познакомился съ барономъ Штейнгелемъ, съ Тобольскимъ другомъ Михайла Л.

15 мая.

Обѣщался быть у М. С. въ 7 часовъ утра и проспалъ до 10. Хорошъ прїятель! Ушолъ въ Эрмитажъ и работалъ до трехъ часовъ. Вечеромъ пошелъ до Семена и не засталъ дома.

16 мая.

Не умывшись поѣхалъ къ М. С., но онъ уже исчезъ; съ горя зашелъ къ Курочкину, — спитъ. Зашелъ къ Энгельгардту, — въ ваннѣ. Пошолъ къ мѣднику, взялъ доску и, на-авось, зашолъ къ землячкѣ М. Ст. засталъ дома. Наболтавшись до-сыта, провелъ ее къ Градовичамъ и пошелъ домой. Вечеромъ восхищался пѣніемъ милочки Гринбергъ, съ Сошальскимъ и Семеновъ; въ восторгѣ, заѣхалъ ужинать къ Борелю, и погасили свои восторги... Цинизмъ!..

17 мая.

Изъ приюта, въ 7 часовъ утра, отправился къ М. С. Щ., засталъ еще въ халатѣ. Наговорились и уговорились обѣдать у К. Д. Кавеллина, что и исполнили въ 4 часа. Вечеромъ былъ у Семена и не засталъ дома. *Гульвиса!*

18 мая.

Очаровательная Александра Ивановна Артемовская сегодня именинница. М. Лазаревскій купилъ для нея роскошный букетъ цвѣтовъ, а я отнесъ ей и приподнесъ; и я въ барышахъ и она неправѣ сказать, что я поздравилъ ее съ пустыми руками. И вѣжливо, и дешево....

Отобѣдавъ у именинницы, я, съ Лазаревскимъ, вскорѣ отправились къ графинѣ Н. И. и нашли тамъ М. С. Щепкина. Великій другъ мой, по просьбѣ графини, прочиталъ монологъ *Скупого Рыцаря*, Пушкина, *Феерверкъ*, и *Разсказъ Охотника*, изъ комедіи Ильина. И прочиталъ такъ, что слушатели видѣли передъ собою юношу пламеннаго, а не 70-лѣтняго старика Щепкина. Геніальный актеръ и удивительный старикъ. По-обѣщанію, и я, съ горемъ по-поламъ, прочелъ пмъ свои *Неофиты*. Не знаю, насколько они меня поняли, — по-крайней-мѣрѣ внимательно слушали.

19 мая.

Въ 12 часовъ проводилъ моего великаго друга, М. С. Щепкина, на Московскую желѣзную дорогу. На Михайловскомъ театрѣ

смотрѣлъ Садовскаго, въ роли *Расплюева* (Свадьба Кречинскаго). Послѣ Щепкина, я не знаю лучшаго комика. Самойловъ далеко уступаетъ Садовскому. Г. Снѣткова 2-я играла слабо. Какъ бы хороша была моя незабвенная Пиунова!

20 мая.

До трехъ часовъ работалъ въ Эрмитажѣ. Обѣдалъ у моихъ старыхъ друзей У—ровыхъ. Сергѣй У—овъ, веселѣйшій толстакъ на свѣтѣ, сказалъ слѣдующій экспромтъ разносчику апельсинавъ:

Напрасно, разносчикъ, въ окно ты глядишь
Подъ бременемъ тягостной ноши;
Напрасно ты голосомъ звонкимъ кричишь:
Лимоны, пальцины гороши!

Не обольщай меня мечтой
Плодовъ привозныхъ изъ чужбины:
Нѣтъ, душу полную какой-то пустотой
Не соблазнять златые апельсины.
Я отжилъ жизнь свою давно,
И всѣ души моей желанья
Сосредоточилъ я въ одно
Разоблаченное отъ счастья ожиданье.

Напрасно, разносчикъ, въ окно ты глядишь, и проч.

Вечеромъ былъ у Семена, и милѣйшая Александра Ивановна играла лучшіе мѣста изъ *Трубадура*. Очаровательно играла!

Повернулся я зъ Сибірі,
Та не маю долі:
Хоть, здаеця, не въ кайданахъ,
Та не маю волі.

Слѣдятъ мене зліи люде
День, часъ и годину,—
Прайде туга до серденька,
То ледві не згину.

Зовуть мене розбійникомъ —
Кажуть, що вбиваю:—
Я нікого не вбивъ ніще,
Бо самъ душу маю.

Возьму гроші въ багатого,
Убогому даю,
И, такъ людей поділявши,
Самъ гріха не маю.

Маю жінку, маю дітокъ,
Однакъ їх не бачу;
Якъ згадаю про їх долю,
То гірко заплачу.

Треба мені въ лісі жити,
Треба стерегтися...
Хоть, здаеця, світъ широкий
Та нігде подітьця.

Сочиненіе этой. весьма немудрой. пѣсни приписываютъ самому Кармелюку. Клеветцуть на *славного лицаря*. Это рукодѣлье какого-нибудь мпзерного Падуры.

(Съ 21 мая по 13 іюля 1858 г. ничего въ *Дневникѣ* не записано).

13 іюля 1858.

СОНЪ.

На панщині пшеніцю жала;
Втомілася; не спочиваѣтъ
Пішла въ снопі, — пошкандибала
Івана-сіва годуваѣтъ.
Вонб сповітее кричало
У холодбчку за сповбмъ;
Росповила, нагодуваѣла,
Потѣстила, — и ніби сномъ.
Надъ сіномъ сіда, задрінала.
И снітца ій той спнъ Іванъ —
И уродливий, и багатий,
Не одинбквий, а жонатий
На вбльній, баचितця... бо я самъ
Ужѣ не панський, а на вблі
Та на своїмъ весѣлімъ побі
У-двохъ собі пшеніцю жнуть,
А діточкі обідѣ несуть...
Та я усміхнулася неббга...
Прокінулася — нема ніббго!
На Іваса глянула; взяла,
Їго гарнѣнько сповіла,
Та, щобъ дожаты до лановбго.
Щѣ кону дожннаты пішла...
Остатню, може; Богъ помбже,
Той сонъ твої справойтця...

Т. ШЕВЧЕНКО.

Примѣчаніе. Последнихъ двухъ стиховъ нѣтъ въ этомъ стихотвореніи, напечатанномъ, при жизни Тараса Григорьевича, въ *Русской Бесѣдѣ*. И, дѣйствительно, эти два стиха нарушили бы художественную цѣльность поэтического созданія; но они дороги для насъ, какъ указаніе на то, какой заботой, какой надеждой постоянно была занята душа истиннаго кобзаря-народолюбца; ими же оканчивается и *Дневникъ*, — *Дневникъ* — арагодѣнный по своей правдивости, простотѣ, искренности и по автобіографическимъ подробностямъ. Намъ кажется, что Шевченко, какъ поэтъ, художникъ и человѣкъ, полнѣе всего высказывается въ *Дневникѣ*. Кто внимательно прочтетъ его, отъ начала до конца, тотъ сразу составитъ себѣ живое представленіе объ этомъ гениальномъ явленіи, и не только будетъ удивляться ему, пораженный многосторонностью ума и сердца этого дивнаго самоучки, широтой и истинностью его взгляда на жизнь и искусство, но и полюбить его, какъ человѣка, со всѣми его слабостями, которыми онъ такъ-глубоко сознаетъ и въ которыхъ такъ-откровенно сознается. Намъ упрекали, зачѣмъ мы печатали весь *Дневникъ* сподрядъ, не исключая многихъ мелочей — и не замѣтныхъ и, въ то же время, слишкомъ обнажающихъ темныя стороны домашней жизни поэта. По мнѣнію этихъ строгихъ судей, образъ поэта долженъ оставаться свѣтлымъ и величавымъ, какъ его произведенія: слѣдовало выбрать лучшія страницы изъ *Дневника*, а не помѣщать такихъ подробностей, которыя прочесть было бы непріятно самому Шевченку.

Мы руководились иною мыслью; мы, напротивъ, жалѣемъ, что принуждены были выпустить нѣкоторые мѣста, гдѣ рѣзко высказываются и его негодованія, и ненависть, и желчныя приговоры, и насмѣшка; мы увѣрены, что поэтъ не упрекнулъ бы насъ за это. Шевченко, при жизни, скрывалъ только свои задушевные думы и самыя нѣжныя проявленія своего сердца; но никогда не старался скрыть и тѣмъ-болѣе закрасивать тѣ пятна, которыя наложила на него многопечальная и многотрудная жизнь, прoderжавшая его, отъ колыбели до могилы, въ черномъ тѣлѣ. Онъ никогда не поддался на ходули, никогда не разыгрывалъ роли; будучи, безъ малѣйшихъ усилій, истинно-возвышенъ, неподражаемо-великъ въ своихъ поэтическихъ созданіяхъ, (изъ которыхъ многія еще не напечатаны), — онъ никогда въ жизни не высился во весь свой ростъ, становясь рядомъ, рука-об-руку, съ людьми обыкновенными, рядовыми. Посмотрите, сколько очаровательныхъ личностей онъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу, какъ онъ восхищается ими — и какъ мало самоувѣренности, довольства *самимъ-собою* выражается въ его *Дневникѣ*! Въ жизни, онъ былъ еще скромнѣе. *«Ты у насъ будешь старшимъ обо всѣхъ, а якъ заговоришь, то мовь найменьший братъ.»* вполне справедливо сказано въ *молосині* одной Украинки у его гроба.

Насъ, Украинцевъ, нерѣдко обвиняютъ въ увлеченіяхъ, даже въ пристрастіи къ своимъ героямъ... Да, это съ нами случается; но если къ намъ увлекались по-справедливости, то это Шевченкомъ, — если мы преданы кому съ заслуженнымъ вполне пристрастіемъ, то къ Шевченку. Шевченко принадлежитъ къ числу тѣхъ необычайныхъ личностей, въ которыхъ, какъ въ Гарибальди, можно видѣть слабости, ошибки, но зато еще силь-

нѣе привязаться къ нимъ, еще нѣжнѣе любить ихъ. Пускай, въ напечатанномъ нами *Дневникѣ*, увидятъ Шевченка всего, каковъ онъ былъ; пускай изъ него поймутъ, что наше пристрастіе не то, которое бонится правды для своихъ любимцевъ. Тому, кто имѣлъ полное право отнестись къ своей *Музѣ* — къ своему главному призванію — съ словами:

»Ми не лукавили съ тобою, —
 Ми прѣсто йшли: у насъ нема
 Зернѣ неправди за соббою:

тому не страшна правда. Въ этомъ должны сознаться всѣ, даже люди въ родѣ тѣхъ господъ, которые осуждали почтеннаго соплеменника, г. Совиньскаго, за его оцѣнку Шевченка... Немногіе рѣшатся теперь напомнить собой цѣтуха, который не умѣлъ отличить, въ сору, жемчужныхъ зеренъ. *Ред.*